

Николай Д. РУССЕВ

на грани МИРОВ И ЭПОХ

Кишинев
1999

ВЫСШАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Николай Д. РУССЕВ

на грани миров и эпох

города низовьев дуная и днестра
в конце XIII-XIV вв.

Научный редактор
д.и.н. Л. Л. Полевой

Издано при поддержке
Михаила Титова

Кишинев
1999

CZU 94(478)

R 95

Работа выполнена в Институте истории АН РМ
и Высшей Антропологической Школе.
Печатается по решению
Сената Высшей Антропологической Школы

Р е д а к т о р :
Л.А.Мосионжник

Р е ц е н з е н т ы :
д.и.н. П.П.Бырня
д.и.н. А.О.Добролюбский

© Н.Д.Руссев. На грани миров и эпох. Города низовий Дуная и Днестра в конце XIII – XIV вв. – Кишинёв: ВАШ, 1999. – 240 с.

В монографии на основе исторических и нумизматических памятников исследована история городов нижнего течения Дуная и Днестра, находившихся в XIII-XIV вв. на окраине Золотой Орды. Здесь пересекались пути цивилизационного развития славян и тюрок, византийцев и итальянцев, валахов и молдаван. Городская жизнь края под властью ордынских ханов составила яркую эпоху, резко отделившую реальность домонгольского мира от начавшегося во второй половине XIV в. нового этапа истории Европы.

Книга написана для всех интересующихся достижениями современной исторической науки в изучении прошлого Молдовы и сопредельных территорий — от старшеклассников до преподавателей вузов.

ISBN 9975-9559-6-7

© Высшая Антропологическая Школа
© Английское резюме: Ю.Д.Тимотина
© Оригинал-макет: Л.А.Мосионжник
© Обложка и титульный лист: Д.А.Топал

*Памяти мамы —
Елены Петровны Руссевой (1932-1997)*

Содержание

Культурно-информационный проект «Мир — зеркало для Молдовы». Предисловие Руководителя Проекта	5
К читателю	12
Введение	15
Глава 1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДОВ	
1.1. Градообразование и денежное обращение.	32
1.2. Некоторые факторы градообразования середины XIV в.	
46	
Глава 2. АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ БЕЛГОРОДА	
2.1. Религиозный и этнический состав населения	59
2.2. Общественные отношения	75
Глава 3. ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ	
3.1. К исторической ситуации первой трети XIV в.	86
3.2. Ордынцы в жизни городов	102
Глава 4. ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ПЕРИОДИЗАЦИИ	
4.1. Ритмы товарно-денежного обмена	124
4.2. Ареалы и периоды монетного обращения	141
4.3. Стадиальность городского развития	152
Заключение. ГОРОДА РЕГИОНА В НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ МОЛДАВИИ И ВАЛАХИИ	163
Приложение 1. ТАБЛИЦЫ	178
Приложение 2. НАХОДКИ ДЖУЧИДСКИХ И ГИБРИДНЫХ МОНЕТ НА ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ	
А. Городища	196
Б. Клады.	205
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	219
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	234
Resume	235

Культурно-информационный проект «МИР — ЗЕРКАЛО ДЛЯ МОЛДОВЫ»

Предисловие Руководителя Проекта

Десять лет молодая республика пытается завоевать себе место под солнцем, показать миру своё лицо, доказать самой себе и другим, что она неотъемлемая и яркая часть культурной, политической, экономической планетарной палитры. Однако поиск своего *raison d'état* пока не увенчался серьезными успехами: большинство отечественных информационных инициатив не достигает цели ни в внутри страны, ни за ее пределами. Складывается совершенно невнятный облик Молдовы, её политических, культурных, информационных элит.

Причины такого положения, по-моему, очевидны. Лицо новой Молдовы пытаются составить из старых патриархальных штампов: пейзажей, вина, табака, фольклора. Есть и другой путь, которым идут сейчас многие бывшие советские республики (не исключая и Россию). — путь подражания и плагиата, когда новые государства пытаются внедрить у себя дома модели, где-то и когда-то апробированные другими. Этот подход не лишен смысла там, где для такого культурного эксперимента есть сколько-нибудь серьезные основания исторического, политического, психологического и прочего порядка, но неприменим там, где этих оснований нет и слишком велика опасность отторжения «инородных тел» автохтонным культурным организмом. Если Молдова просто одна из малых европейских стран в ряду многих таких же, тогда, лишая себя оригинальности, уникальности, если угодно, мы теряем интерес к себе не только со стороны соседних Украины и Румынии, но и со стороны благополучного Запада. Мы не находим поддержки у тех, кому пытаемся подражать, мы теряем инвестиции.

Но оставим пока инвестиции. Дело куда серьезнее: мы лишены самого важного — понятного каждому гражданину этого государства самого смысла существования столь курьёзного политического организма, а точнее — национальной идеи! В случае с Молдовой следовало бы быть корректнее — *общенациональной* идеи. Голод, холод, тяжесть и дискомфорт бытия переносятся неизмеримо легче, если ясно — во имя чего все эти страдания. Во имя какого будущего? Пусть несбыточного, но родного, пусть не для себя, так для детей. Без конструктивной идеи, устремлённой в будущее, любая страна обречена остаться скопищем людей, случайно оказавшихся рядом.

Любой национализм значительно уже, чем нация, интересы которой он берётся выражать. А любая идея, претендующая на статус национальной, всегда шире и интернациональнее, чем нация, в лоне которой она родилась. Для героев 1789 года их идеи были патриотическими: «Да здравствует республика» и «Да здравствует нация» — в их устах это было одно и то же. Но они не пытались быть «только» французами — и каков же был резонанс! В случае с Молдовой это — императив.

В нынешних условиях она не может решить ни одной из своих проблем, ибо её жители не воспринимают себя как единое целое, а проблемы Молдовы — как свои общие проблемы. Ещё немного — и страна, занимающая райский угол Европы, превратится в бантустан «остарбайтеров», в резервуар сезонной и почти дармовой рабочей силы для чужих полей и садов. Тогда её ждёт власть уголовщины и первобытная экономическая «система» с соответствующим её уровнем и образом жизни.

Об этом ли мечтали десять лет назад, добиваясь независимости? Возникновение суверенной Молдовы не стало итогом естественного экономического развития, как в бывших колониях, или мощного национального движения. Оно — результат прежде всего *культурной* катастрофы, духовного кризиса, поразившего бывшую метрополию — СССР. Национальной идеей Союза была идея коммунизма. Хороша ли она была, плоха ли, но она требовала *общих* усилий — и, пока она сохраняла жизненную силу, жила и основанная на этой идее страна. А потом началось её ускоряющееся падение. Оно всё ещё продолжается, и если его не остановить, то, как пророчил ещё Г. Уэллс, «шестая часть суши» превра-

тится в гигантскую воронку, в которую засосёт весь мир. Предотвратить эту катастрофу могут только новые идеи — русская, молдавская, узбекская и т.д., способные говорить на понятных друг другу языках.

Нельзя сказать, что нынешние политики этого не понимают. Но предложенные ими выходы — это лекарства, которые пока только усугубляют болезнь. Неужели наши Моисеи тоже будут водить молдавский народ 40 лет по пустыне поиска смысла? Думаю, уже сегодня становится очевидным, что источником новой национальной идеи может быть только культурное наследие. Но чаще всего его понимают именно и только как *национальное* наследие — одной лишь титульной нации. Для остальных отводится в лучшем случае статус терпимости — резервации русской, украинской, еврейской, болгарской культуры, статус эмигрантов у себя на родине. Как выразился в подобном случае Талейран, «это больше чем преступление — это ошибка»: подобная политика столь же бесплодна, как и моральное негодование по её поводу. Не секрет, что так называемая «национальная культура» на самом деле создаётся творческой интеллигенцией, отбирающей из прошлого даже своего народа то, что, по её мнению, годится для символа, и вымарывающей всё остальное. Штефан Великий, побеждающий турок, в эту «национальную культуру» входит, а тот же Штефан Великий, побеждающий единокровных валахов, заключающий с турками договор и перед смертью поручающий им опеку над своим малолетним наследником, — нет. Примеров великое множество. Такой подход чреват провинциализмом, когда «национальное» понимается просто как «политически выгодное» или «экзотическое». В самом деле, неужели мы только на то и годны, чтобы плясать жок на потеху заезжим зевакам? Но более того, такая идея по самой сути своей деструктивна: она нацелена на разъединение жителей страны, их сортировку на «хозяев» и «лимиту». Это — подходящая идеология для гражданских войн, но никакого более порядочного будущего на ней не построить.

Между тем действительное культурное наследие Молдовы уникально. Сколько бы мы ни углублялись в прошлое, молдавская земля всегда оказывается местом, где соприкасались и взаимодействовали могучие культурные миры. Здесь совершался диалог Средиземноморья, Центральной Европы, Малой Азии с Ближ-

ним Востоком, Восточной Европы и Великой евразийской степи. Результатом было и остаётся удивительное смешение народов и языков, какого нигде в Европе не встретить. Происхождение от предков разного корня, одинаково свободное владение двумя-тремя языками здесь всегда было нормой для большинства населения. Нет смысла делить жителей Молдовы на «автохтонов» и «пришельцев»: все мы автохтоны, все мы пришельцы. И какая разница, что одни из нас пришли сюда вчера, другие — позавчера, а следующие придут завтра? Теперь это наша общая Родина.

Такое положение на стыке очень неродственных культур, постоянная возможность культурного диалога одновременно с несколькими цивилизациями создали в Молдове уникальный феномен ускоренного культурного развития. Молдова никогда не пыталась быть лидером. Но она *стала* им в незаметной, но в наши дни важнейшей для всего мира сфере — в опыте *мирного сосуществования людей*, в опыте бытовой культуры общения. Парадоксальный факт — приднестровская война закончилась на удивление быстро: не потому, что её остановил героический генерал, а просто потому, что никто не хотел воевать. Молдова всегда имела возможность выбирать из нескольких ориентиров самый подходящий для себя, быстро усваивать мировое наследие и брать из него своё всюду, где его находила. Достаточно вспомнить выдающиеся имена уроженцев в других культурах — как потомков романоязычных молдаван (для России это, навскидку, — Милеску-Спафарий, Д.Кантемир, А.Кантемир, Херасков, Мечников, Склифосовский), так и иных (Берг, Фёдоров, Шестаков), чтобы ощутить мощный духовный потенциал этой земли. Это ли не культурное наследие? Это ли не источник оптимизма, в котором сейчас так нуждаются люди — уже не совсем советские, ещё не совсем ощутившие себя молдаванами? Оптимизма и для тех, кому «вреден север» (написано, кстати, в Кишинёве)?

Грешно не замечать всего потенциала *этой* идеи, грешно не понимать, что большинство населения подспудно её ощущает и готово её разделить, как только она будет высказана и станет узнаваемой.

Национальную идею нельзя придумать. Она есть, и только благодаря ей мы тут всё ещё живы.

Национальную идею нельзя придумать, но её можно открыть

и превратить в осознанное, а не инстинктивное средство выживания.

Этой-то гуманной и патриотичной задаче и посвящён столь необычный проект.

Его цель — создание предпосылок для *информационного переворота* в осознании культурного наследия Молдовы, места этой страны и её граждан в истории и мире. В свою очередь, он включает в себя несколько программ:

- «Историческая терапия» — стирание «белых пятен» в истории региона. Стараниями нынешних идеологемщиков из прошлого благодатной этногенетической почвы между Прутом и Днестром безжалостно выполоты имена десятков живших здесь народов: скифов, кельтов, бастарнов, сарматов. На исторической карте отсутствует великое готское королевство Германариха, а славянские племена изображены стрелками миграций, наподобие океанских течений. Тщательно замалчивается гигантский вклад тюркских народов не только в качестве экзотического ингредиента в этническом коктейле, но и в качестве создателей первых городских центров Молдовы. Шехр аль-Джедид аль-Махруса (нынешний Старый Орхей), возникший в XIV веке, стал уникальным образцом продвинутой городской жизни — с банями, с водопроводами, с самой крупной на то время мечетью в Золотой Орде (около 3000 кв.м). Мы убеждены, что даже простое историческое просвещение способно вызвать немедленный и положительный резонанс.

- «Обретение Родины» — осознание всех жителей страны как представителей *единой молдавской нации*, по признаку гражданства, а не языка и не происхождения, осознание всего того, что нас роднит, а не разъединяет, поверх всех искусственных границ. Таких черт много, они у всех на виду, их нет смысла даже перечислять. Остаётся лишь показать, что это — благо, что в этом — залог нашего общего достойного будущего.

- «Без завоёванных и завоевателей» — реконструкция того места, которое Молдова занимала и занимает в мире. Всем известна традиционная историческая канва отношений между Молдовой и империями: Золотоордынской, Османской, Австрийской, Российской и другими. Но такой подход не сулит перспектив: перечень битв и завоевателей — ещё не наследие. Вопрос в другом:

что дала Молдове та же Турция, или Австрия, или Россия? И что дала Молдова им, чем она может интересовать эти страны и дальше — уже не как объект покорения, а как партнёр? Это и определяет смысл программы — отношения Молдовы с остальным миром «без завоёванных и завоевателей».

Методы решения задач проекта будут разнообразны. Это — постоянная серия телепередач и фильмов «Мир — зеркало для Молдовы», размещаемых на самых популярных телеканалах. Это — поездки по странам, с которыми нас связывают давние культурные узы и совместные планы на будущее, поездки с интригой и нетрадиционными маршрутами. Это — археологические и этнологические изыскания и у нас на родине, и за рубежом — в Турции, Китае, Иране, Израиле, Италии, Греции, Германии, Таджикистане, обмен экспедициями и научными результатами. Это — научные монографии, быть может, даже и не относящиеся к Молдове напрямую с точки зрения нынешней конъюнктуры. Это — создание метасайта о нашей стране («Moldova ab ovo») в сети Internet. Это — работа на туристических объектах, способных достойно представить республику перед лицом окружающего мира.

И тогда ни молдаванин, ни иностранец не затруднится ответить на вопросы:

«Что Вы должны знать о Молдове после того, как впервые узнали о её существовании?»

«Что Вы должны знать о Молдове после того, как прожили в ней всю жизнь?»

Многие ныне процветающие страны начинали среди голых песков или диких лесов. Их первые жители не имели ничего, кроме веры в своё великое будущее. Если у нас будет идея — мы всё сможем. Нам и не нужно всё. Нам изначально дано многое — наше наследие. Остаётся лишь правильно его понять и правильно пересказать — для тех, кто рядом с нами, как и для тех, кто придёт после нас.

Любая национальная идея нуждается в зеркале, в котором она может увидеть и правильно оценить самое себя. Это зеркало — мир. В него смотрят не для нарциссического самолюбования и не из праздного любопытства, а потому, что оно правдиво. В нём мы хотим увидеть себя — такими, какие мы есть, а не такими, каки-

ми нас хотят изобразить недруги, подпевалы или кандидаты в хозяева. Итак: «Мир — зеркало для Молдовы»!

...Теперь несколько слов об авторе книги «На грани миров и эпох» — первой книги, издаваемой по плану этого проекта. С Николаем Руссевым я знаком не так давно, но наши отношения довольно быстро стали дружескими. Внешне медлительный и флегматичный, настоящий «профессор», каким его обычно себе представляют, но которые встречаются только в книжках и в кино. Он очень разносторонен: специалист по средневековой Молдавии — и в то же время знаток восточной культуры, профессиональный эксперт в вопросах нумизматики — и просто отличный популяризатор, которому не составит труда доходчиво объяснить сложные вопросы своей науки ни студенту, ни заинтересованному дилетанту. В то же время — Руссев готов с легкостью скинуть профессорскую мантию и, отбросив академический политес, стать «своим человеком» в любой хорошей компании, способным создать в ней бодрое, «боевое» настроение. Руссев производит впечатление человека, действительно находящегося на грани миров и эпох. Его мужская основательность и твердость в решениях не вызывают сомнений в том, что Руссев — не просто кабинетный интеллект, а ученый, готовый, вопреки любой текущей конъюнктуре, продолжать борьбу за то, чтобы эти миры и эпохи были услышаны и поняты спустя столетия.

Михаил Титов

К ЧИТАТЕЛЮ

Со времен основоположников «Анналов» стало ясно, что главная задача исторической науки — восстановление духовного мира ушедших эпох, системы представлений и образа жизни, которые, в сущности, и составляют то, что мы называем «наследием». Книга, которую вы сейчас держите в руках, без сомнения, позволяет достичь этой цели.

Исследование Н.Д.Руссева явно нетрадиционно, хотя и посвящено традиционной теме — изучению экономики, социальной и политической жизни городов низовьев Дуная и Днестра. Территория эта во многом уникальна. В исторической науке она часто выглядит этаким провинциальной Золушкой, с трудом ловящей импульсы культурного Запада сквозь треск помех, создаваемых диким Востоком. На самом деле сказать о ней как об археологическом Эльдorado — значит ничего не сказать. Речь идет, ни много ни мало, об одной из немногих на Земле зон, где из века в век сталкивались культурные миры — средиземноморский, западный, восточноевропейский, ближневосточный, кочевой. Результаты этих столкновений бывали причудливы и часто очень важны не столько даже для самих Карпато-Днестровских земель, сколько для тех миров, для которых эти земли служили постоянным полем военных и духовных схваток. Ни Запад, ни Восток до сих пор не оценили в полной мере того, что дал им опыт, накопленный на землях между Карпатами и Днестром.

У контактной зоны были свои контактные эпохи, когда после очередного катаклизма на опустошенной им территории начиналась новая жизнь, не похожая на все, что было до того. Одной из таких эпох стало привлечение внимания автора время — XIII-XIV вв., когда начиналось формирование Валашского и Молдавского государств. Значение территории низовьев Дуная и Днест-

ра, вошедшей в состав этих стран, для их становления было огромным, но до сих пор не нашло должного освещения в историографии.

Прежде всего автор успешно обобщил практически все достижения в изучении отдельных сторон истории городов Нижнего Подунавья и Поднестровья. Эти города, так внезапно выросшие в степных просторах, слабо заселенных сельскими жителями, быстро достигли своего расцвета и крупных для своего времени размеров на путях международной торговли. Они определяли уровень культурного, социального и экономического развития этого края, прямо или косвенно оказывая воздействие на обширные окрестные земли, и степень этого влияния во многом зависела от их внутренней жизни. Представляемая книга является итогом многолетней работы не только по осмыслению историографического наследия, но и кропотливого, упорного продвижения в изучении малоизвестных или вовсе не исследованных аспектов городской истории региона. Важнейшие из этих аспектов: процессы градообразования, проблемы этнического и социального развития, политическая история, и особенно — положение городов в геополитических реалиях конца XIII — XIV вв., когда происходило территориальное становление Валашского и Молдавского государств, завершившееся включением в их состав городов низовьев Дуная и Днестра.

Большой материал комплекса источников разных категорий (письменных, археологических, нумизматических) тщательно проанализирован с применением современных методик, в том числе предложенных самим автором. Результаты этого анализа очень существенны для наших представлений о городской жизни этого края и его значении для Валахии и Молдавии в решающий период их истории. Следует особо отметить необычно широкое применение исследователем в качестве массового источника нумизматического материала, к сожалению, довольно редко привлекаемого историками. Можно сказать, что именно этот материал позволил получить большую, до того неизвестную информацию и в сочетании с данными других источников по-новому подойти к решению таких малоизученных проблем, как: возникновение городов области Кодр, изменения в политическом статусе причерноморских городов, их социальное устройство, местные особен-

ности денежного обращения и экономической жизни.

Фундаментальная обоснованность, профессиональное знание и использование исторического материала в сочетании с легким слогом и умением писать доступно, но не жертвуя при этом исследовательской глубиной, — вот те черты работы Н.Д.Руссева, которые хотелось бы отметить. Они делают книгу особенно актуальной сейчас, когда так широк интерес к историческим корням современности и потому так необходимо четкое объективное знание прошлого — не мифического, а реального. Наблюдения и интерпретации автора (иногда весьма экстравагантные, например, о роли «Великой чумы» в формировании городов Золотой Орды в Поднестровье) позволяют лучше понять условия, в которых протекало становление и развитие средневековых Валахии и Молдавии, остающихся загадочными персонами на историческом полотне Восточной Европы.

Л.Л.Полевой.

Есть на земле такие превращения
Правлений, климатов, и нравов, и умов.
А.С.Грибоедов.

ВВЕДЕНИЕ

Низовья крупнейших в Юго-Восточной Европе рек Дуная и Днестра не входили в первоначальные границы Валашского и Молдавского государств. В обоих случаях это произошло лишь через несколько десятилетий после первых упоминаний о них в памятниках письменности — ближе к концу XIV в. Тем не менее относительно малая область на восточных и юго-восточных окраинах Валахии и Молдавии сыграла видную роль в исторической судьбе этих стран.

Издревле земли в нижних течениях Дуная и Днестра привлекали самые разные народы и многократно становились местом кровопролитных столкновений. В борьбе за обладание ими побеждали сильнеешие. Тогда наступали годы замирения и активные военные действия сменялись более или менее интенсивными торгово-экономическими отношениями. Эти виды взаимодействий вполне соответствуют специфике сложившейся здесь на многие века контактной историко-географической зоны.

Феномен перманентной пространственно-временной контактности, по-видимому, объясняет калейдоскопическую изменчивость и мозаичность исторических процессов в крае. Недаром понятия «контактная зона» и «стадиальный регион» поднимаются в последнее время до уровня исторической категории методологического значения. На самых разных ступеньках исследования, во всевозможных временных срезах и аспектах наука фиксирует тут соседство и сложное взаимодействие сразу нескольких этнокультурных образований, характеризующихся не только автономностью, но часто и разнотипностью хозяйственно-культурных и этносоциальных отношений (Дергачев 1989: 3, 7, 26-40; 1991: 76-82; 1999; Добролюбовский 1989: 2 и др.; Ткачук 1997: 7-10; 1997а: 259-263).

В XIII-XIV вв. вместились события, оставившие глубокий след в исторической жизни всей Юго-Восточной Европы и, в частности, в судьбе земель в низовьях Дуная и Днестра. В 1204 г. Константинополь был разгромлен крестоносцами; распалась, затем в 1261 г. была восстановлена, а к середине XIV в. пришла в упадок Византийская империя. На эти два столетия приходится расцвет, развал и гибель «империи Асений». Край пережил страшное нашествие монголов, господство Золотой Орды и его ликвидацию. В то же время международную морскую торговлю берут в свои руки итальянские города-республики, и в первую очередь Генуя и Венеция. В течение данного периода происходит рост экспансии турок-османов, ставших к концу XIV в. хозяевами Балкан.

Это была эпоха зарождения и формирования валашской и молдавской государственности, создание которой ознаменовало появление новых ведущих факторов локального исторического развития. Их весомость определяется тем, что в условиях дряхления государственных организмов Византии, Орды и Болгарии, беспрестанно-своекорыстной грызни республик Святого Георгия и Святого Марка, нарастающей смертельной угрозы со стороны Турции, только молодые восточно-романские государства могли реально обеспечить позитивную перспективу древней культурно-исторической зоне юга Днестровско-Дунайских территорий. Действительно, с выходом границ Валахии и Молдавии к устьям Дуная и Днестра начался новый этап жизни региона.

В крае как бы фокусировалось действие названных, да и других, менее значительных составляющих общественной революции. Здесь в течение XIII-XIV вв. достаточно ясно наблюдается интерференция социальных волн, происхождение которых связано с разными этнокультурными источниками. Этнически в регионе были представлены греки, итальянцы, турки, южные славяне, восточные романцы, армяне, евреи и др. Разнообразен и религиозный состав людей, сталкивавшихся в этих краях, — христиане разных конфессий, мусульмане, язычники, иудаисты. В хозяйственно-культурном отношении это были кочевники, земледельцы, пастушеское население, торгово-ремесленный люд. Естественно, что названные категории являлись носителями качественно отличных социально-экономических укладов. Если у тюркочомадов были еще сильны патриархально-родовые устои, а сель-

ское южнославянское и восточнороманское население (влахи, волохи) сохраняло общинный строй, то одновременно во всех случаях существует рабовладение, более или менее сложившиеся феодальные порядки как в государственной, так и в частновладельческой формах. Кроме того, в лице итальянцев исследователь сталкивается с пробивающимся уже из первоначального накопления капиталом.

Суммарно в исторических реалиях региона XIII-XIV вв. четко проявляются сложнейшие взаимоотношения представителей разных цивилизаций. Можно было бы говорить о перекрестке миров по схеме Восток-Запад, но с одним уточнением. Сам Карпато-Балканский район выступает в двух ипостасях. Когда имеются в виду связи с католической Европой, он может без натяжек именоваться «Востоком», если же речь идет о контактах с Азией, включая и Восточную Европу ¹, то уместно название «Запад». Дело, на мой взгляд, не только в относительности пространственной ориентации. Просто на протяжении длительного времени здесь накапливались характерные формы проявления общественной жизни азиатского происхождения. В условиях изоляции и самоизоляции Восточной Римской империи от запада, уже с IV-V вв. возобладала открытость в направлении противоположном. В результате, даже если восточные заимствования сильно трансформировались в местах привоя, католический Запад их все равно часто воспринимал как явление не просто чужеродное, но и азиатское.

Как бы то ни было, прилегающие к Нижнему Дунаю и Нижнему Днестру территории имели судьбоносное значение для взаимодействия ряда разнородных культурно-исторических традиций, выступая их проводниками и аккумуляторами. Отсюда шло регулярное воздействие (вплоть до конца XIV в.) на формирующиеся структуры государственности восточных романцев. С включением Подунавья и Поднестровья до моря в состав Валашского и Молдавского государств накопленные тут инновации и традиции, вероятно, частью были восприняты, а частью были отвергнуты поглотившими их общественными организмами. Как складывалась

¹ Принято считать, что в представлениях средневековой эпохи неустойчивый рубеж между Европой и Азией постепенно смещался на восток от Дуная — к Днестру, Днепру, Дону (см. Ремпель 1978: 213, прим. 286).

судьба региона в XIII-XIV вв., что и как он мог транслировать в сопредельные области, предстоит выяснить на примере городских центров.

Торговые города, пережившие значительный подъем в конце XIII-XIV вв., — единственные пункты в этих землях, история которых удовлетворительно отражена письменными свидетельствами. Создается устойчивое впечатление большей зависимости их судьбы от всевозможных внешнеполитических факторов, нежели от естественного хода местного социально-экономического развития. Может быть, поэтому бурный рост городской жизни выглядит очень контрастным на фоне слабо развитого хинтерланда (исключение, пожалуй, составляют города Кодр, неизвестные по памятникам письменности). Вероятно, не случайно городские центры явились точками пересечения векторов общественного развития самой разной природы и направленности. Можно утверждать, что здесь имели место маргинальные контакты трех типов средневековой цивилизации: западноевропейского, византийского и мусульманского. Не будет ошибкой связать отмеченное взаимодействие с многовековым влиянием структур византийского облика, колонизаторской деятельностью итальянцев и агрессивной мощью золотоордынских ханов. Сложное переплетение этих компонентов создало не только фон, но превратилось, должно быть, в жесткий исторический императив процесса развития городов, да и государственности у восточных романцев. К сожалению, глубокое осмысление этого узла проблем в значительной мере остается делом будущих историков из-за отсутствия развернутых конкретно-исторических решений комплекса вопросов, сводящихся к выявлению характера и последствий воздействия обозначенных факторов на социально-экономическое развитие местных общественных структур.

Исторически низовья Дуная и Днестра оказались наиболее близкими к районам первоначального формирования Валахии и Молдавии территориями, на которых почти за две тысячи лет до этого уже существовали античные города. С тех пор городская жизнь, хотя и прерывалась временами, была важнейшей и неотъемлемой чертой региональной истории. Особенностью зоны можно считать один еще не вполне понятый и оцененный феномен: оседлая жизнь в низовьях формировалась в основном как

городская. Такая своеобразная «сверхурбанизация», возможно, объяснялась пересечением здесь торговых путей и ранним вовлечением района в большую международную торговлю. При этом степной коридор Евразии, фактически обрывающийся в Подунавье, стал причиной существования в регионе перманентной угрозы полной дезурбанизации. Таким образом, средневековые города края, с одной стороны, должны были в той или иной форме реализовывать культурные влияния различных цивилизаций (Сванидзе 1989: 301), а с другой, будучи лакомой приманкой для кочевых орд, они были обречены время от времени становиться двостью номадов в Карпато-Балканский мир.

Историография городов в низовьях Дуная и Днестра не насчитывает пока и ста лет, хотя отдельные суждения на эту тему высказывались еще в XVII — первой половине XIX вв. (напр., Кантемир 1973: 26-27). Подлинным пионером в исследовании проблематики стал Н.Йорга. Уже в монографии о Килие и Четатя Албэ он верно определил и впервые кратко описал важнейшие факторы исторического развития региона XIII-XIV вв.: византийский, итальянский, татарский и болгарский (Iorga 1899: 26-59). Эти трактовки уточняются и развиваются в работах его младших современников и последователей — Г.Брэтиану и К.К.Джюреску (Brătianu 1935: 9-126; 1988: II; Giurescu 1967: 201-205 etc.). Несомненной заслугой трех названных румынских историков является сведение воедино и публикация источниковых материалов эпохи о городах. Их усилиями поставлены и отчасти решены вопросы, многие из которых вызывают интерес исследователей и сегодня. Среди обосновывавшихся тезисов уместно выделить положение о значительности и позитивности вклада Улуса Джучи и генуэзской колонизации в судьбу края и румынской общности, о преемственности византийских традиций посредством нижнедунайских центров, «румынско-болгарской империи Асений» и государства Добротицы. Они во многом актуальны и теперь.

После известных политических перемен 40-х гг. XX в. происходит определенная переориентация во взглядах медиевистов. И в Румынии, и в Молдавии (в составе СССР) отправным пунктом служат концепции, сложившиеся в советской исторической науке. Отсюда постулируется негативная оценка монгольского завоевания и деятельности итальянских колонистов в Причерномо-

рье. По существу, без расширения источниковой базы формируется новая позиция, прямо восходящая к некоторым установкам марксистского происхождения. С ней связаны имена В.М.Сенкевича, Ф.А.Грекула, Н.М.Мохова, Шт.Штефанеску, Шт.Паску, Б.Кымпина, И.Негою (ИМолд 1951: I, 73-88; Мохов 1964: 86-88; ИМССР 1965: I, 84-86; Ștefănescu 1959: 35-52; Negoiu 1961: 37-52; IR 1962: II, 118-127, 141-156, 159-172) — авторов, которые в большинстве своем специально этим кругом проблем не занимались.

Между тем уже к 60-м гг. в историографии становится заметной, а позднее и ведущей тенденция к изучению отдельных аспектов проблемы, углубленному источниковедческому анализу, выявлению и публикации новых источников, как письменных, так и материальных. Именно на их основе и излагаются события XIII-XIV вв. в новых обобщающих работах.

Решительный шаг вперед сделан историками, опубликовавшими и исследовавшими новые документы — Ж.Пистарино, С.Райтери, М.Баларом, В.Гюзелевым, Б.Димитровым, И.Г.Коноваловой (Pistarino 1971; Balbi, Raiteri 1973; Balard 1973; 1980; Гюзелев 1981; Димитров 1984; Коновалова 1989: 302-309; 1989a: 14-21; 1991: 5-115). Не менее важны результаты археологических работ, введенные в оборот Л.Л.Полевым, П.П.Бырней, А.А.Кравченко, А.О.Добролюбским, Е.Н.Абызовой, П.Диакону, С.Бараски (Полевой 1969; Полевой, Бырня 1974; ДСО 1981; Кравченко 1986; Добролюбский 1986; Diaconu, Baraschi 1977). Как самостоятельный фонд источниковых данных можно рассматривать нумизматические находки, известные по публикациям и анализу Л.Л.Полевого, А.А.Нудельмана, О.Илиеску, Э.Оберлендер-Тырновяну, И.Оберлендер-Тырновяну, П.Дякону, Е.Николае, И.Йорданова, В.Пенчева, Г.А.Федорова-Давыдова, С.А.Яниной (Полевой 1956: 91-106; 1960: 317-352; 1969: 146-161; Нудельман 1975: 94-124; 1976; 1985; Федоров-Давыдов 1960: 94-192; 1963: 165-221; Янина 1977: 193-213; Йорданов 1982: 119-129; Пенчев 1984: 12-30; Iliescu 1960: 263-277; 1964: 363-407; Iliescu, Simion 1964: 217-228; Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I. 1981: 89-110; 1989: 121-128; Oberländer-Târnoveanu E. 1997; 1997a; Diaconu 1964: 143-147; 1987: 142-158; Nicolae 1997).

Среди частных проблем, на которые особенно обращают вни-

мание исследователи 70-90-х гг., можно выделить несколько основных направлений. Анализом политической ситуации занимаются А.Дечей, П.Ф.Параска, А.Гонца, Ш.Папакостя, Пл.Павлов, Г.Атанасов, И.Г.Коновалова, В.Чокылтан (Decei 1978; Параска 1981; Gonța 1983; Papacostea 1993; Павлов 1989; 1995, 1997; Павлов, Атанасов 1994; Коновалова 1981; 1991; Ciocîltan 1998); проблемы исторической географии рассмотрены Л.Л.Полевым, В.Л.Егоровым (Полевой 1979; Егоров 1985); об этническом облике населения писали М.Балар, С.Бараски, Д.Делетант, А.Пиппиди (Balard 1980a: 233-238; Baraschi 1987: 61-67; Deletant 1984: 511-530; Pippidi 1986: 287-288); социально-экономические проблемы изучались Г.Шталем, И.Г.Коноваловой (Stahl 1972; Коновалова 1989a; 1994). При этом следует подчеркнуть, что в одних случаях о городах говорится в связи с более общими сюжетами, в других — исследуется, напротив, очень локальная проблема — например, упомянутый единственный раз загадочный язык «ромека». Сведения о городских центрах анализируются и в обобщающих работах В.Спинея, М.Пэкурариу, В.Гюзелева (Spinei 1982; Răcurariu 1980; Гюзелев 1981; 1995). Монографий специально и всесторонне исследующих города края нет. В тех случаях, когда они рассматриваются наряду с другими центрами, дело ограничивается сводкой данных и изложением отдельных точек зрения (напр., см. БСГК 1981).

Что касается собственно трактовок, то и тут ситуация неудовлетворительна. Историкам 70-80-х гг. волей-неволей досталась только участь создателей отдельных модификаций высказанных ранее мнений, ведь уже в 60-е гг. в историографии сложился весь теоретически возможный спектр оценок. Не удивительно, что ряд ученых принял тезис о замедленных темпах развития молдавской государственности в связи с присутствием в крае кочевников и ограблением территорий гетуэзцами (Giurescu 1965: 55-70; Oțetea 1965: 87-104; Iiescu 1965: 105-116; Gorovei 1973), высказанный Шт.Штефанеску и Б.Кымпина. В Румынии были в значительной мере воспроизведены положения, сложившиеся еще в довоенное время. Вновь получили распространение мнения об относительно мирном сосуществовании кочевников с местным оседлым населением (Panaitescu 1969: 251-265; Giurescu 1967: 25-68; Stahl 1972: 56-62 etc.), об ускорении процессов консолидации Молдавии и

Валахии в условиях присутствия кочевников (Giurescu 1965; Iliescu 1965). Не осталась без внимания и идея об определенном положительном воздействии золотоордынского господства на региональную экономику вследствие расцвета под эгидой Орды генуэзской торговли (Giurescu 1965; Iliescu 1965). В качестве одной из причин возникновения Молдавского государства нередко называется благоприятная политическая конъюнктура, понимаемая иными авторами, главным образом, как ослабление власти Золотой Орды к востоку от Карпат в результате столкновений татаро-монголов с венграми (Gorovei 1973: 53-58; Giurescu C., Giurescu D. 1974: 262-266). Дальнейшее развитие получил тезис о сохранении на Нижнем Дунае в условиях политического господства ордынцев и экономической экспансии генуэзцев византийских структур, внесших немалый вклад в становление Валахии (Giurescu 1973: 141, 202-203 etc.; Oberländer-Târnoveanu 1987: 245-258; 1988: 107-122). В последнее время отвергается положение о существенной политической роли Болгарии в причерноморской части Днестровско-Дунайских земель начала XIV в. (Spinei 1982: 172 etc.).

Характеризуя современную историографическую ситуацию, наибольшим достижением последних десятилетий можно назвать очевидное стремление большинства исследователей преодолеть склонность к крайним оценкам. Ныне, как правило, подчеркивается разнообразие последствий золотоордынского господства, затрагивавших многие стороны исторической жизни в регионе. Эти последствия порой были достаточно глубоки и носили двоякий характер. Вместе с опустошением и зависимостью завоевание принесло перемены положительного свойства, определившие во взаимодействии с другими судьбу восточнороманских государств Валахии и Молдавии ². Аналогичным образом оценивается и роль итальянских факторий, влияние которых на экономический облик земель в устьях Днестра и Дуная признается неоднозначным (Păracostea 1978: 65-79; см. также библиографию:

² Как полагает В.Спинеи, многие специфические особенности молдавской «Нижней страны» (Царэ де Жос) как раз и связаны генетически с долгим пребыванием этого района под властью ордынцев (Spinei 1982: 122-187, 331, 343).

Lăzărescu, Stoicescu 1972: 26-27).

Несмотря на серьезные достижения специалистов разных стран в исследовании городов края XIII-XIV вв., нельзя не констатировать отсутствие в историографии работы, освещающей многообразие их жизни с точки зрения общего и особенного в исторических процессах. К сожалению, созданию таковой на современном этапе познания препятствует неразработанность ряда конкретных вопросов на базе имеющегося комплекса источниковых материалов. В плане эмпирической основы исследования, проблема нашей работы, как и вообще изучения многих сюжетов средневековой истории Восточной и Юго-Восточной Европы, состоит в необходимости привлечения к анализу широкого круга памятников прошлого, письменных и вещественных.

Письменные свидетельства эпохи — арабо-, латино-, греко- и славяноязычные — довольно многочисленны, хотя и немногословны при освещении рассматриваемых вопросов. Различные по происхождению и степени достоверности тексты конца XIII — начала XIV вв. нередко содержат всего несколько фраз о городских центрах. Конечно, такие пассажи далеко не всегда поддаются бесспорным трактовкам, и потому многие исследовательские построения обречены на изрядную долю гипотетичности.

Одна из групп источников по истории городской жизни в регионе отложилась в произведениях авторов средневекового арабского востока. Об этой литературе известный ориенталист И.Ю.Крачковский писал: «Она доставляет первостепенные данные по всем областям, до которых доходили арабы или о которых у них были сведения, причем часто в таком же разнообразии, как о тех районах, в которых они жили. Иногда для отдельных стран за некоторые периоды их истории арабская географическая литература является или единственным, или важнейшим источником» (Крачковский 1957: 15). Эта выдержка, пожалуй, справедлива и в данном случае.

Данные о городских центрах, относящиеся почти целиком к XIV в., приводятся в сочинениях Рукн ад-Дин Бейбарса (1245-1325), Абу-л-Фиды (1273-1331), ан-Нувайри (1279-1332), ал-Омари (1301-1349), Ибн Баттуты (1304-1377), Ибн Халдуна (1332-1406), ал-Калкашанди (1355-1418), большая часть из которых издана в виде извлечений еще В.Г.Тизенгаузенем (Тизенгаузен 1884; см. Aboulfedha 1848: II, 1; Ibn Battuta 1962: II).

Осведомленность арабов о ситуации в Дунайско-Днестровских землях³ основывается на том, что все названные лица занимали в свое время солидные посты в обществе, находясь на гражданской или военной службе, и пользовались покровительством могущественных владетельных особ исламского мира. Это давало им доступ к материалам делопроизводства придворных канцелярий, возможность бесед с купцами, путешественниками и дипломатами, глубокие знания литературы предшественников. Никто из них, кроме знаменитого Ибн Баттуты, не был знаком с нашим краем непосредственно, поэтому информация арабских писателей, в лучшем случае, вторична по происхождению.

По составу сообщения арабских авторов разделяются на две группы. Одни — Бейбарс, ан-Нувайри, Ибн Халдун — восходят к дипломатической деятельности мамлюкского Египта, в частности, к отношениям с Золотой Ордой, и содержат ценные материалы о землях на западном пограничье татаро-монгольского государства и их статусе. Другие — данные Абу-л-Фиды, ал-Омари, ал-Калкашанди и, в какой-то мере, Ибн Баттуты — опираются на знания купеческих кругов и путешественников, сохранивших в устной форме традиций рассказы об этно-религиозной и политической обстановке в крупных торговых центрах устьев Днестра и Дуная. Сопоставление содержания показывает, что данные о городах в большей или меньшей мере оригинальны у Бейбарса, Абу-л-Фиды, ал-Омари, Ибн Баттуты. В то же время ан-Нувайри и Ибн Халдун следуют Бейбарсу, а ал-Калкашанди в сильной зависимости от работ ал-Омари и, особенно, Абу-л-Фиды. Совершенно особняком стоят сведения Ибн Баттуты. На первый взгляд неожиданно, сообщения очевидца оказываются маловразумительными и плохо поддаются убедительной трактовке, поэтому они не могут использоваться в работе без специальной проработки⁴.

³ Данные арабов по истории края рассматриваемого периода впервые монографически изучены сравнительно недавно (Коновалова 1991: 5-115). Пользуясь возможностью, приношу глубокую благодарность И.Г.Коноваловой за неоценимую помощь, оказанную мне при работе с материалами арабоязычных средневековых памятников.

⁴ Что касается сведений о городах региона в передаче Ибн Баттуты, то они вряд ли могут считаться достаточно надежными. Их маловразумительность в какой-то мере объясняет признание Ибн Джузайи, который по при-

К источникам данной группы примыкает и труд видного персидского историка, врача и государственного деятеля Рашид ад-Дина (1247-1318) «Сборник летописей» (Рашид ад-дин 1960). В этом произведении, созданном при дворе Хулагуидов, имеется одно из наиболее ранних известий о городской жизни региона XIII в. — оно относится ко времени похода Бату в Европу (Тизенгаузен 1941: 38).

Если исключить информацию о городах Ибн Баттуты — Баба Салтуке, Махтули и ал-Фанике (даже их локализация в крае остается под сомнением), а также короткое упоминание населенного пункта «Кыле» у Рашид ад-Дина, то выяснится, что исследователь располагает вполне анализируемыми и проверяемыми данными о двух городских центрах региона — Сакдже и Акджа-Кермане. О них будет идти речь в дальнейшем.

Латиноязычные источники не менее важны при изучении жизни городов в дельтах Дуная и Днестра. Среди весьма разноликих документов, оставленных эпохой, заметное место занимают навигационные пособия итальянского и каталонского происхождения XIV в., большая часть из которых опубликована. Работы обеих картографических школ близки по содержанию и несут вполне константную топографическую нагрузку. Пока не обнаружено четкой зависимости между временем появления того или иного города и нанесением его названия на карту. Разрыв достигал нескольких десятков лет. Зато однажды записанный топоним мог по традиции использоваться картографами многих поколений. Поэтому для работы историка могут иметь значение карты гораздо

казу султана Феса в очень короткое время записал рассказы путешественника. Придворный писатель прямо говорит: «Затруднительные названия мест и людей я снабдил знаками и точками, чтобы достичь большей пользы в исправлении и определенности». Ясно, что такая «определенность» уже на стадии первоначального оформления сообщений Ибн Баттуты вовсе не способствовала донесению истины в будущее (подробнее см. Крачковский 1957: 416-430). Единственный населенный пункт этого арабского источника, который удастся локализовать в пределах региона удовлетворительно, — «Баба Салтук», идентифицируемый с Бабадагом в Добрудже (Alexandrescu-Dersca Bulgaru 1978: 445-463). Впрочем, о нем сказано лишь то, что Баба Салтук — «последний город, принадлежащий туркам» (т.е. ордынцам, тюркам). Сказанное следует из общего анализа материалов о маршруте Ибн Баттуты в Северо-Западном Причерноморье (см. Коновалова 1991: 78-83 и др.).

более позднего времени (см. Коновалова 1983: 35-50).

К настоящему времени известно 15 твердо датированных карт и атласов: 9 карт П.Весконтэ 1313-1327 гг., карты А.Далорто — после 1327 г., А.Дульчерта 1339 г., две карты братьев Пиццигани 1367 и 1373 гг., так называемый «Каталонский атлас» 1375 г. и карта Г.Солери 1385 г. На этих и еще стольких же предположительно относимых к XIV в. картах в пределах Днестровско-Дунайского региона обозначены три города: Маурокастро в устье Днестра, Вичина и Ликостомо в устье Дуная. Первые два названия в нескольких модификациях, как правило, надписывались заглавными буквами и красными чернилами. Так в средневековые маркировали наиболее важные порты. Политическая принадлежность населенных пунктов иногда обозначена рисунком в виде флага, символизирующего власть Золотой Орды или Болгарии. Ликостомо известен не на всех картах, а его наименование написано чаще всего черными чернилами, что свидетельствует, вероятно, о незначительности этого порта. На картах указывалось и название государства, а в ряде случаев имеются легенды, упоминающие Вичину (Коновалова 1983: 38-44; Димитров 1984; Todorova 1981: 118-131).

Маурокастро и Вичина фигурируют еще в документах о деятельности монахов ордена Святого Франциска (Golubovich 1913: 72, 195) и генуэзских нотариальных актах конца XIII-XIV вв. Среди нотариальных актов наибольший интерес представляют составленные непосредственно на Нижнем Дунае. Появившийся в результате необходимости обслуживать ежедневную практическую деятельность торговцев актовый материал вызывает огромный интерес в плане фиксации реалий обыденной жизни городов. Таковы, например, 16 актов Доменико ди Кариньяно 1373 г. и Оберто Грасси ди Вольтри 1383-1384 гг. из Ликостомо (Balbi, Raiteri 1973). Однако наиболее полны данные из свыше двух сотен документов картулярия Антонио ди Понцо (Pistarino 1971; Balard 1980), выветившие в ракурсе коммерческой деятельности разные стороны повседневности дунайского города Килия 1360-1361 гг. Любопытно, что здесь же имеются сведения о Вичине, Маокастро, а также упоминаются неизвестные по другим источникам того времени окрестные населенные пункты Явария, Брускавица.

В числе источников, связанных происхождением с итальян-

ской колонизацией Причерноморья, сообщения о Маурокастро и Вичине или хотя бы об одном из этих городов содержат постановление Оффиции Газарии 22 марта 1316 г., учебник по торговле флорентийца Ф.Б.Пеголотти, регламент генуэзской таможни в Пере 1343 г., дорожник Антонио Усодимаре, одно из распоряжений дожа Генуи 1351 г., нотариальные акты из Каффы и Перы конца XIII в. и некоторые другие⁵. Следует отметить, что отдельные известия настолько лаконичны, что могут быть привлечены к исследованию исключительно наряду с другими более обширными пластами сведений.

Греческие документы о городах края прямо связаны с деятельностью православной церкви, в частности, Константинопольской патриархии и ее митрополий. Они называют Килию, Аспрокастро и Вичину. Килия отнесена в списке 1318-1322 гг. к патриаршим замкам (DIR.B 1953: 11), а Аспрокастро отмечается уже в середине XIV в. как центр епископии, подчиненной митрополиту Галича (Giurescu 1967: 201-202). Более распространены известия о Вичине, в которой до 1359 г. на протяжении примерно столетия находился митрополичий престол. Особый интерес вызывают обязательства Макария, отправленного сюда в качестве верховного пастыря, и глосса об этно-политической обстановке, датируемые второй половиной 30-х — первой половиной 40-х гг. XIV в. (Laurent 1946: 231-232; DIR.B 1953: 11-12).

Славяноязычные документы хронологически замыкают корпус письменных источников и относятся к самому концу XIV — началу XV вв. Среди них значительный интерес вызывает «Список русских городов дальних и ближних» (НПЛ 1950: 475), включивший названия многих населенных пунктов края. Важны и краткие сведения русских паломников в святую землю о Белгороде (Книга хождений 1984: 120-121, 299). О городе на Днестре оригинальные сведения имеются в житии Иоанна Нового (Яцимирский 1906; Русев, Давидов 1966), автором которого считается Григорий Цамблак. Данная агиография в полулегендарной форме на основе устной традиции запечатлела многоплановую картину

⁵ Ссылки на публикации упомянутых лаконичных сообщений даются по ходу работы. В историографии известны опыты анализа и обобщения сведений из этих пассажей (напр.: БСГК 1981: 217-227; Гюзелев 1981: 186-188).

жизни Белгорода XIV в.

Таков в общих чертах комплекс источников, несущих информацию о городах XIII-XIV вв. в низовьях Дуная и Днестра. В течение последних десятилетий здесь исследовалось несколько археологических памятников XIII-XIV вв. с материальной культурой городского облика. Представление о них дает характеристика материальных остатков, обнаруженных в ходе полевых изысканий.

В Поднестровье к настоящему времени известно три городища, судить о которых можно уже достаточно определенно. Самые репрезентативные материалы происходят из раскопок городища Старый Орхей, расположенного на мысу Пештере в излучине р. Реут, между селами Требужены и Бутучены (Орхейский уезд, Молдова). За более чем сорок лет археологических работ на памятнике накоплены многочисленные материалы (см. ДСО 1981; Бырня 1984; Рябой 1993). Изучены жилые, ремесленные, хозяйственно-бытовые сооружения, остатки больших общественных зданий. Массовые находки представлены огромной коллекцией поливной и неполивной керамики, большим разнообразием металлических изделий, в числе которых орудия труда, оружие, предметы конского снаряжения и домашней утвари, ювелирные украшения. На памятнике найдено немало фрагментов арабских эпиграфических надписей. Достигла едва ли не тысячи экземпляров коллекция собранных здесь золотых монет XIV в.

Городище Костешты находится южнее одноименного села на р. Ботна (Кишиневский уезд, Молдова). Оно изучено гораздо слабее. Однако тут хорошо исследован гончарный район, обитатели которого снабжали население города XIV в. весьма широким ассортиментом товарной посуды. Сделанные здесь находки, в том числе около ста монет, во многом аналогичны староорхейским из синхронного слоя (Полевой 1967: 119-130; 1969; 1969а: 146-161; 1979: табл. 13).

Подобное же можно сказать и о результатах работ в Белгороде-Днестровском (Одесская область, Украина). Масштабы исследований на памятнике примерно соответствуют таковым у Костешт, хотя на Днестровском лимане открыты материальные остатки несколько иного рода (Кравченко 1986). С точки зрения топографии средневекового города, тут изучена одна из ремесленных окраин с жилищами рядовых граждан, производственные

ми сооружениями, типичным набором массовых находок, лишь в какой-то мере отличающимися этот археологический памятник от двух других.

Из нескольких городищ зоны Нижнего Подунавья наиболее полно изучены материальные остатки городского центра XIII-XIV вв. на острове Пэкуюл луй Соаре в Румынии. Памятник, расположенный в северо-восточной части дунайского острова, отстоит примерно на 18 км от болгарского города Силистра вниз по реке. За время регулярных раскопок (с 1956 г.) здесь найдено большое количество предметов быта, оружия, остатков архитектурных сооружений. О развитии торгово-экономической жизни свидетельствуют разнообразные монетные находки. Городище Пэкуюл луй Соаре — единственное в низовьях Дуная, исследованное монографически (Diaconu, Baraschi 1977).

К сожалению, крайне недостаточно известно о крупнейшем памятнике XIII-XIV вв. в дельте реки — Исакче. Средневековое городище находится на месте античного Новиодунума в урочище Эски кале на правом берегу Дуная, в 2 км к востоку от современного румынского города. Из находок пока что опубликованы отдельные категории или даже вещи, составляющие, по всей вероятности, очень незначительную часть добытых учеными материалов (Barnea, Mitrea 1959; Iliescu 1975: 239-242; Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I. 1981; 1989; Popa, Daragiu 1987; Федоров, Полевой 1973; БСГК 1981: 55-91).

Исследования материальной культуры городского типа XIII-XIV вв. проводились и в других местах дунайской дельты — жудец Тулча, Румыния. Однако по публикациям определенно можно судить только о двух памятниках: Нуфэру на дунайском рукаве Святого Георгия и Енисала на озере Разельм (Oberländer-Târnoveanu, Mănucu-Adameşteanu 1984: 257-266; Ciobanu 1971; Popa, Daragiu 1987). Отсюда происходит целый ряд категорий находок XIII-XIV вв., в том числе вполне представительные монетные собрания.

На мой взгляд, топография и характер монетных находок, найденных вне городищ (особенно кладов), также дает важные сведения о городской жизни, поскольку центрами товарно-денежных отношений того времени были именно города. Несомненно, скорость протекания экономических процессов обнаруживает прямую зависимость от благополучия городской жизни и находит

четкое отражение в денежном обращении. Однако не только это обстоятельство делает возможным привлечение к исследованию всей совокупности нумизматических материалов в качестве самостоятельной категории источников. Монеты XIII-XIV вв. из Днестровско-Дунайского региона иной раз способны сообщить уникальную информацию о политических событиях, социально-экономических явлениях и строе общества. Эти «способности» в значительной мере определяются серьезными разработками формальной нумизматики — глубоким источниковедческим анализом материала. Высокая степень изученности этой стороны нашего монетного комплекса, объединяющего десятки тысяч находок, превращает его в добротн исторический источник. Ареалы циркуляции денег определенных типов очерчивают относительную замкнутость не только экономического, но и политического порядка, поскольку средневековые монеты всегда демонстрировали степень суверенитета эмитента (см. Федоров-Давыдов 1989: 17-20). Учитывая не только обширные, но и вполне достоверные знания других параметров находок (имена правителей, названия центров чеканки денег, даты выпусков), массовость материала и его сопоставимость как с археологическими, так и с письменными данными, можно заключить, что стремление при исследовании отдельных вопросов опереться на нумизматические коллекции должно себя оправдать.

В свете сказанного выше, цели и задачи работы видятся в изучении проблем стадиальности через освещение малоизвестных сторон городской истории. Прежде всего, интерес представляет социальная проблематика, процессы градообразования и спорные моменты политической истории XIII-XIV вв. В качестве вспомогательной задачи рассматривается организация большого количества монетных находок, их классификация и хронологическое распределение, не разработанные соответствующим образом в специальной литературе.

Разнохарактерность материала и сложность тематики предопределяют необходимость использования комплексного анализа со всем возможным набором инструментов познания. Не отдавая явного предпочтения какому-либо частному методу, я ситуативно прибегаю к нескольким из них, достаточно хорошо описанным в литературе (напр., Санцевич 1984: 54-58). В работе с конкретными фактами используются элементы синхронного и хронологичес-

кого методов, для анализа массового нумизматического материала применяются статистические расчеты. На более высоком уровне обобщений используются структурно-системный, сравнительно-исторический и диахронный методы. При этом следует подчеркнуть, что в большинстве случаев применяются приемы, уже адаптированные к конкретным категориям источников (см. Мартынов, Шер 1989: 140-189, 201-218).

«Монетный ренессанс XIII в.» и «революция цен» (см. Ле Гофф 1992: 230-234) совпали с последними наступлениями крестоносцев навстречу сказочно богатой Азии. Экспансия европейцев остановилась перед негаданно возникшим исполином — империей монголов, олицетворением которой на века стал ее основатель Чингисхан. «Отец английской поэзии» хорошо передал необыкновенное почтение западных современников к могущественному правителю Востока:

«Он звался Камбусканом, и полна
Молвой о нем была в те времена
Вселенная, — везде народ привык
В нем видеть лучшего из всех владык»

(Чосер 1988: 424).

И европейцы вынужденно сменили натиск на проникновение в том же направлении. В числе путешественников, посещавших монгольскую державу, первые роли достались пронырливым итальянским торговцам. Один из них — венецианец Марко Поло — 17 лет служил в Китае при дворе Хубилая и оставил описания своих удивительных странствий, которые сделали его всемирно знаменитым. Однако свидетельства очевидцев, вызывающие большие сомнения (Райт 1988: 241-242 и др.), и тем более массовые стереотипы, конечно, не отражают объективной картины судьбоносных столкновений разнородных цивилизаций Старого Света. Их сложное взаимодействие особенно ярко проявилось на западной окраине покоренных земель, в городах. Более 100 лет господства ордынских ханов составили целую эпоху, по обе стороны от которой — в прошлом и будущем — легко увидеть качественно разные ступени общественной эволюции региона. Эта грань миров и эпох представляет историческую действительность, рассмотрению которой посвящено мое исследование.

Глава 1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДОВ

1.1. Градообразование и денежное обращение.

Медиевистика уже давно столкнулась с большими трудностями при осмыслении феномена возникновения городских центров. Многочисленные концепции, сложившиеся за долгие годы изучения тематики, оказываются не в состоянии объяснить все реальное разнообразие путей формирования средневековых городов. Тем не менее исследователи соглашаются, что это сложный многофакторный процесс, особенности протекания которого зависят от конкретных социально-экономических и политических условий.

Города региона XIII-XIV вв. в той или иной мере были связаны с господством Золотой Орды, поэтому вызывает интерес оценка поднятого вопроса в этом аспекте. Изучая взгляды ученых на историческое развитие общности, созданной татаро-монгольскими завоеваниями, Г.А.Федоров-Давыдов замечает: «Оседлость в Золотой Орде возникла не столько как условие перехода к государственности, а как следствие возникновения деспотического государства Чингизидов и Джучидов». По его мнению, «именно из рук завоевателей половцы получили улусную систему, феодальную по своему существу, и городскую оседлость» (Федоров-Давыдов 1973: 16). Г.А.Федоров-Давыдов и В.Л.Егоров выявили два пути становления ордынских городов. На окраинах Улуса Джучи продолжалось в новых условиях прерванное нашествием развитие домонгольских городских традиций — Волжская Булгария, Хорезм, Крым, Молдавия. В степях градостроительство велось

на «пустом месте» — так, например, появились Сарай, Новый Сарай, Маджар (Федоров-Давыдов 1966: 209; Егоров 1985: 81-82).

На взгляд П.П.Бырни, хотя Днестровско-Прутское междуречье и являлось одним из окраинных районов золотоордынского государства, здесь можно проследить оба пути становления города. Белгород, Килия, Вичина и др. были центрами, продолжившими в XIII-XIV вв. традиции городской культуры местного разнотнического населения предшествующей эпохи. А в лесостепной зоне, на правобережье Днестра, города Старый Орхей, Костешты появились «в результате градостроительной деятельности золотоордынских властей. Возникновение этих пунктов исследователь относит ко времени расцвета джучидского градостроительства при ханах Узбеке и Джанибеке — ближе к середине XIV в. (Быря 1984: 33-37).

Городища Старый Орхей и Костешты привлекают внимание типичностью своего культурного облика в составе ордынской городской культуры (Егоров 1985: 80-81), относительно полной изученностью материальной культуры, которые сочетаются с незнанием их истории из-за отсутствия упоминаний об этих городах в памятниках письменности. Следствием такого положения стала слабая исследованность собственно исторических проблем, возникающих в связи с этими очень недолго просуществовавшими городами. Между тем с разработкой такого рода вопросов следует связывать надежды на возможность раскрытия судеб ордынского города на западе Улуса Джучи и целого направления региональной урбанизации эпохи формирования средневекового Молдавского государства.

Практически все современные специалисты видят в городах торговые и ремесленные центры и одним из главных критериев отличия раннегородского поселения от сельского аграрно-ремесленного пункта признают развитость товарно-денежных отношений (Полевой 1979: 75-76). Уровень экономического развития городов XIV в. на месте нынешних городищ Старый Орхей и Костешты не оставляет сомнений в правильности отнесения этих памятников к категории городов. Ярким доказательством степени зрелости их экономики является интенсивное денежное обращение, без которого нельзя представить город как таковой в дей-

ствительном понимании слова. На мой взгляд, изучение на нумизматических материалах особенностей зарождения денежного обращения, а следовательно, рынков (прежде всего внутренних) в Старом Орхее и Костештах дает шанс увидеть в этом свете, как происходило становление городов, история которых до недавнего времени казалась утерянной безвозвратно.

Изучение характера материальной культуры городищ привело исследователей к выводу об отнесении их к числу городов Золотой Орды. Важнейшим компонентом комплекса находок, связуемого с золотоордынским господством, являются джучидские монеты. В Старом Орхее они составляют более 90%, в Костештах — более 98% нумизматических коллекций единичных экземпляров. Глубокие разработки в области джучидской нумизматики: знание типологии и хронологии выпусков, мест чеканки и эмитентов, а также массовость материала — способствуют решению поставленной задачи.

Нельзя не сказать, что среди единичных монетных находок абсолютное большинство составляют медные деньги, характеризующие состояние внутреннего рынка, а не товарный обмен отдаленных на значительные расстояния регионов. Другими словами, коллекция характеризует в первую очередь данный город. Кроме монет из Старого Орхоя и Костешт, к анализу привлечены и находки из Белгород-Днестровского. Такой прием необходим, поскольку территориально город принадлежит к Поднестровью и его материальная культура во многом близка двум другим городищам, а история сохранила о нем сообщения в памятниках письменности. Сопоставление выводов с данными средневековых авторов поможет избежать возможных ошибок реконструкции. Любопытно, что доля джучидских монет среди единичных находок XIII-XIV в. здесь составляет более 94% и близка к таковой на Старом Орхее и Костештах (о величине коллекции в абсолютных числах дает представление табл. 1).

По публикациям данных об единичных монетных находках (Полевой 1969а; 1979: табл. 13; ДСО 1981: 81-88; Нудельман 1985: 96-113; Булатович 1986: 117-120) необходимо соотнести хронологически материалы трех памятников. В расчетах предлагается исходить из коэффициента погодичного распределения — процентов монет в год. Этот показатель как будто наиболее полно

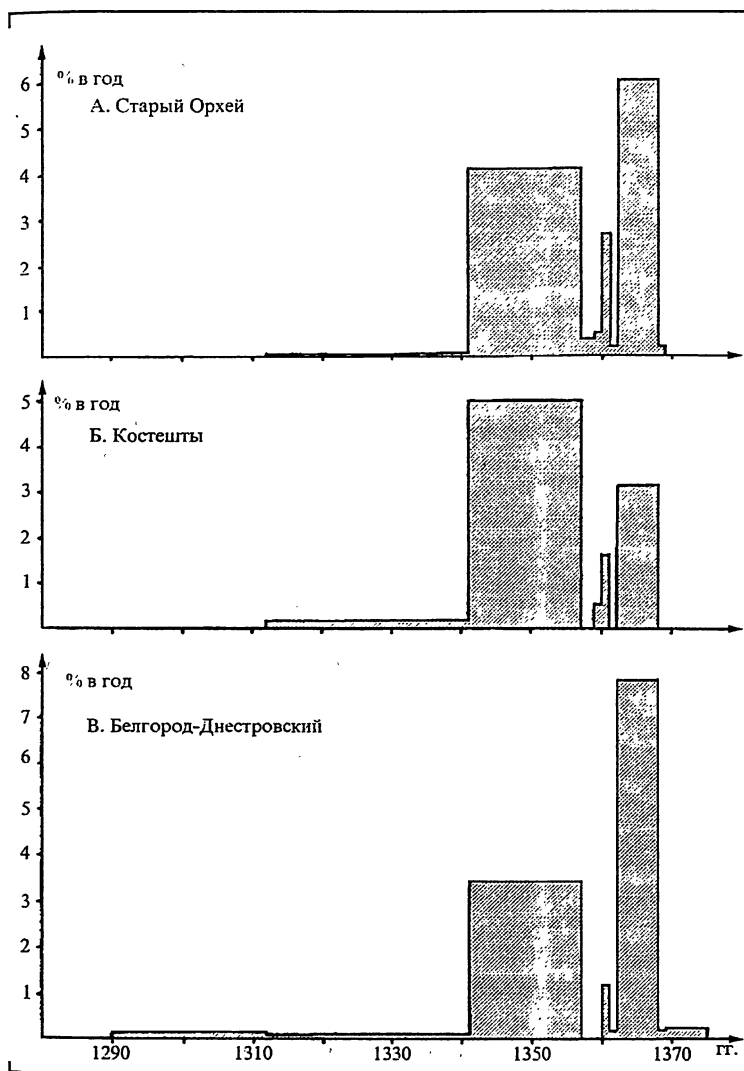

Рис. 1. Погодичное распределение джучидских монет из городских центров Поднепровья конца XIII-XIV вв.

отражает процесс циркуляции денег, поскольку учитывает не только долю эмиссий определенного эмитента или период выпуска монет данного типа. Этим приемом естественно соединяются преимущества традиционных процентных расчетов соотношения денег по типам и распространенного в последние десятилетия показателя «временной плотности» монетных находок — экземпляров в год (Metcalf 1960: 429-444). Последний удобен при сравнении разных групп внутри одной коллекции, однако полностью искажает картину при операциях с разновеликими комплексами нескольких памятников. Метод оправдан, прежде всего, когда большое количество экземпляров невозможно продатировать с точностью до одного года.

Сопоставление коллекций трех городищ наглядно демонстрирует тесную взаимосвязь характера монетной циркуляции этих памятников (табл. 2). Из этого следует вывод о единстве экономической жизни городов, на которое и прежде в общих чертах указывали исследователи (Нудельман 1985: 105-110; Булатович 1986: 119). Периоды интенсивного поступления монет в города совпадают точно так же, как и стадии упадка.

Отмеченная прерывность в поступлении монет очень хорошо прослеживается на рис. 1, который фиксирует два кратковременных всплеска монетного обращения городов. Они разделены промежутком в несколько лет, когда поступление денег резко сокращалось. При рассмотрении состава монет в каждом из выявленных пиков вырисовывается разнохарактерность этих явлений. Подавляющее большинство монет Джанибека отчеканено в столице — Сарай ал-Джедид. Совсем иначе обстоит дело с монетами времени Абдуллаха: преобладающее количество их принадлежит локальному чекану Шехр ал-Джедид. Таким образом, если первоначальный этап локального денежного обращения связан с продукцией столичного монетного двора, то новый всплеск циркуляции монет, вдвое уступающий предыдущему, объясняется процессами, происходящими в местной среде. С точки зрения истории Золотой Орды, в первом случае идет речь о взаимоотношениях края с Нижним Поволжьем как культурным и административно-политическим центром государства, а во втором — о периоде определенной экономической обособленности в историческом развитии Поднепровья.

Обозначившиеся особенности денежного обращения в регионе различны и по степени их изученности. До сих пор многие вопросы рассматривались походя и, главным образом, на материалах Старого Орхей. Последнее обстоятельство, впрочем, не снижает ценности проделанной работы, поскольку имеются все основания для переноса важнейших выводов и наблюдений на городища Костешты и Белгород. Монеты, выпущенные до воцарения Джанибека, считаются в Старом Орхее случайными, анахронизмом денежного обращения. Наибольший прилив монет при Джанибеке А.А.Нудельман объясняет эфемерным расцветом города, который ко второй половине 40-х гг. XIV в., вероятно, уже был значительным торгово-ремесленным центром золотоордынского облика (ДСО 1981: 83; Нудельман 1985: 108). Из анализа взглядов С.А.Яниной можно заключить, что пик интенсивности прилива монет обозначает время возникновения города (Янина 1977: 203). Согласно интерпретации П.П.Бырни, максимальное поступление монет — результат появления города в годы расцвета градостроительной политики ханов Золотой Орды, в частности, Джанибека (Быря 1984: 34-37). Резкое сокращение денежных эмиссий Нижнего Поволжья после первого всплеска в литературе ставится в зависимость от внутренних распрей, начавшихся в государстве татаро-монголов убийством Джанибека в 1357 г. (Нудельман 1985: 108). Новая вспышка циркуляции монет подробнейшим образом изучена С.А.Яниной. Исследовательница связала ее с деятельностью хана Абдуллаха — марионетки временщика, беклярибека Мамай. Идентифицировав указанный на монетах топоним «Шехр ал-Джедид», «Янги-Шехр», «Янги-Шехр ал-Махруса» с городищем Старый Орхей, С.А.Янина определила продолжительность функционирования этого монетного двора всего лишь пятью годами. Этот подъем в торгово-экономической жизни города на Реуте произошел благодаря пребыванию в крае орды хана в 765-766 гг.х. — 1363-1365 гг. (Янина 1977: 207-209). Данная трактовка сегодня может быть признана единственно удовлетворительной, вопреки другим, едва ли более убедительно обоснованным версиям (см. Егоров 1985: 81, 85; Сидоренко 1999: 149-155).

Отсутствие конкретно-исторической разработки феномена первого пика требует его специального рассмотрения. Исходя из представления о единстве денежного обращения в городах Подне-

ровья XIV в., в дальнейшем я оперирую коллекцией из Старого Орхея. Благодаря надежной атрибуции монет городища, можно проследить даже детали их циркуляции в Шехр ал-Джедид (табл. 3, рис. 2). В середине XIV в., на которую приходится более 50% материалов на каждом из памятников региона, на рынок Старого Орхея попадали монеты, чеканенные в течение всего трех

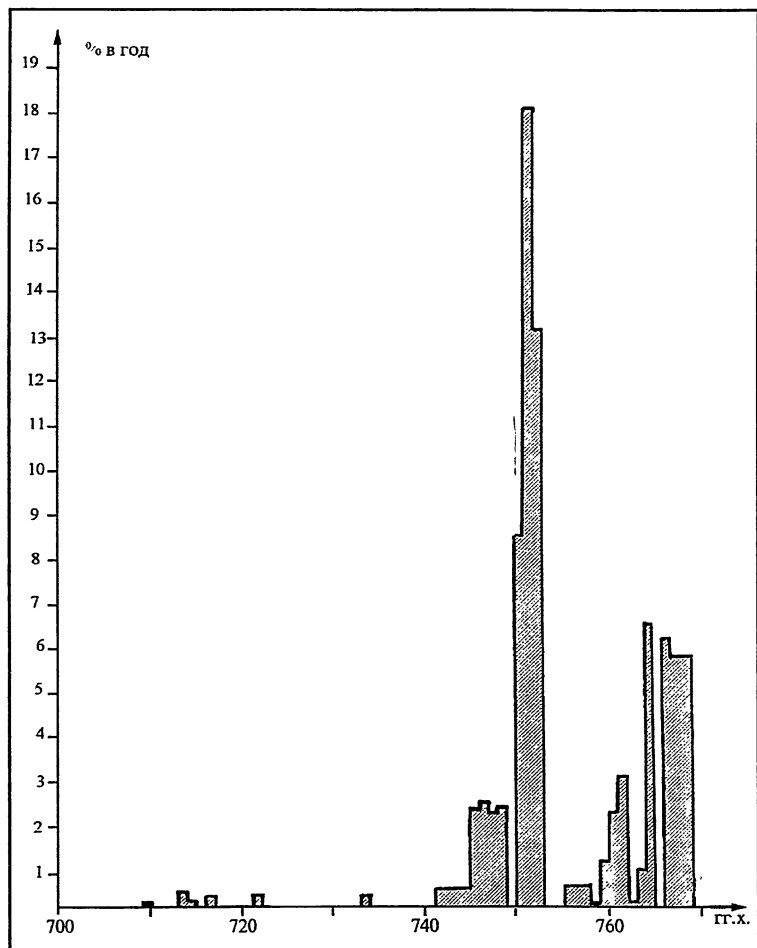

Рис. 2. Погодичное распределение джучидских монет из Старого Орхея.

лет — 751, 752 и 753 гг.х. Подавляющее большинство монет бито монетным двором Нового Сарая. До 751 г.х. выпущено мизерное количество найденных экземпляров, хронологические разрывы между выпуском которых довольно велики, а после 753 г.х. приток денег в город прекращается вовсе. Ни одной монеты ранее 759 г.х. здесь нет. Столь ясная ситуация погодичного распределения монет из коллекции Старого Орхея дает мне право поставить вопрос об особенностях проникновения денег столичных эмиссий в западные земли. Для этого нужно соотнести сделанные наблюдения с характером аналогичных находок на территории всего ордынского государства и, в частности, Нижнего Поволжья.

Из публикаций нумизматических материалов Старого Орхея видно, что 43,57% единичных находок на городище относится к продукции Сарая ал-Джедид. Эта цифра гораздо внушительнее, если при расчетах брать во внимание только пришедшие и хорошо определяемые экземпляры — без эмиссии Шехр ал-Джедид и стертых. В этом случае выясняется, что более 89% монет выборки — 400 из 449 — отчеканено в Новом Сарая. Год выпуска читается на 361 экземпляре, из которых 308 (более 85%) относятся ко времени хана Джанибека. Такое обилие монет одного эмитента, отчеканенных в течение очень короткого времени одним монетным двором, на памятнике, территориально отдаленном на сотни километров от Поволжья, подтверждается не только коллекциями Костешт и Белгорода, где картина для 1313-1368 гг. аналогична (табл. 4). Из 35 датированных монет Джанибека костештской коллекции все (!) выпущены в 753 г.х. (Полевой 1969а: 151-155). В четырех из семи кладов джучидских монет XIV в., найденных в Днестровско-Прутских землях, — Рашково I и II, Незавертайловка и Белгород — известно 43 монеты эпохи Джанибека. Из них 12 чеканено в 752 г.х., 28 — в 753 г.х., 3 — ранее (74..., 745, 749 гг.х.) и ни одного экземпляра выпущенного после 753 г.х.¹

Для решения поставленной задачи сделана выборка монет Джанибека по материалам других регионов Золотой Орды. Состав коллекций городищ и кладов известен благодаря исследова-

¹ Здесь не учтены три монеты Джанибека из клада Лозово 60-х гг. XIV в. — две чеканки Сарай ал-Джедид 747 г.х. и одна выпуска Гюлистана 757 г.х., поскольку на них имеются контрмарки Абдуллаха (см. Нудельман 1985: 101-105).

ниям Г.А.Федорова-Давыдова, на публикации которого и опирается данная работа (Федорова-Давыдов 1960: 133-155; 1963: 185-218). В зависимости от места чекана они распределились следующим образом: табл. 5.

Разумеется, более всего меня интересуют монеты, выпущенные на монетном дворе столицы — Сарай ал-Джедид. Здесь отчеканена большая часть датированной продукции времени правления Джанибска, а кроме того, именно эмиссии этого хана присутствуют в коллекциях из городищ Поднестровья. Для работы избран региональный принцип рассмотрения находок. При сравнении кладов обобщены материалы по Золотой Орде вообще и по району нижнего Поволжья, где находился административно-политический центр государства Джучидов. Анализируя единичные находки, я намеренно оперирую данными коллекции Царевского городища. Этот археологический памятник на левом берегу Ахтубы Волгоградской области вполне определенно связывается с городом Новый Сарай или Сарай ал-Джедид, который возник при Узбеке, а столицей стал несколько позднее, когда престол занял Джанибек (Гусева 1985). Как раз изучение нумизматических материалов позволило идентифицировать вторую столицу Золотой Орды с городищем Царев, где начало чеканки монет датируется 740 г.х. (1339-1340 гг.).

Картина распределения монет столичной чеканки (табл. 6, 7), графически воплощена на рис. 3, 4. Оказалось, что их распространение в кладах Нижнего Поволжья, равно как и периферии Золотой Орды, совершенно иное, нежели в кладах Днестровско-Прутских земель. Если в двух первых зонах большинство экземпляров — примерно 80% и 75% — выпущено в 743-748 гг.х., а на 751-753 гг.х. приходится только 8% и 14%, то в коллективных находках из Поднестровья 95% монет отчеканено в течение всего двух лет — 752 и 753 гг.х. Иначе выглядит распространение единичных находок. На 743-748 гг.х. в Золотой Орде приходится более 29% находок, в Поволжье — только около 24%, а на Царевском городище их количество едва превышает 17%. Напротив, монет, выпущенных в 751-753 гг.х. в золотоордынском государстве, почти 52% среди единичных находок, в Поволжье — приближается к 70%, в Цареве же — достигает 93%. Налицо кардинальное отличие характера распределения монет по сравнению с

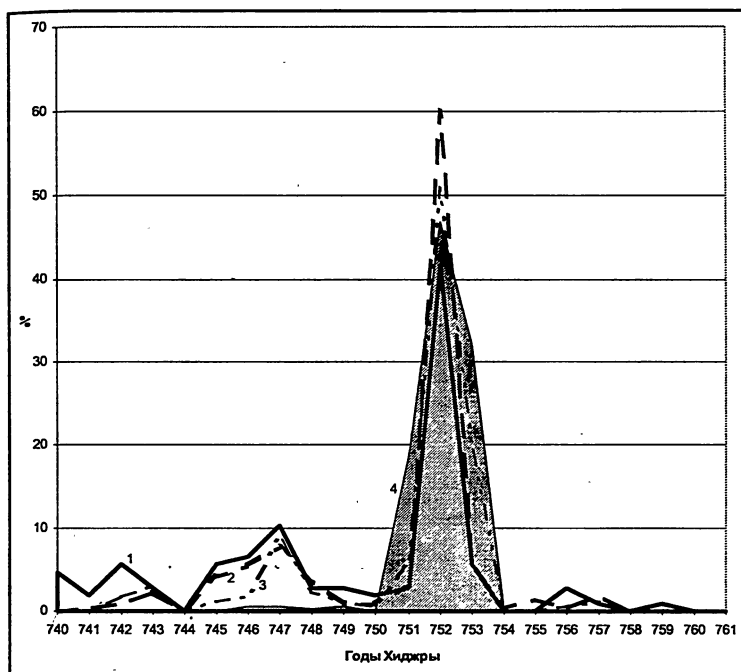

Рис. 3. Погоди́чное распределение монетных эмиссий Сарай ал-Джедид времени правления хана Джэсанибека. Клады: 1 — Золотая Орда в целом; 2 — Нижнее Поволжье; 3 — Поднестровье.

отмеченным в кладах. В наиболее раннем хронологическом отрезке, по мере сужения ареала, доля джучидских монет убывает, а на более позднем, наоборот, возрастает. Показательно, однако, что ситуация, зафиксированная на Царевском городище, аналогична староорхейской, где более 96% монет отчеканено в 751-753 гг.х. Эти наблюдения дают основания для вывода о том, что взаимосвязи Поволжья и Поднестровья, Сарай ал-Джедид (Царсва) и Шехр ал-Джедид (Старого Орхя) в середине XIV в. никак не вписываются в рамки обычных отношений центра с окраиной. В 743-748 гг.х. можно говорить о наиболее интенсивном проникновении золотоордынских монет столичного чекана в периферийные зоны государства татаро-монголов, но в Поднестровье они прак-

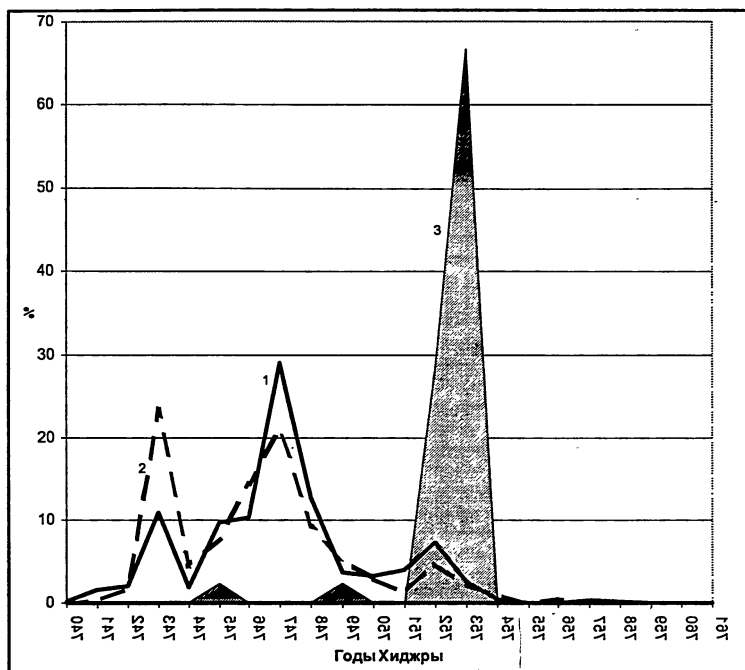

Рис. 4. Годовое распределение монетных эмиссий Сарай ал-Джедид во время правления хана Джанибека. Единичные находки: 1 — Золотая Орда в целом; 2 — Нижнее Поволжье; 3 — Царев; 4 — Старый Орхей.

тически не попадают. Однако уже в начале 50-х гг. XIV в. масштабы денежного обращения в исследуемом регионе во много раз превосходят любой другой, в который поступали столичные эмиссии. Сопоставимо это явление лишь с Сарай ал-Джедид. Создается впечатление экстраординарности, исключительности данного направления распространения золотоордынской монеты, а следовательно, и особой роли в историческом развитии улуса Джучи. Парадоксальным выглядит кратковременность, внезапность начала и полного прекращения поступления монет в бассейн Днестра после 753 г.х.

В поисках пути к решению возникшей проблемы пришлось обратиться к изучению денег хана Джанибека, чеканенных на

монетном дворе Гюлистан. Их количество уступает производству столицы. К сожалению, местонахождение этого монетного двора до сих пор достоверно не установлено. Распространено мнение, что так именовалась резиденция хана, находившаяся в Заволжье, где-то вблизи Сарай ал-Джедид. Это представление базируется на нумизматических данных — на ряде монет название «Гюлистан» соседствует с определением «Присарайский». Кроме того, на некоторых экземплярах имеется слово «город» и эпитет, относимый только к столице, «ал-Махруса» — богохранимый. Судя по датировкам монет, возникновение Гюлистана следует относить к началу 50-х гг. XIV в. (Мухамадиев 1983: 21-23). Погодичное распределение продукции этого монетного двора рассматривает табл. 8, 9.

Во времена Джанибека чеканка денег монетным двором Гюлистана велась нерегулярно. Годы, когда он не функционировал, чередуются с краткими промежутками бурной деятельности. Наибольший выпуск продукции приходится на 752-754 гг.х. и 756 г.х. Едва ли не все монеты биты именно в эти годы. Среди единичных находок изделия монетчиков Гюлистана встречаются довольно редко по сравнению с их обильным содержанием вкладах. Малочисленность единичных экземпляров сделала нецелесообразным расчет их процентного соотношения. Сопоставляя эту группу монет с коллекцией из Старого Орхоя, нельзя не отметить чрезвычайную малочисленность экземпляров данных эмиссий — всего две монеты 753 г.х. происходят из Незавертайловскогоклада, датированного началом третьей четверти XIV в. (Нудельман 1976).

Куда более значимыми, на мой взгляд, являются другие наблюдения. Бросается в глаза хронологическое совпадение функционирования монетного двора в Гюлистане со временем наиболее активного проникновения монет выпусков Сарай ал-Джедид в земли Поднепровья. О том, что это не случайно совпавшие факты, можно судить по табл. 10, в которой сопоставлена интенсивность выпуска продукции основными монетными дворами Золотой Орды периода правления хана Джанибека. За основу приняты числовые характеристики из табл. 4, которые ниже развернуты.

Представляется, что картина достаточно объективно отражает действительное положение вещей, тем более поскольку недатируемые монеты Джанибека, находимые чаще всего вместе с дати-

руемыми, соотносятся в кладах как 1,6 : 1, а среди единичных находок — 1,8 : 1. Совокупность монет с читающейся датой принята за 100% и произвели расчеты. Продукция различных периферийных чеканок найдена, как правило, в пределах хождения этих локальных выпусков и составляет в целом примерно 2,79% от общего количества. В силу такой незначительности мы опустили их в сопоставительной таблице (Федоров-Давыдов 1963: 202-203, 212-213).

Самая малочисленная группа монет происходит из Сарая (ал-Махруса), первой столицы Золотой Орды, и почти целиком выпущена в 749 и 752 гг.х. Даже пик активности этого монетного двора в 749 г.х. вдвое ниже продуктивности монетчиков Сарай ал-Джедид, когда последний переживает известный спад. Совершенно ясно, что во время господства Джанибека расцвет города Сарая был делом прошлым. Главенствующее положение в Золотой Орде приобрел монетный двор новой столицы — Сарай ал-Джедид, который выпустил две трети датированных монет этого хана. Вместе с тем столичное производство денег не отличалось стабильностью, а после 753 г.х. вообще было свернуто, хотя монеты с именем Джанибека выходили даже по смерти хана.

Совершенно в ином свете предстает деятельность монетчиков из Гюлистана. Она носит взрывной, своего рода компенсаторный характер. В условиях бесповоротного упадка монетного дела столицы с начала 50-х гг. XIV в. Гюлистан произвел в 752-754 и 756 гг.х. (лишь за четыре года) в два раза больше монет, чем Сарай ал-Джедид. Таким образом, возможно, покрывался дефицит, порожденный кризисом главного монетного двора. Тем удивительнее, что на фоне затухания выпуска монет в столице наблюдается кратковременное, но обильное проникновение в Днестровско-Прутские земли серебряных и медных денег именно данного чекана 751-753 гг.х. Налицо хронологическое совпадение начала окончательного упадка монетного дела столицы эпохи Джанибека, расцвета деятельности монетного двора Гюлистана и проникновение денег эмиссий Сарай ал-Джедид в западные пределы (рис. 5).

Описанное явление по природе своей явно аномально, поскольку не может отражать естественного расширения торговых связей Поволжья. В противном случае пришлось бы признать, что

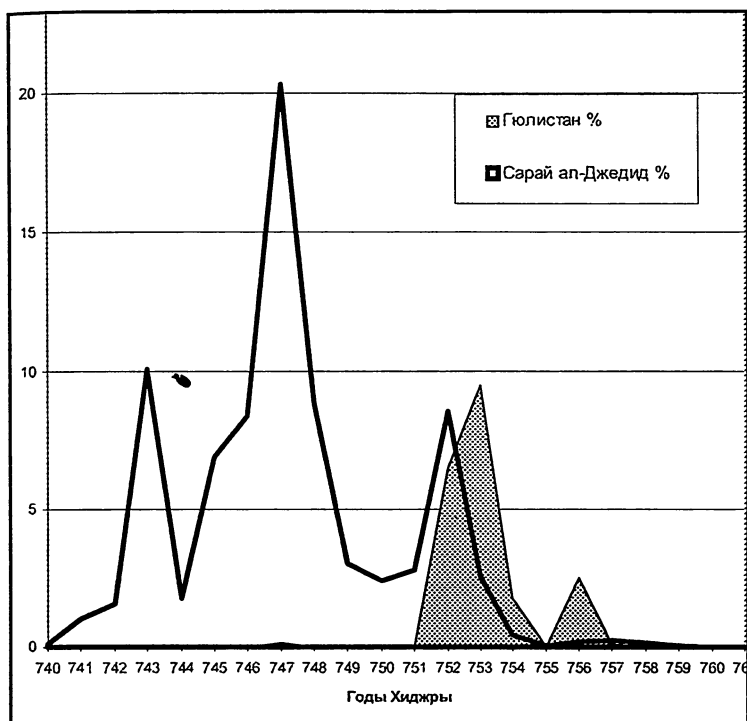

Рис. 5. Погодичное распределение продукции ведущих монетных дворов Золотой Орды времени правления хана Джанибека.

начало, расцвет и конец товарно-денежных отношений центра с западной окраиной укладываются в три (!) года. Противоречит такому объяснению и соотношение медных и серебряных монет в Поднестровье — 1 : 9. Общеизвестно, что медные деньги использовались исключительно для мелких сделок в пределах местных рынков. Об отсутствии сколько-нибудь развитых экономических связей Днестровско-Прутского района с золотоордынскими центрами, чеканившими деньги во времена Джанибека, говорит и распределение монет по месту производства. Кроме эмиссий Сарай ал-Джедид, в регионе известно лишь 5 монет других центров: 4 — из Гюлистана (табл. 8-9) и одна из Барджина 751 г.

(ДСО 1981: 87, табл. 3). Они составляют только 0,76% общего количества находок. Абсолютно по-другому выглядят картины денежного обращения на противоположных окраинах государства татаро-монголов. В Закавказье и Средней Азии преобладают монеты местного производства. Из сотен джучидских монет, найденных в Азове, на время Джанибека приходится 13 экземпляров, тогда как монет Узбека — 182, а Абдуллаха — 145 экземпляров (Фомичев 1981: 229-233, 238-239).

Приходится констатировать, что характер денежного обращения в поднестровских землях находится в явном противоречии с общими тенденциями торгово-экономической жизни Золотой Орды. В середине XIV в. в западные пределы татаро-монгольских владений произошел своего рода «монетный выброс» — едва ли не одноразовый, необыкновенно мощный, представленный почти исключительно столичной продукцией. Он фиксирует внезапное появление денежной циркуляции, местных рынков и городов на Реуте и Ботне, которое не было результатом естественного постепенного развития региональной экономики. Почему в Кодрах вдруг возникли и быстро поднялись центры городской цивилизации типа Сарай ал-Джедид, можно попытаться выяснить, только обратившись к изучению общеисторической ситуации середины XIV в. в Восточной Европе.

1.2. Некоторые факторы градообразования середины XIV в.

Обозначившиеся в ходе исследования нумизматических коллекций городов Поднепровья тесные связи с Нижним Поволжьем трудно отнести на счет исторических случайностей. В этом феномене можно увидеть реализацию субъективных политических устремлений определенных политических кругов Золотой Орды, которые чаще всего и шли вразрез с нормальным ходом социально-экономического развития на завоеванных землях.

Такого рода понимание аномальности ситуации в Днестровско-Прутских землях XIV в., фиксируемое со всей очевидностью источниками, внесено в историографию исследованиями Л.Л.Полевого. Анализируя археологические материалы Костешт и Старого Орхея, он пришел к заключению, что для возникновения этих

городов в золотоордынское время объективных предпосылок в Поднестровье не было. Исследователь предложил считать, что города в регионе появились в результате целенаправленной деятельности ханской администрации. Практика насильственного переселения в Золотой Орде известна по письменным свидетельствам, однако вопрос о возникновении городов в междуречье Днестра и Прута в этом плане не разрабатывался (Полевой 1979: 30). Причины возможного принудительного переселения на запад больших масс оседлого населения следует искать в процессах, начавшихся в государстве татаро-монголов с воцарением Джанибека.

Умершему весной 1342 г. в Сарай ал-Джедид хану Узбеку наследовал старший сын Тинибек, находившийся в это время в походе. Согласно биографии ал-Малик ан-Насира, эмиры решили в отсутствие законного наследника временно поставить во главе государства его брата Джанибека. По сути, это было начало заговора, жертвой которого пал Тинибек, убитый по возвращении в Сарайчике (Тизенгаузен 1884: 263-264). Нумизматам неизвестны монеты с именем этого хана, хотя такого рода изменение в престолонаследии, по мнению исследователей, оказало большое влияние на судьбу Золотой Орды середины XIV в. Джанибек был посажен на престол кочевой аристократией, которая олицетворяла центробежные тенденции в государстве (Мухамадиев 1983: 80-81). Могущественные степные феодалы не были заинтересованы в сильной власти нового хана, но объединялись вокруг него, главным образом, для создания противовеса городским ругам и давления на них. Естественно, что ослабленные города интересовали городскую верхушку исключительно как источник легкой наживы. Такая внутривполитическая расстановка сил в начале правления Джанибека означала не только потерю ханом авторитета в глазах городского населения, но и неизбежное ослабление позиций торгово-ремесленных кругов, на которые ориентировались Узбек и Тинибек. Это тут же сказалось на развитии монетного дела. Многие центры резко сокращают выпуск денег, а чеканка в Булгаре и Азаке прекращается вовсе (Фомичев 1981: 240).

Как видно из табл. 4, все монетное производство при Джанибеке концентрируется почти исключительно на Нижней Волге, где, по всей видимости, контроль центральной администрации был особенно жестким. Новый хан и его окружение вели открытое

наступление на возможности самостоятельной торговой деятельности городов. При свободной чеканке монет, известной в Танаисе XIV в. по трактату Франческо Пеголотти, количество выпущенных в обращение денег зависело от интенсивности поступления на монетный двор серебряных слитков. Заказчиками были, прежде всего, торговые люди (Федоров-Давыдов 1958а: 68-69). Если такая система была принята повсеместно в Золотой Орде (Мухамадиев 1983: 69), то перенесение чеканки в Гюлистан в 752-753 гг.х. следует рассматривать как меру, направленную на дальнейшее ущемление прав купечества. По всей вероятности, имело место стремление к монополизации связей Золотой Орды под эгидой ханской власти. Не исключено, что в тот же ряд следует поставить акт изгнания итальянцев из Таны (Скржинская 1971: 34) и известный по сообщению ал-Малик ан-Нисира приказ Джанибека «не возить более рабов в Египет» (Тизенгаузен 1884: 263). Взаимно неприязненные отношения кочевников и горожан, отмечаемые неоднократно средневековыми источниками, усиливались и, может быть, перерастали в открытую вражду. Таким образом, внутренние усобицы, субъективные устремления противоборствующих группировок действительно способствовали сложению обстоятельств, при которых принудительное переселение могло бы стать логичным итогом распрей. Между тем из контекста исторической реальности того времени, отраженной в нумизматических материалах и письменных источниках XIV в., делать подобный вывод опрометчиво.

Судя по нумизматическим данным, связь столицы с резиденцией хана оказывается неожиданно слабой. На Царевском городище найдено большое количество монет, выпущенных в 752-753 гг.х. обоими монетными дворами (см. табл. 7, 9). Из них сравнительно немного (лишь 20 экз.) бито в Гюлистане, где в эти годы отчеканено более трех четвертей продукции центра времени Джанибека (табл. 4). Независимую жизнь Сарай ал-Джедид и Гюлистана показывает и состав коллекций поднестровских городищ. В отдаленных на сотни километров от Нижнего Поволжья Днестровско-Прутских землях на множество монет столичного чекана 752-753 гг.х. — только в Старом Орхее их 202 экземпляра — приходится всего лишь четыре синхронных монеты из Гюлистана. При принудительном переселении едва ли возникла бы описанная си-

туация. Трактовка Л.Л.Полевого не в состоянии объяснить и некоторых других моментов. Перемещение центра чеканки монет в загородный дворец хана, конечно, урезало права торгово-купеческих слоев столицы, но, с другой стороны, ограничивало возможность контроля за их деятельностью, ведь чеканка в Сарай ал-Джедид все-таки продолжалась. Непонятным остается и то, почему в это же время наблюдается мощный отток монет именно столичного производства на западную окраину Дешт-и-Кипчак, где прежде золотоордынские монеты широкого хождения не имели. Показательно, что даже абсолютные величины для количества монет 752-753 гг.х., найденных в Старом Орхее и Цареве, отмечают значительное превосходство находок с городища на Реуте.

Столь своеобразная картина денежного обращения (см. табл. 7) не поддается удовлетворительному толкованию и с точки зрения письменных источников. Они убедительно доказывают, что в 40-х гг. XIV в. татаро-монголы не проявляли политической активности на западных окраинах Золотой Орды. Возможно, это связано с началом внутридинастической борьбы, а также с ориентацией внешнеполитического курса государства на захват территорий разваливающейся державы Хулагуидов. Как бы то ни было, вплоть до 1349 г. нет сведений об участии золотоордынцев в политической жизни Галицко-Волынской Руси (Шабульдо 1987: 45-46). Об активной деятельности татаро-монголов на Дунае во времена Джанибека также сведений практически нет (Параска 1981: 78-83). Вместе с тем как раз в 40-х гг. наблюдается возрастание активности агрессии Литвы, Польши и Венгрии на западных границах улуса Джучи. Вероятно, в 1346-1347 гг. литовские князья Кориатовичи под покровительством своего дяди — великого князя Ольгерда (1345-1377) начинают трудную борьбу за Подольскую землю. Из анализа летописных рассказов следует, что противившийся этому Джанибек почему-то не мог организовать военного отпора Литве. Воспользовавшись сложностями в жизни Литовского княжества в 1349-1352 гг., польские феодалы под предводительством Казимира III (1333-1370) захватывают Галицкую Русь, а к Ольгерду в ходе борьбы отошла Волынь. Золотая Орда не только вмешалась в этот спор, но и пошла на договор о ненападении с Польшей (Шабульдо 1987: 44-52; ИУ 1982: 34-39). В правление короля Людовика-Лайоша I (1342-1382), союзника Казимира III,

начинается экспансия Венгрии на юго-восток от Карпат. После победы над татарами, одержанной секеями и венграми комита Андрея Лакци в середине 40-х гг. XIV в., походы в районы нижнего течения Сирета и Прута стали для Венгерского королевства обычным делом. Причем обитавшие там золотоордынцы серьезного сопротивления оказать не могли, по-видимому, не имея реальной военной поддержки хана (Параска 1981: 76-79). Нет сомнения, что в этих условиях целенаправленное переселение в Поднестровье значительных масс людей было бы непосильной для ханской власти задачей. Все приведенные факты делают несостоятельность данной версии очевидной.

Остается предположить, что особенности денежного обращения в Днестровско-Прутских землях могут отразить некое стихийное потрясение общества. Можно думать, что часть населения ордынских городов, мигрировавшая в молдавские высокие Кодры, оказалась на сотни километров от прежних мест обитания в результате неожиданного воздействия природных факторов. В истории XIV в. такую роль могла сыграть только пандемия чумы — общечеловеческое бедствие, затормозившее развитие цивилизованного мира эпохи средневековья. Расползаясь по торговым путям, «Черная смерть» захлестнула Старый Свет — от Восточного Китая до островной Англии. Около 50 млн. человек стали жертвами страшной болезни, из них 25 млн. погибло в Европе — примерно четверть населения континента. Пандемия 1346-1353 гг. вызвала на европейском континенте ряд эпидемий в том же и в последующие века. Губительные последствия чумы не были преодолены большинством стран даже в последующие 100 лет, психологический эффект был глубоким и длительным, а запустение носило общеевропейский характер.

Современники начавшегося поветрия с ужасом описывают действие болезни, в течение трех дней сводившей в могилу человека. Проживавший в Крыму путешественник и дипломат Ге де-Мюсси сообщал, что в 1346 г. от неизвестной болезни вымерли многочисленные племена татар и сарацинов. Почти обезлюдели кочевые степи и города. Из Каффы чума была завезена генуэзцами в Константинополь, а затем через Италию проникла в Западную Европу. Через Армению, Малую Азию и Сирию «Черная смерть» пришла в Египет. В ряде городов среди зараженных ле-

тальность достигла 100% (Гезер 1867: 97-98). Почти полностью лишился жителей Кипр. Италия потеряла до 50% населения, Англия — примерно столько же. В Норвегии едва осталась четверть обитателей, в северных русских землях — треть. Русский летописец под 6854 (=1346) г. записал: «Бысть мор силен зело под восточною строною: на Орначи, и на Азстрокани, и на Сарай, и на Бездежи и на прочих градах стран тех, на крестианех, и на Арменех, и на Фрязах, и на Черкасех, и на татарех, и на Обязах, и яко не бысть кому погребати их» (ПСРЛ 1965: X, 217). Исходный ареал ясен — ордынские пределы. Рассказывая о том, что в 1352 г. чума «по всем землям походи», летопись называет то же направление распространения смертельной эпидемии — «мор поиде из Ындийския страны и земли от Солнца града» (ПСРЛ 1965: X, 224).

Даже спустя десятилетия египетский законовед и историк Бадрад-Дин Махмуд ал-Айни (1360-1451) в фундаментальном труде «Ожерелье из жемчугов по истории людей своего времени» с содроганием писал: «О чуме, подобной этой, никто не слыхал». Только в Египте чума 1348 г. унесла в могилу сотни тысяч жителей. «Не стало людей в домах: в последних были брошенные пожитки, утварь, серебряные и золотые деньги, но никто не брал их» (Тизенгаузен 1884: 473, 530). Его соотечественник канонист и литератор Зайн ад-Дин ибн ал-Варди, написавший послание «Весть о чуме» и умерший во время мора 1350 г., оставил свидетельство об эпидемии в Золотой Орде. В «Дополнении к «Сокращенным известиям о роде человеческом» он заявляет, что в «землях Узбека», откуда в 757 г.х. болезнь появилась в Византии и Египте, вследствие массовой гибели «обезлюдели деревни и города». Только в Крыму (городище Старый Крым — Солхат) местный кади насчитал 85000 умерших (Тизенгаузен 1884: 498, 530). Известно, что в Тане середины XIV в. осталось лишь пятая часть жителей (Фомичев 1981: 240).

Классическое описание «губительной чумы», посетившей в 1348 г. Флоренцию, оставил в «Декамероне» Джованни Боккаччо. Вот всего несколько выдержек из вступления к произведению.

1. «От этой болезни не помогали и не излечивали ни врачи, ни снадобья».
2. «Сама жизнь коренным образом изменила нравы горожан».
3. «Весь город был полон мертвецов».

4. «Умерший человек вызывал тогда столько же участия, сколько издохшая коза».

5. «На переполненных кладбищах при церквях рыли преогромные ямы и туда опускали целыми сотнями трупы... Клади их в ряд, словно тюки с товаром в корабельном трюме, потом посыпали землей, потом клали еще один ряд — и так до тех пор, пока яма не заполнялась доверху».

6. «С марта по июль... в стенах Флоренции умерло, как уверяют, сто с лишним тысяч человек».

7. «Город опустел» (Боккаччо 1970: 36-41).

Автор, очевидец чумного поветрия, точно передал картину безумного страха и смятения современников. Всюду, где прокатилась чума, происходили колоссальные изменения привычного уклада жизни, демографических процессов; деформировалось сознание целых народов. Отчаянию нередко сопутствовали рост преступности и массовый разгул — «все равно, мол, скоро умрем» (Боккаччо 1970: 37). Во Франции «Черная смерть», кроме разорений и голода, повлекла за собой эпидемию психических болезней. В Германии народ был охвачен массовым психозом. Во многих местах население, уповая на бога, ожидало конца света, происходили еврейские погромы, резня. Даже спустя много лет последствия пандемии сказались на общественном развитии, особенно в социальной сфере. Так, одной из причин восстания Уота Тайлера 1381 г. было усугубившееся из-за чумы положение низов английского общества.

Воспринимая мор как «влияние небесных тел» или «за грехи правый гнев божий», люди средневековья, где бы они ни проживали, куда более четко осознавали инфекционный характер заболевания. Естественное стремление человека к самосохранению нашло выражение в соблюдении определенных правил безопасности. В зачумленной Флоренции основные санитарные мероприятия властей состояли в вывозе нечистот, запрете въезда больным, распространении советов медиков среди горожан. Часть жителей запиралась в домах, стараясь во всем соблюдать умеренность, не контактировать с больными, их вещами, трупами умерших. Известно, впрочем, что все эти меры, как и массовые религиозные моления, покаяния, оказывались малоэффективными (Самаркин 1976: 69-80). Повсеместно широкое распространение полу-

чили сорокадневные профилактические задержки на рейде судов, следующих из неблагополучных по чуме мест. Карантины (от французского *quarante* — «сорок») не были научно обоснованными и не всегда приносили ожидаемый результат, поэтому население чаще всего искало спасения в бегстве из пораженных или находящихся под угрозой поражения районов (Боккаччо 1970: 38; Самаркин 1976: 75; Бродель 1986: 99-101).

В 1347 г. генуэзцы, напуганные вспышкой чумы в Каффе, бросили город и отбыли морем на родину. Беглецов ожидала неудача — большинство из них умерло в пути, а уцелевшие завезли заразу на Балканы и Апеннины (Гезер 1867: 97-101; Самаркин 1976: 75). Согласно Боккаччо, часть флорентийцев считала, «что нет более действенного средства уберечься от заразы, как спастись от нее бегством». Многие жители города бежали, бросая родных и близких, в окрестности Флоренции и других городов. Герои «Декамерона» решают «оставить город, страшась пуще смерти дурного общества...», и, как многие имущие, укрываются в загородном поместье (Боккаччо 1970: 38, 44-46). Когда в 1351 г. чума достигла Пскова, население в панике стало разбегаться из обжитых мест и искать убежища в монастырях (ПСРЛ 1965: X, 223-224). Так было везде и в XIV в., и позднее. Не случайно Ф.Бродель говорит об «обычной схеме» — однообразии поступков, предосторожностей, отчаяния и социальной дискриминации. И в XVII в., «как только объявляют о случаях заболевания, богачи, если могут, обращаются в поспешное бегство, направляясь в свои загородные дома». Даже в арендных договорах о земле предусматривалась возможность переселения в случае чумы к арендаторам. В 1664 г. во время эпидемии в Лондоне правящий дом с многочисленным окружением спешно удалился в Оксфорд (Бродель 1986: 99-101). Точно так же тремя веками ранее, когда чума в июне 1368 г. оказалась у ворот Лондона, «двор укрылся в Виндзоре в надежде отсидеться в относительной безопасности уединенного замка, окруженного широким поясом парков и лесов. Чуму удалось удержать на расстоянии» (Гарднер 1986: 235).

Разумеется, пандемия чумы внесла существенные коррективы в процесс исторического развития Дешт-и-Кипчак, хотя письменные источники освещают этот вопрос крайне недостаточно. Определенно ясно одно: именно отсюда распространялась болезнь.

Об этом прямо говорится в истории Иоанна Кантакузина при описании чумы 1352 г. в Македонии и Фракии — «она началась ранее всего у северных скифов» (Кантакузин 1980: 377). «Северными скифами» византийский историк именует как раз ордынцев. К сожалению, затрагиваемая проблема совершенно не разработана, хотя действие этого фактора время от времени отмечается исследователями (Полевой 1979: 118-119; Мухамадиев 1983: 82; Шабульдо 1987: 46).

На мой взгляд, есть все основания считать, что влияние чумы на население евразийских степей было куда значительнее, чем за пределами этой климатической зоны. Более всего пострадали торговые города степей. Не случайно Сенат Венеции запретил в 1347 и 1348 гг. своим судам плыть из Константинополя в Черное море. Реально же связь итальянцев с черноморскими портами была прервана на несравненно более длительный срок — вплоть до 60-х гг. XIV в. (Карпов 1981: 56-57; ср. 1990: 107-108, 167, 174, 307, 319-324). Дело в том, что чума характеризуется природной очаговостью — в сухих степях и полупустынях возбудитель болезни перманентно циркулирует среди животных-переносчиков — грызунов и насекомых. Благоприятными для развития чумных микробов в среде людей являются поселения, расположенные в этих климатических поясах. Низкий уровень санитарной культуры населения, обилие блох в жилищах, городская скученность, несомненно, способствовали распространению заболевания. Причем, если за пределами природных очагов чума, как правило, прекращалась через 1-2 года, то внутри их угроза поражения людей существовала постоянно. Низовья Волги, где до сих пор сохраняются природные очаги чумы, как раз и являются исторически достоверным источником инфекции не только в середине XIV в., но и позднее, например, в 1363 г. (Соловьев 1960: II, 544).

Сопоставление сведений о чуме с результатами анализа нумизматических материалов позволяет моделировать историческую ситуацию. Вероятно, что давно неугодное кочевым властителям торгово-ремесленное население Нижнего Поволжья из страха перед неведомой болезнью предпочло покинуть «проклятые места». Руководствуясь религиозными соображениями, равно как и здравым смыслом, переселенцы должны были отклоняться от караванных путей в малонаселенные, не тронутые чумой райо-

ны. Горький опыт подсказывал, что чума «щадила земли, лежащие в стороне от интенсивных торговых путей» (Самаркин 1976: 76). Таким глухим регионом был массив Кодр с весьма редким населением. Очевидно, здесь, на пятачке лесной зоны (в основном дуб и граб), окруженном степью, пришлые этнокультурные группы нашли убежище от Черной смерти. Так, по моим представлениям, на западной оконечности завоеваний татаро-монголов могли внезапно появиться города с материальной культурой золотоордынского облика. Вынужденная эмиграция не могла произойти позднее 753 г.х. (1352-1352 гг.), но и ранее 751 г.х. (1350/1351 гг.), если предполагать несколько волн переселения.

Обилие денег чеканки Сарай ал-Джедид в рассматриваемых коллекциях наводит на мысль, что в западные пределы ушли жители столицы или тесно связанных с ней районов. Об этом же свидетельствует и размах, с которым строились в Старом Орхее отдельные сооружения — мечеть, бани. Отсутствие монет Гюлистана на городищах Поднепровья и одновременное перемещение центра чекана в резиденцию хана заставляют думать, что Джанибек и его окружение, напуганные мором, удалились из столицы. Перенесение ставки в загородную резиденцию — естественная мера официальных кругов, которым, в противоположность непривилегированным слоям граждан, не было необходимости уходить очень далеко. Гюлистан вполне надежно ограждал верхушку золотоордынского общества от контактов с губительными последствиями. Возможно, именно поэтому болезнь косила большей частью бедноту, а среди имущих — только представителей клира. В 1352-1353 гг. жертвами чумы стали папа Климент и митрополит Киевский и всея Руси Феогност. Из коронованных особ Европы смертельное дыхание чумного поветрия опалило лишь кастильского короля Альфонса XI да московского князя Семена Ивановича с братом и двумя сыновьями (Гезер 1867: 102, 107; ПСРЛ 1965: X, 226). Знаменательно, что в княжение того же Семена Гордого (1340-1353) даже походы ордынцев в русские земли прекратились. Известен лишь один случай вторжения — в 1347 г. был сожжен посад города Алексина (Соловьев 1960: II, 252). Все это убеждает в невозможности насильственного переселения большого количества городского населения ханом.

Отнюдь не случайно бегством должно было спастись именно

городское население. Во-первых, горожане, в силу условий своего обитания, более всех страдали от эпидемий инфекционных заболеваний. Во-вторых, они становились и главной жертвой противочумных карантин, которые часто приносили людям большой вред. Русской истории хорошо известен московский «чумной бунт» сентября 1771 г. Во время эпидемии, унесшей около 40 000 жизней москвичей, действовал карантин, усугубивший положение рядовых граждан. Закрытие мануфактур лишило людей заработка. Прекращение торговых операций ударило по купцам и ремесленникам. Из-за плохого подвоза продовольствия начался голод. Негодование вызвали произвол властей, пособничество спекуляции, отсутствие должного медицинского обслуживания. Попытка московского митрополита Амвросия разогнать толпу народа, собравшегося у чудотворной иконы Варварских ворот, дала последний толчок восстанию. Любопытно, что за стенами Кремля укрывались имущие, а духовенство спасалось от мора в подмосковных монастырях (Соловьев 1966: XV, 124-140). Аналогичные явления имели место и в зачумленных городах другого времени и других мест. Случалось, люд сгоняли в зараженный город и держали взаперти, заболевших замуровывали в домах и сжигали (Самаркин 1976: 76; Бродель 1986: 99). Боккаччо прямо говорит, что многие заразившиеся чумой, «быть может, и выжили бы, если б им была оказана помощь» (Боккаччо 1970: 39). Ал-Айни сообщает об упадке торговли: «Оказался недостаток во всех товарах, вследствие незначительности привоза их, так что бурдюк воды обходился в землях египетских дороже дирхемов...» (Тизенгаузен 1884: 529).

Таким образом, причин для массового бегства городского населения низовьев Волги в середине XIV в. могло найтись предостаточно. При этом не следует забывать, что жителями городов в основном уже являлись не согнанные из разных завоеванных областей ремесленники, а их потомки. Эти люди, с одной стороны, не имели уже связи с родиной отцов, а с другой, в силу своего социального статуса также ненавидели поработителей. Это было уже достаточно сплоченное «третье сословие» золотоордынского общества, надо думать, способное на более или менее организованные действия. Среди них было и немало тех, на кого опирался Узбек, испытывающих дискриминацию со стороны новой ханс-

кой администрации. Речь идет о купечестве, хорошо знакомом с географией Золотой Орды. Не исключено, что благодаря ему район Поднестровья стал одним из направлений движения с Волги. Здесь, на периферии Улуса Джучи, к 1353 г. появились города на Реуте и Ботне, которые тогда же и потеряли связь с Нижним Поволжьем. Денег выпуска 754-758 гг.х. на памятниках не обнаружено, хотя только в 754 и 756 гг.х. монетный двор Гюлистана выпустил почти 21% всей своей продукции времени Джанибека (табл. 4).

Кодры стали приютом беглецов совсем не случайно. Золотая Орда в это время уже была фактически разделена улусными эмирами на четыре области: Хорезм, Булгары, Нижнее Поволжье и Крым. Характер материальной культуры региона Поднестровья и письменные источники свидетельствуют, что стабильных связей с Крымом в первой половине XIV в. он не имел. Более того, по меньшей мере в первой трети XIV в. сильные позиции здесь имел болгарский царь, а в городах Вичине и Белгороде-Монкастро — итальянские купцы. Власть монголо-татаров была опосредованной (см. гл. 3). Памятуя о том, что хан Джанибек являлся ставленником эмиров, можно обоснованно говорить о стремлении городского населения спастись бегством от притеснений кочевой знати, так же как и от чумы. Удалось ли избежать обитателям Кодр Черной смерти, можно судить лишь по косвенным показателям. Вряд ли города района могли достичь такого расцвета всего за полтора десятилетия существования, когда бы их развитие было нарушено чумным мором. Едва ли в период свирепствования чумы Венгрия вела бы активную экспансионистскую политику в Карпато-Днестровских землях, как это имело место с 40-х г. XIV в. Наконец, вовсе необъяснимой была бы демографическая ситуация в молдавских землях, где наблюдался интенсивный рост населения в XIV — середине XV вв. (Полевой 1979: 27-35, 114-120; 1985: 16-45), сопровождавшийся активной колонизацией Поднестровья. Думается, что найти обоснованную альтернативу предложенной трактовке циркуляции монет Джанибека в золотоордынских городах Поднестровья сложно.

Небезынтересно, что представление о бегстве большого количества золотоордынцев от чумы из Поволжья в западном направлении бытовало в русских землях очень давно. Такое указание

имеется в «Истории скифской» Андрея Лызлова конца XVII в. Пересказывая летописное известие о великом море 6855 г. (=1348 г.) в ордынских городах на Волге и по всему улусу Джучи, он дает очень знаменательное объяснение. «И его ради побегоша отгуду мнози татарови в поля дикия, и наипаче умножишася около Дону и Днепра, и в Перекопи жити начаху» (Лызлов 1990: 31).

Трудно сказать, было ли западное направление привычным местом спасения в подобных ситуациях. Вместе с тем в 1435 г. зафиксирован действительный случай поиска генуэзцами из захваченной Каффы убежища в Монкастро (Карпов 1998: 26-28). Я полагаю, что в Поднестровье, в силу ряда причин, среди которых «Черная смерть» была очень существенной, в середине XIV в. переместилось большое количество населения с востока. Пришлые люди принесли в Кодры городскую культуру ордынского облика в уже сложившемся виде и, вероятно, составили первоначальное ядро горожан. Быстрый рост городов придал вполне определенную направленность экономике окрестных территорий. С одной стороны, центры ремесла и торговли втягивали округу в мелкотоварный обмен, обуславливая развитость внутреннего городского рынка. Это фиксируется многочисленными находками медных монет. С другой, жестокое внеэкономическое принуждение со стороны завоевателей делало города местом концентрации и перераспределения прибавочного продукта, что подтверждается как размахом городского строительства (ДСО 1981: 5-90), так и регулярным вывозом из Поднестровья через Белгород хлеба (Коновалова 1994: 108-125). Выполнение городом этих и других функций мыслимо лишь при наличии достаточно четко отработанной системы социальных отношений.

Глава 2.

АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ БЕЛГОРОДА

2.1. Религиозный и этнический состав населения

Система военно-феодалного господства, сложившаяся в самом западном государстве Чингизидов, наложила существенный отпечаток на историческое развитие подвластного населения. Взаимодействие различных этнических и религиозных групп, тем или иным образом замыкавшееся на ханскую администрацию, определяло специфику процесса кристаллизации социальной структуры золотоордынского общества. Стремление хана и его аппарата держать в кулаке очень разнородные категории зависимого населения породило довольно широкий спектр способов принуждения и форм эксплуатации. Впрочем, взаимная интеграция населения, оказавшегося под Золотой Ордой, была затруднена незрелостью явлений базисного порядка, да и организацией надстроечных структур. Сама система господства завоевателей допускала и даже предполагала сохранение старых и появление новых общественных образований, которые входили в Орду на положении субсистем. Со временем их внутренние связи становились все более существенными и прочными, то есть наличие автономно консолидирующихся субсистем и делало государственное образование татаро-монголов недолговечным. Вплоть до своего развала держава Бату оставалась окончательно не сложившимся, многослойным организмом (Быря, Руссев 1988: 147-152). Вместе с тем, по высказыванию академика Н.И.Конрада, «образование в начале XIII в. монгольской державы превратило на некоторое время все пространство от берегов Японского, Желтого, Вос-

точно-Китайского и Южно-Корейского морей до Средней Азии и Ирана включительно и далее через Восточную Европу до самых Карпат в район связанной исторической жизни» (Конрад 1972: 463).

Этно-конфессиональный состав обитателей имеет прямой выход на строй социальной жизни средневековых городов. В гетерогенности городского населения уже изначально скрывалась причина его трудно разрешимых противоречий, которые, как правило, были чужды деревенской среде. Разнообразие ремесленной и купеческой специализации горожан, существование среди жителей города групп, занятых в непроеизводственной сфере и вовсе без определенного рода деятельности, разделяли людей, придавая их отношениям необычайную сложность. Когда эти имманентные городским центрам черты сочетались с этнической и религиозной пестротой, разветвленность корпоративных интересов резко увеличивалась, обострялись социальные антагонизмы. Именно так обстояло дело в Орде со времени возникновения городов, ведь татаро-монголы сгоняли в них пленников из многих разоренных земель (Греков, Якубовский 1950: 148 и др.). Вопреки ассимиляционным процессам, это наблюдалось на протяжении всего исторического развития городов под ордынской властью. Конкретизация высказанного предположения в каждом конкретном случае возможна только на основе изучения памятников письменности.

К сожалению, письменные источники не отразили занимающие меня стороны городской истории достаточно полно для всех известных населенных пунктов региона. Для Килии исследование располагает сведениями лишь о лицах, заключавших сделки с генуэзцами и оформлявших их у одного нотариуса (Коновалова 1989: 14-21). Данные о Ликостомо еще более однобоки и менее репрезентативны (Balbi, Raiteri 1973; БСГК 1981: 228-243). Разрозненные сообщения о Вичине, хотя и дают определенную информацию на сей счет (БСГК 1981: 217-228), в единое целое могут быть сложены только с большим риском, поскольку все еще кипят страсти вокруг локализации города (Diaconu 1976: 409-407; Атанасов 1993: 3-19) и идентификации его с Сакджой арабских авторов. В выигрышном положении находится, пожалуй, Белгород (Акджа-Керман, Маокастро), этно-религиозная пестрота ко-

торого объясняется и его географическим положением. Исследования историков и археологов не оставляют сомнений, что в XIV в. это был важный порт Черноморья на стыке Востока и Запада (Iorga 1899; Кравченко 1986).

Среди разноязыких, но лаконичных свидетельств о городе на Днестре имеются материалы трёх арабов — Абу-л-Фиды, ал-Омари и ал-Калкашанди. Они знали этот населенный пункт под именем «Акджа-Керман». Компиляция «книжного географа» Абу-л-Фиды, наиболее ранняя по времени написания, включила и рассказы очевидцев, которые автор мог слышать, бывая на приемах во дворце султана ан-Насира. Египетский энциклопедист ал-Омари, работая над своим многотомным трудом, использовал не только рассказы путешественников, но богатые архивные данные — «его фамилия в течение почти столетия ведала государственной канцелярией Египта». Последняя энциклопедия мамлюкской эпохи написана между 1389 и 1412 гг. крупным египетским чиновником ал-Калкашанди, работавшим в канцелярии султана под руководством племянника ал-Омари. В части, касающейся Золотой Орды, сочинение наименее оригинально и сильно зависит от двух первых трудов (Крачковский 1957: 386-392, 405-408, 411-415).

Арабским авторам Улус Джучи известен как «страна тюрок», «государство Берке» и «страна кипчаков». Сведения Абу-л-Фиды, вероятно, можно отнести к первой половине правления хана Узбека (1313-1342), поскольку в тексте географии имеется такое замечание: «Современного правителя этого государства зовут Узбек, и его послы часто прибывают в Египет». Об Акджа-Кермане арабский ученый пишет, что это небольшой город, расположенный на берегу Черного моря неподалеку от места впадения в него реки Днестр. Находится данный населенный пункт в стране «болгар и тюрок», а жители его — «мусульмане и неверные» (Aboulfeda 1848: 40-41, 316-317). Ал-Калкашанди, похоже, заимствовал информацию о Белгороде у Абу-л-Фиды, хотя в его характеристике имеются и новые моменты. Согласно его материалам, город «связывал Болгарию с основной страной тюрок», причем «Валахию или Болгарию со столицей Тырново» энциклопедист включает в одну из десяти административных областей или «иклимов» Золотой Орды (Поляк 1964: 34-35, 51). Более оригинален ссылающийся на рассказы купцов ал-Омари. Очевидно, для того, чтобы при-

дать своим известиям больший авторитет, он даже называет их имена. Один рассказ записан в начале 1338 г. из уст человека, только возвратившегося из Золотой Орды, «которую изъездил при своем путешествии и в которой он, захав далеко, добрался до Акджа-Кермана и страны Булгарской». Далее, со ссылкой опять же на очевидцев, ал-Омари перечисляет пограничные пункты Улуса Джучи, в том числе и Белгород, однако пределы Орды на Западе он распространяет до Дуная: «От реки Джейхун до реки Дуная — ширина этого государства» (Тизенгаузен 1884: 235-237). Очевидно, что сообщения ал-Омари о Белгороде хронологически нужно связывать со второй половиной властвования Узбека.

Латиноязычные памятники, отразившие миссионерскую деятельность францисканских монахов и участие в международной торговле с Востоком Генуэзской республики, также проливают свет на поднятые проблемы. За период с 1286 г. по 1390 г. историки располагают серией из четырех реестров населенных пунктов Золотой Орды, в которых существовали монастыри ордена Св. Франциска. В двух из них, за 1320 и 1334 гг., среди почти двух десятков таких мест значится и Белгород — соответственно *Maurocastro* и *Maurum Castrum*. Еще в одном из документов, сообщаящем о «братьях миноритах, замученных в Тартарии» (разные списки документа датируются 1314-1329 и 1339-1343 гг.), находится сообщение об убийстве болгарами в *Mauro Castro* брата Анжело де Сполето: *in Mauro Castro, fr. Angelus de Spoleto, tunc Custos, fuit mactatus per Vulgaros*. Существует мнение, что это событие произошло в Белгороде в 1307 г. Правда, в другом варианте этот монах был убит болгарами в Армении: *In Arzengam in Armenia, fr. Angelus de Spoleto pro fide a Bulgaris martirizatus est* (Golubovich 1913: 72, 102). Этот казус обстоятельно разобрал еще Г.Брэтиану, убедительно показавший, что в списке составитель сделал пунктуационную ошибку, в результате которой обстоятельство места перешло от предыдущей фразы к последующей (Brătianu 1935: 106). Таким образом, недоразумение, вызванное неверной расстановкой знаков препинания, было исчерпано.

Привлекает внимание еще один латиноязычный документ, отложившийся в результате торговой деятельности граждан Генуэзской республики и датированный 22 марта 1316 г. Он обнаружен в числе актов 1314-1344 гг., принадлежащих специальному ведом-

ству *Officium Gazarie*, созданному для обеспечения безопасности генуэзской торговли в причерноморских портах. Это официальное решение республики Св. Георгия, известное под названием «Запрет на хождение в Загору» (*Deuetum de non eundo in Zagora*), появилось вследствие столкновений в городе Мавокастро. В качестве крайней ответной меры комиссия из восьми «мудрых» провозгласила прекращение торговых операций республики в землях, подвластных «императору Загоры» (*imperator de Zagora*), который здесь же именуется «божьей милостью император и властитель Болгарии» (*Dei gracie imperator et dominator Bulgarie*). Причиной чрезвычайных санкций стала позиция, занятая императором Федиксклавусом (*Fedixclavus*), то есть царем Болгарии Феодором Светославом (1300-1322), по вопросу об условиях нормализации отношений. Речь шла о требованиях возместить ущерб, причиненный в Мавокастро и других местах людьми болгарского царя генуэзцам (*de dampnis illactis januensibus in terris subditis dicto domino imperatori tam in Mavocastro quam alibi*). В постановлении указывается, что трагическое пересечение интересов болгар и итальянцев в городе, отождествляемом с Белгородом, произошло еще до 20 марта 1315 г., когда представитель республики был наделен комиссией восьми мудрых полномочиями урегулировать конфликт. Однако миссия посланника не увенчалась успехом, поскольку лицо, представлявшее на переговорах болгарского царя, такими полномочиями не обладало. Более того, спустя год посольство Болгарии не прибыло, как было установлено, в Перу — генуэзскую колонию у Константинополя — для решения проблемы, хотя полномочный представитель коммуны дожидался его здесь более месяца. Такое развитие ситуации показало, что столкновение в Мавокастро не было простым инцидентом, но открыло полосу целенаправленных акций против генуэзцев со стороны Болгарии. Как видно из текста, ко времени принятия постановления конфликты, подобные произошедшему в Белгороде, имели место и в других портах, которые оставались не названными. Это была уже политика, и изменять ее направленность, судя по всему, Феодор Светослав не собирался. Именно поэтому Оффиция Газарии под угрозой большого штрафа запрещает генуэзским купцам и подданным республики посещение Болгарии и торговлю в ее землях. Кроме чисто экономических санкций, данное постановление объявляло «законными» нападения и грабежи поддан-

ных «императора Загоры» со стороны генуэзцев (МНР 1838: 382; DIR.B 1953: 8-10; Гюзелев 1995: 103-108).

Оба описанных свидетельства были привлечены впервые к анализу Г.Брэтиану, предположившим, что после ликвидации в Золотой Орде оппозиции темника Ногая и его сына Чаки на рубеже XIII-XIV вв. хан Токта (1290-1342) пожаловал Феодору Светославу право взимать пошлину в городах Северо-Западного Причерноморья и держать воинский гарнизон в них и, в частности, в Белгороде (Brătianu 1935: 104-119). Мысль о том, что в своих действиях болгарский царь не был свободен и зависел во многом от ордынских ханов, нашла дальнейшее развитие в исторической науке (Deletant 1984: 516). Однако в историографии имеются и точки зрения, отвергающие вывод о болгарском владычестве в степях между низовьями Днестра и Дуная в первые десятилетия XIV в. Они принадлежат В.Спинею и А.Кузеву (Spinei 1982: 172-176; Кузев 1990: 101-106). Более детально позиция В.Спинея рассмотрена ниже, поэтому здесь ограничусь лишь некоторыми частными замечаниями. Румынский историк пытается доказать, что Мавокастро из постановления Оффии Газарии следует отождествлять с портом Мауро (Mauro) в болгарских землях на западе черноморского побережья. Однако совершенно очевидно, что эта пристань не играла сколько-нибудь важной роли в итальянской морской торговле и поэтому обозначена далеко не на всех картах того времени. Кроме того, генуэзский нотариус из Каффы Ламберто ди Самбучето, работавший там в 1289-1290 гг., знает Белгород под почти идентичным названием — Malvocastro (Brătianu 1935: 176-177; Balard 1973: 203). Полагаем, что речь идет не просто об отличии в одну букву, а о написании топонима в соответствии с определенной традицией. Интересно, что оба документа касаются коммерческих операций Генуи и относятся к наиболее ранним источникам о деятельности итальянцев в этом населенном пункте¹. Трудно сказать, почему этот вариант наименования города,

¹ Знаменательно, что генуэзский нотариус Антонио ди Понцо, работавший в 1360-1361 гг. в Килии, чаще всего именует Белгород «Маокастро» (см. Balard 1980: 85, 98; Pistarino 1971: 24, 43, 52, 59-62). Любопытно, что Н.Йорга зафиксировал в записи еще одного генуэзского нотариуса за 1410 г. форму «Мокастро» (Iorga 1899). Складывается цепочка топонимической эволюции: Malvocastro (1290) — Mavocastro (1316) — Maocastro

известный хорошо еще Г.Брэтиану, не останавливает внимания В.Спина, но, наверное, нет достаточных оснований, чтобы не видеть в Мавокастро 1316 г. Мальвокастро конца XIII в. и Маокастро начала 60-х гг. XIV в.

Как раз о населении последнего интересную информацию содержат акты из Килии, оформленные Антонио ди Понцо, нотари-ем опять-таки генуэзской фактории. Из 222 сохранившихся и опубликованных ныне документов, составленных им в 1360-1361 гг., шесть актов содержат интересующие нас сведения (Pistarino 1971: 24, 43, 52, 59-61; Balard 1980: 85, 98). Два акта, датированные сентябрем 1360 г., засвидетельствовали продажу невольниц. В одном случае речь идет о продаже 28-летней гречанки Марии, прежняя хозяйка которой заявила, что рабыня была куплена ее мужем Бартоломео у сарацин Белгорода (*Et est sclava quam dictum Bartholomeus vir suus redemit a Sarracenis in loco Asperi Castri, in quo loco erat sclava*). Сделка состоялась в присутствии переводчика с греческого (*gregescha*) на латынь. Показательно, что наряду с обычной для Антонио ди Понцо формой названия города — Маокастро, здесь единственный раз встречается греческий топоним «Асперо Кастро». Другой документ зафиксировал продажу сарацинам из Белгорода (*Tandis de Maocastro sarracenus*) 18-летней татарки (*de proienia tartarorum*). В купле-продаже на этот раз участвовал переводчик с «команского» (*comanescho*) языка.

Акт, оформленный 28 февраля 1361 г., зарегистрировал продажу жителем Белгорода Иоанном (*Iuanus de Arzerono guondam Iohannis, habitator Maocastri*) килийцу Саркису партии меда. Доставка зерна из Килии в Константинополь в начале апреля 1361 г. заботила совладельцев судна «Св. Николай». Это были итальянцы из Маокастро Михаэль де Пекко (*Michaellem de Recho condam Dimitri, burgensem Maocastri*) и пекарь Триандафоло Гото (*Triandaffolo Goto Fornarius, habitator Maocastri*). Три акта от 2, 5,

(1360-1361) — Мочастро (1410). Так в документах, имеющих прямое отношение к торговой деятельности республики Св. Георгия, отразился объективный процесс трансформации названия города — написание постепенно в течение 120 лет один за другим утратило три знака, сохранив в общих чертах первоначальную основу слова. Вероятно, документы отразили реальную направленность развития топонима в повседневной устной речи генуэзских торговцев.

7 апреля того же года называют имена четырех жителей города на Днестре, выступающих в роли свидетелей при заключении сделок. Двое из них были прямо связаны с упомянутым судном: Леонардо де Порту был его патроном (*Leonardo de Portu, habitatore Maocastri, patrono eiusdem cigute*), а Доминико де Санкто Франциско — писарем (*Dominico de Sancto Francischo, habitatore Maocastri, scriba eiusdem cigute*). Еще двое обитателей Маокастро звались Теодор (*Theodori de Maocastro quondam Michali Osgoragi*) и Яне или Янино (*Iane Trapessunde, habitatore Maocastri; Ianino de Trapessunda*).

Большое значение для разработки проблематики может иметь и информация единственного в данном случае славяноязычного памятника. Таковым является оригинальное агиографическое сочинение, созданное в Молдавии в первой половине XV в. Его полное название — «Мучение святого и славного мученика Иоанна Нового, иже в Белграде мучившегося, съписано мнихом и пресвитером и великой церкви молдовлахийской». Этот уникальный источник молдавского происхождения, сохранил сведения о предшествующей эпохе в достаточно подробном и даже детальном изложении. Большинство исследователей полагает, что автором житийного произведения является широко известный в православном мире начала XV в. Григорий Цамблак, подвизавшийся на время в Сучаве. По мнению А.И.Яцимирского, житие Иоанна было записано со слов жителей Белгорода в 1402 г., когда мощи великомученика были перенесены в столицу государства, где святой был провозглашен заступником Молдавии (Яцимирский 1904: 467; 1906: 29). Вероятно, это и предопределило судьбу жития, многократно переписанного и изданного в последующие столетия. Самые ранние списки памятника, сделанные рукой знаменитого молдавского книжника Гавриила Урика в монастыре Нямц, датируются 1438 и 1450 гг.

Несмотря на то, что, по В.О.Ключевскому, «литературной колыбелью жития была церковная песнь, а публикой — общество, которому был чужд простой исторический интерес» (Ключевский 1988: 427), сейчас практически нет специалистов-историков, которые бы считали повесть о мученичестве Иоанна плодом религиозной фантазии автора.

История греческого торговца такова. Начальник судна, кото-

рым купец из Трапезунда прибыл в Белгород, приверженный «латинской ереси» итальянец — «фряг», оклеветал Иоанна в глазах «епарха города». Он заявил этому «персу», что трапезундец готов принять его языческую веру и публично проклясть христианство. На суде главы городских властей Иоанн не только отвергает низость вероотступничества, но смело вступает в религиозную полемику с епархом. Праведник выступает как горячий проповедник православия и призывает епарха отринуть языческие заблуждения ради приобщения к истинной вере. Купец подвергается жестоким истязаниям и гибнет от рук иноверцев, поклонявшихся огню, солнцу и утренней звезде. По улицам Белгорода волокли тело мученика, привязанное к хвосту лошади, а затем местные иудеи надругались над останками Иоанна. Православные обитатели города достойно погребли героя в своей церкви. Спустя более чем 70 лет, в правление молдавского господаря Александра Доброго (1400-1432), святые мощи с почестями были перенесены в столицу государства — Сучаву (Яцимирский 1906: 3-11; Русев, Давидов 1966: 90-109). Иоанн Новый был провозглашен хранителем Молдавии и господарского престола, а его останки стали государственной реликвией.

Современное состояние представлений ученых о времени перенесения мощей Иоанна Нового в Сучаву, а следовательно, и о моменте гибели мученика, дает возможность достаточно корректного отнесения событий только к весьма широкому хронологическому отрезку, ограниченному 30-60-ми гг. XIV в. Трудность использования житийных материалов в историческом исследовании обусловлена необходимостью провести отчленение бытовавших в то время штампов от следов действительных событий (Зимин 1969: 439). Собственно говоря, в рассматриваемом контексте значимы не столько сами события, сколько этно-конфессиональные группы, которые участвуют в них. Достоверность их существования целиком подтверждают данные других независимых источников, зафиксировавших ситуацию не семь десятилетий спустя, а когда она была еще реальностью и нередко даже *a limine*.

Очевидно, что в приведенных материалах этнические и религиозные атрибуты переплетаются с информацией о политических взаимоотношениях, что свойственно средневековым текстам и объективно восходит к системе ценностей, доминировавшей в об-

щественном сознании эпохи средневековья. Все же избранная совокупность сведений дает хорошую возможность для выяснения состава населения Белгорода первых шести десятилетий XIV в.

Золотоордынцы, о которых чаще всего упоминают источники, представляют государство, административно-политической властью подчинившее и Белгород, и все Северо-Западное Причерноморье. Ни в этническом, ни в религиозном отношении это не было однородное население, хотя в сделках, оформленных Антонио ди Понцо, отмечен общий для них «команский» язык (*lingua comanescha*). Вместе с тем килийский нотариус выделяет внутри этой языковой общности три группы людей: татар (*Tartarus*), сарацин (*Sarracenus*) и монголов (*Mogolorum*) (Balard 1980: 98, 107; Pistarino 1971: 24, 22, 103, 175-176). Среди обитателей Белгорода достоверно представлены только первые две группы, о третьей можно судить лишь на основании косвенных данных.

Сарацины из Белгорода едва ли были арабами. Название, очевидно, указывало не на этническую, а на религиозную принадлежность этой части обитателей Маокастро. В самом деле, не один язык, но и имя «Тандис» выдают в сарацине, продававшем в Килии невольницу, его тюркское происхождение. С настоящими сарацинами-арабами его могло роднить лишь мусульманство, получившее широкое распространение в Золотой Орде при Узбеке. Центрами ислама были города, в том числе и поднестриевские, — на городище Старый Орхей 40-60 гг. XIV в. археологи открыли основание огромной каменной мечети² (Быря 1985: 24-35).

Впрочем, далеко не все ордынцы в XIV и даже XV вв. были мусульманами. О проживании в Белгороде представителей языческого шаманизма говорит житие Иоанна. Элементами верования являются прославление «светозарного солнца», поклонение Венере и приношение жертв небесным светилам, служение огню. На древность религии указывает то, что правитель города изображен как «горячий хранитель унаследованных от отцов заблуждений». Надо думать, подразумевается религия монголов, принесенная ими в Европу при завоевании половецких степей, ведь в

² На городище Старый Орхей исследовался могильник XIV в., большая часть погребений на котором совершена по мусульманскому обряду — с четко выраженной ориентацией умерших на «кыбла» (Великанова 1993).

число ее приверженцев входил не только епарх, представлявший ордынскую аристократию, но и сам «царь»! Следует понимать, что это была главным образом социальная верхушка кочевников, которая более всего заинтересована в сохранении традиций предков. Если это так, то населяли Белгород и монголы, хотя их было мало.

Преобладали же в Улусе Джучи рядовые кочевники, называемые в нотариальных актах из Килии просто «татарами». Были они и среди горожан, но, как правило, в качестве рабов — чаще всего это девочки-подростки и молодые женщины в возрасте до 22 лет. Продажа детей, особенно дочерей, была для татар-номадов обычным явлением (Тизенгаузен 1884: 241). Одна такая невольница, вероятно, была привезена из Маокастро упомянутым Тандисом и продана в Килии генуэзцу Францино де Корсио.

Можно с уверенностью утверждать, что ордынцы, проживавшие в городе на Днестровском лимане, сами представляли не менее пестрый конгломерат, нежели все прочие его обитатели. Кроме социального статуса, их отличали религия и этнический облик. Часть из них уже была магометанами, другая по-прежнему оставалась верной язычеству. Не исключено, что некоторые из них вольно или невольно принимали и христианство. Общий деловой язык золотоордынцев, основанный на «команском» тюркском диалекте, показывает быстрое развитие ассимиляционных процессов. В то же время различные названия более или менее однородного в языковом отношении населения свидетельствуют о сохранении элементов самосознания отдельных общностей, определенный изоляционизм которых нужно связывать как с этно-религиозными, так и с сословными моментами.

Интересны сообщения об итальянцах, живущих в Белгороде. Впервые о сделках итальянцев в Белгороде говорит нотариальный акт из Каффы, составленный в 1290 г., однако и через четверть века их проживание здесь кажется маловероятным. Во всяком случае, этому противоречит постановление Оффиции Газарии, исключающее возможность существования в Мавокастро генуэзской колонии. Убийство Анжело де Сполето только упрочивает такое представление. Действительно, впервые о католическом монастыре в городе сообщает документ 1320 г., а наиболее ранние и неопровержимые сведения о белгородских итальян-

цах относятся ко времени работы в Килии Антонио ди Понцо.

По всей видимости, четверо из восьми поименно названных в документах нотариия жителей Маокастро являются итальянцами: Михаэль из Рекко, Триандафоло Гото, Леонардо из Порту, Доминико из Санкто Франциско. Все они являются деловыми партнерами в морской торговле и имеют прямое отношение к судну «Св. Николай», которое весной 1361 г. грузилось в Килии зерном. Правда, роли компаньонов в зафиксированной сделке о поставке зерна в Константинополь были далеко не равнозначны. Михаэль и Триандафоло были совладельцами судна (*participem, particeps*), причем последний был младшим партнером — его доля составляла лишь одну четвертую. Михаэль же в другом акте значится как *dominus et patronus*, что указывает, возможно, на хозяина, занимавшегося и судовождением. Не исключено, что собственно капитаном «Св. Николая» был Леонардо, поскольку он именуется просто *patrono* и принимает участие в сделке только как свидетель, наряду с секретарем судна Доминико. Может быть, в лице Михаэля де Рекко нужно видеть довольно крупного судовладельца, на одном из судов которого служил капитаном Леонардо де Порту. Поэтому заботу о конкретной операции брали на себя сами пайщики, один из которых навсерьез был связан постоянно с хлеботорговлей. Это пекарь Триандафоло Гото. Надо полагать, что хлебом своей выпечки он снабжал в первую очередь соотечественников, осевших в Белгороде или только посещавших порт по делам торговым. Понятно, итальянцы из Белгорода вовсе не для того селились на Днестре, чтобы потом возить хлеб из Килии на Босфор. По-видимому, их главное занятие заключалось в вывозе хлеба именно из Поднестровья, хотя возможностями Подунавья они также не пренебрегали.

Имена итальянцев из Белгорода ясно указывают на их происхождение. Похоже, они еще не были окончательно оторваны от родных мест. По крайней мере, очень возможно, что перед нами обитатели Маокастро в первом поколении. Представления о процессе оседания в городах региона дают документы, упоминающие подвизавшегося в Килии «штатным» свидетелем при оформлении нотариальных актов Николо Кастаньи. В течении восьми месяцев Антонио ди Понцо называет его генуэзцем (*cive Ianue*) одиннадцать раз, а затем в акте от 2 мая 1361 г. появляется един-

ственное новое определение «житель Килии» (*habitatore Chili*). Таким образом, с августа 1360 г. по май 1361 г. статус Николо претерпел некоторые качественные изменения, хотя и после этого он продолжает считаться генуэзцем (Pistarino 1971: 74 etc.; см. Balard 1980). Трудно сказать, пускали ли итальянцы в городах Северо-Западного Причерноморья глубокие корни. Исповедание итальянцами католичества несомненно: на это, кроме иных свидетельств, указывает и формула, открывающая каждый нотариальный акт: *In nomine Domini, amen*.

О болгарях в Белгороде памятники средневековой письменности свидетельствуют столь же часто, как и об итальянцах, хотя и гораздо менее конкретно. Роль этого этнополитического фактора в регионе оценивается исследователями по-разному, однако отвергать разнообразные, пусть и не всегда ясные, документы эпохи можно только с позиций гиперкритики (Hurmuzaki 1890: 144; Balard 1980: 163-164; Balbi, Raiteri 1973: 205, 208, 209). Хронологически эти сообщения приходятся в основном на первую половину XIV в. Первоначально, во времена Феодора Светослава, болгары господствуют в Белгороде политически, подчиняясь верховной власти Золотой Орды. Затем, начиная с третьего десятилетия XIV в., политическая ситуация сравнительно быстро изменяется. Однако ликвидация политической власти Болгарии в Днестровско-Дунайском регионе вряд ли означала полную утрату болгарского этнического компонента в крае. Тесные связи Белгорода с Болгарией, прежде всего с Добруджей, сохранялись и к 60-м гг. Так, в последний день зимы 1361 г. белгородец Иоанн вместе с генуэзцем Якобо сбыв армянину из Килии, специализировавшемуся на вывозе из устьев Дуная меда и воска, 22,5 кантара (более одной тонны) «меда из Загоры» (*melis de Zagora*). Иоанн из Маокастро, подобно другим поставщикам меда на килийский рынок, вероятно, скупал товар, объезжая «загорские» селения. Только традиционными связями Поднестровья и Подунавья объясняется на первый взгляд парадоксальная вещь — деятельность жителя Белгорода, отправившегося в глубинные районы соседней страны для скупки мелких партий товара, который к тому же не вывозился им за пределы региона, а сбывался в Килие. Если эти связи опирались на определенную экономическую и этническую общность, то даже в 60-е гг. XIV в. Белгород мог в какой-то мере ос-

таваться в стране «болгар и тюрок», а «мусульмане и неверные» все так же населяли его, как и во времена Абу-л-Фиды. Такая специфика позволяет непротиворечиво толковать появление в низовьях Дуная владений татарского бека с непривычным христианским именем Димитрий и претензией на эти территории добруджанского деспота Добротицы, тем более что в литературе встречаются указания на тесную связь Молдавии конца XIV в. с населением нижнего Подунавья (Гросул, Губоглу 1980: 120).

В этом контексте стоит обратить внимание еще на один историко-ведческий факт. Речь идет о «болгарских и волошских» городах, включенных в «Список русских городов, дальних и ближних» (НПЛ 1950: 475; см. Тихомиров 1979: 83-137; Наумов 1974: 150-163). В тексте памятника каждая группа городов имеет отдельный заголовок, тогда как в одном случае рубрика сдвоена: «А се болгарские и волошские гради». Допускаю, что недифференцированность двух групп городов нужно трактовать объективной, сложно развивавшейся реальностью, а не ошибками позднейших переписчиков. К концу XIV в., когда был составлен список, некоторые города, прежде считавшиеся болгарскими, — Белгород и пункты на Нижнем Дунае — стали «волошскими». Составители памятника, должно быть, нарочно не разделили города, ибо документ должен был способствовать консолидации православного мира, а не его разобщения. Другими словами, в отмеченном пассаже можно усматривать как отражение современной политической ситуация, так и реминисценции минувшей действительности, когда Белгород и ряд городов Подунавья на самом деле были болгарскими. Православное население Белгорода, очевидно, пережило здесь завоевателей, ибо иначе народная память не сохранила бы к XV в. полулегендарную историю Иоанна из Трапезунда. Это могли быть не только болгары, но и греки, составлявшие еще одну группу белгородцев золотоордынской эпохи. Житие показывает, что православные христиане были в городе довольно многочисленны и имели свою церковь со священником. Отдельные слова житийного текста, вроде «епарх», наводят на мысль об изустном первоначальном звучании повести на греческом. Однако имеются и более определенные свидетельства проживания греков в Белгороде XIV в.

Среди восьми жителей Маокастро, фигурирующих в нотари-

альных актах из Килии, по меньшей мере двое — Теодор и Яне (Янино) были греками. Теодор происходил из фамилии Осгораги (Осгораки?!), и уже ее звучание доказывает справедливость такой точки зрения. Кроме того, он является свидетелем в сделке, заключенной при помощи переводчика Савы из Каффы, который, надо думать, переводил на греческий. Дело в том, что в Килии переводили только с греческого и команского, а золотоордынцев в данном случае совершенно точно нет в сделке, то есть остаются одни греки. На греческое происхождение Яне или Янино указывает его имя и город Трапезунд, откуда он, по-видимому, прибыл в Белгород. Действительно, обладатели имени в актах Антонио ди Понцо часто зовутся явно по-гречески — Яне Франкополо, Яне Вассилико и даже просто названы греками (Pistarino 1971, nr. 47, 58, 59).

Любопытно, что один из актов, фиксирующий продажу невольницы-гречанки, приобретенной прежде в Белгороде, употребляет греческую форму названия города — «Асперо Кастро». Можно с уверенностью утверждать: это название в золотоордынскую эпоху было живым и бытовало в среде греков, наряду с итальянской формой «Маокастро».

Житийный текст о мученичестве Иоанна называет еще одну группу обитателей Белгорода — евреев. Данная этно-религиозная прослойка проживала в городе компактно и, вероятно, представляла, как и во многих средневековых городах, довольно замкнутую социальную общность. Возможно, это было полусвободное торгово-ремесленное население. По крайней мере, из текста об Иоанне следует, что иудеи имели право ношения оружия, а Антонио ди Понцо называет одного еврея среди работорговцев Килии (Pistarino 1971: nr. 85).

Гораздо сложнее обстоит дело с атрибуцией белгородца Иоанна из Арзероно. Его можно было бы считать греком, если бы он не происходил из Эрзерума на территории исторической Армении. Этот житель Белгорода вполне мог быть и армянином, ведь об армянской колонии здесь в XV в. свидетельствуют как письменные памятники и сохранившаяся до сих пор церковь (Ланнуа 1953: 438; АУ 1986: 518). Показательны и найденные в Белгороде монеты Киликийской Армении (Полевой 1979: табл. 13). Косвенно подтверждает версию его происхождения то, что Иоанн де Ар-

зероно являлся партнером армянина из Килии Саркиса. Наблюдающееся по актам нотариия тяготение в делах коммерции людей одного этно-конфессионального слоя друг к другу можно рассматривать как закономерность.

В литературе время от времени появляются мнения о проживании в городе на Днестре в исследуемый период восточных славян и восточных романцев. Однако утвердительно решить эту проблему сложно, поскольку свидетельства этому отсутствуют. Можно лишь предположить, что характер их занятий оставался вне сферы интересов авторов названных выше источников. Не дает серьезных оснований для таких суждений и материальная культура. Первые упоминания в Белгороде молдаван относятся только к концу XIV — началу XV вв., когда Золотая Орда Поднепровьем уже не владела. Достоверных данных об обитании русского или украинского населения на берегах Днестровского лимана нет и в XV в.

Таким образом, в приднестровском центре XIV в. обитали ордынцы-тюрки, итальянцы, болгары, греки, евреи и, по всей видимости, армяне. Полиэтничность горожан, широкий спектр их вероисповедания доказывают давно высказанную истину: «Монгольская империя XIII-XIV вв., протянувшаяся от берегов Тихого океана до западных границ Восточной Европы, — явление, принадлежащее и Востоку и Западу» (Конрад 1972: 96). Поскольку каждая этно-конфессиональная группа представляла определенный хозяйственно-культурный тип, социально-экономический уклад и форму мировоззрения, их взаимодействие носило весьма противоречивый характер. Естественная болезненность контактов представителей разных цивилизаций и систем ценностей усугублялась условиями властвования золотоордынской государственности, однако одновременно в драматических коллизиях городской повседневности рождался и ценнейший опыт мирных отношений. Такие исторические явления, значение которых выходит далеко за рамки локальных процессов, нуждаются в серьезном изучении.

2.2. Общественные отношения

Уже беглый взгляд на рассматриваемые в настоящей главе исторические материалы дает возможность заметить, насколько сложно складывались взаимоотношения различных категорий населения города на Днестре. Время сохранило три разных по происхождению, содержанию и жанру свидетельства, осветившие моменты социальной напряженности в Белгороде XIV в.: краткая запись о гибели Анджело де Сполето в Мауро Кастро; постановление генуэзской Оффиции Газарии 1316 г., принятое в связи с событиями в Мавокастро; житие Иоанна Нового, действие которого происходило в Белгороде (подробнее см. предыдущий параграф). Представляется, что за ограниченной по объему информацией этих сообщений стоят существенные тенденции общественной жизни, развивавшиеся как в Белгороде, так, вероятно, и в ряде других городских центров Северо-Западного Причерноморья того времени. Именно острые социальные конфликты в крупных торгово-ремесленных и административных центрах фокусируют в себе и специфику, и закономерности феодального господства в обстановке иноземного завоевания.

Исследуемые отношения окрашены цветовой гаммой большой яркости. Налицо переплетение политических, религиозных и этнических устремлений и мотивов, за которыми достаточно глубоко скрыты социальные противоречия. В этом нельзя не видеть своеобразный подход людей средневековья к описываемым событиям или, вернее, особенности мировосприятия самих участников конфликтов, для которых именно религиозно-политическая оболочка была особенно близка, а потому и оказывалась доминирующей в их понимании. Своего рода религиозная вуаль, наброшенная памятниками средневековой письменности на события той эпохи, и отмеченные печатью религиозных символов поступки человека средневекового мира легко объясняются «условиями времени». Это были столетия, когда «догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами» (Энгельс 7: 360). К сожалению, отмеченные моменты не часто учитываются при анализе конкретных исторических источников. Не потому ли убийство Анджело де Сполето воспринимается как сугубо религиозный инцидент, и данные о нем используются, как правило,

для изучения этно-политической ситуации в Белгороде (Brătianu 1935: 72, 106-107; Spinei 1982: 172)? При этом генуэзское постановление 1316 г. трактуется чуть ли не как чисто торговый разлад, вызванный ограблением нескольких купцов, или попыткой болгарского царя ввести таможенные тарифы (Гюзелев 1981: 187-188). Подобным образом обстоит дело и с житием Иоанна Нового. Конечно, значение данных сведений для исследования указанных проблем отрицать не приходится, однако нельзя не признать, что, кроме сведений, лежащих на поверхности, стоит видеть и явления более глубинные, не столь бросающиеся в глаза. Ключ к ним дает понимание общества как системы, в которой М.А.Барг видит «субстрат определенным образом сочлененных социальных связей и зависимостей» (Барг 1964: 86). Скрытые «пестрым убором событий», они проявляются только при сопоставлении всех материалов, затрагивающих избранный аспект, и удачном сравнении выводов с достаточно глубоко и достоверно изученной общеисторической ситуацией в регионе. В избранном варианте, во всяком случае, условия этому благоприятствуют: небольшой комплекс из трех разнородных по происхождению памятников счастливо сочетается с обстоятельно исследованными историками, археологами и нумизматами Белгородом и сопредельными территориями XIV в.

Без особого анализа при ближайшем рассмотрении трех наших источников открываются две противостоящие во всех случаях группы участников столкновений. Они четко разделяются по конфессиональному признаку на католиков и ортодоксов. Эти и другие документы показывают, что прослойка сторонников католичества, прежде всего итальянцев, была значительной в Белгороде в XIV-XV вв. Город в XIV в. входил в созданную папой Хазарскую область восточного викариата — «Аквилонской Тартарии» (Tartaria Aquilonari). В материалах 1320 и 1334 гг. отмечено, что в Маурокастро существовал францисканский монастырь — один из 17-18 в Золотой Орде (Golubovich 1913: 72, 266-268). То же самое можно сказать и о православных христианах. В XIV в. (в период исследуемых конфликтов) достоверно известно, что ими были болгары и греки. Житие Иоанна свидетельствует, что их было в Белгороде немало — безымянные православные жители присутствовали при истязании мученика, а затем достойно погребли

его тело. Можно с уверенностью говорить о непрерывном проживании части этого населения здесь, ибо в противном случае полупо легендарные сведения о праведнике не смогли бы дожить в устной традиции до XV в., когда они были записаны.

Появление итальянцев в Белгороде историография связывает с нотариальным актом 1290 г., греков, возможно, еще раньше, а болгар — с началом XIV в. Поскольку данные о городе ранее конца XIII в. туманны, можно предполагать, что источники отразили, в первую очередь, борьбу этих группировок за определенный статус в социальной стратификации населенного пункта. Вместе с тем вряд ли найдутся основания считать, что борьба шла на «выживание», хотя отношения католиков и православных, сложившиеся исторически, как будто бы должны подсказывать именно такой оборот дела. Фактически же было по-иному. Оба слоя сосуществовали, хотя и далеко не всегда мирно. Служба в христианских храмах правилась по двум обрядам. Запрет на вывоз и ввоз товаров был, хотя и с оговорками, вскоре снят — распоряжение о хлеботорговле, данное в феврале 1317 г. (Гюзелев 1981:188).

Напрашивается вывод о том, что борьба велась только за «нижние этажи», даже не приближаясь к верхушке иерархической лестницы того общества, которое существовало в городе. Возникают мысли о целях, ограничивавшихся стремлением занять только относительно лучшую социальную нишу, о третьей силе — субъекте, стоявшем как бы над рассматриваемыми конфликтами и все же правившим бал. Такой социальный статус в Белгороде могли иметь лишь золотоордынцы. Правда, в документе из фонда Оффисии Газарии татаро-монголы никак не упоминаются, зато убитый в Маурокастро миссионер совершенно недвусмысленно отнесен к числу жертв, «замученных в Тартарии». И это при том, что оба события произошли примерно в одно время, а болгары в качестве конфликтующей стороны отмечены и в том, и в другом случаях. Наконец, житие Иоанна Нового позволяет составить вполне цельное представление о позиции ордынцев.

Бросается в глаза, что «епарх» — начальник города в одном лице соединяет множество функций властвования, возложенные на него «царем» — ханом. В его ведении находились воинский гарнизон и судопроизводство, он принимает карательные меры и, вероятно, даже заправляет делами религиозными. С помощью под-

чиненных ему воинов он ведет допрос; они пытаются Иоанна, волокут тело мученика, привязанное к хвосту лошади. Все действия эти происходят в стационарном судилище со специальным местом для восседания епарха, при большом стечении людей, надо думать, согнанных сюда по его воле. По приказу золотоордынского правителя мученика бросают в темницу, где он проводит ночь перед смертью. Он же распоряжается о захоронении тела праведника. Очевидно, единоверцы и кто бы то ни было не смели прикасаться к трупу и совершать обряд захоронения без особой команды. Собственно, об этом свидетельствует вся средневековая история: никто не должен хоронить казненных без разрешения властей. О том, что правитель мог быть и высшим религиозным иерархом в Белгороде, говорит та богословская полемика, которую вел епарх с трапезундским торговцем. Пытаясь склонить купца к вероотступничеству, ордынец — «горячий хранитель унаследованных от отцов заблуждений» указывает на отдельные частности своей религиозной доктрины. Более того, из текста следует, что за вероотступничество можно получить от «царя» почет и какой-то сан, и этому при желаемом повороте дела должен был, очевидно, содействовать епарх. Таким образом, обнаруживается не только минимальная разветвленность власти в Белгороде, но и замкнутость всего комплекса функций на верховную роль хана, уменьшенным вариантом или даже мини-копией которой был круг полномочий правителя города.

Рассматривая конфликт изнутри, можно увидеть, что причиной гибели Иоанна, на взгляд епарха, было вероломство трапезундца. Дерзнув заявить о готовности принять новую религию (правитель воспринял клевету итальянца как истину), он в дальнейшем прилюдно посрамил веру завоевателей. Безудержный гнев начальника города вызвала и хула в адрес его бога. Настоящей же причиной трагедии было столкновение в лице Иоанна и корабельщика-фряга сторонников православия и католицизма. Многочисленные отражения сложных отношений этих групп населения в эпоху феодализма в памятниках того времени — момент хорошо известный. Католические документы христиан-ортодоксов иначе как «коварными схизматиками» не именуют. Типично и то, что автор жития рисует геноуэца и «латинскую ересь», которой он привержен, очень суровыми и бесчеловечными. Специфика ситу-

ации связана с условиями возникновения конфликта. Поскольку верховная власть находилась в руках ханского ставленника, конфликты имеют парадоксальную двойственность. С одной стороны, в центре столкновения отсутствуют те, в чьей власти был Белгород, а с другой — судьба Иоанна решается как бы на периферии всего клубка событий. Не потому ли в ситуации обострения отношений Болгарии и Генуи обе стороны действовали весьма осторожно и даже с оглядкой? Если это имело место оттого, что «над ними» стояли золотоордынские власти, то прочитать историческую обстановку можно несколько по-иному.

Становится понятным, почему болгары вообще избегали переговоров: сначала их представитель сослался на отсутствие полномочий, а через год вообще не явился на встречу с посланником Генуэзской республики. В то же время итальянцы, казалось бы, действовавшие решительно, добивались урегулирования проблемы многие месяцы и затем, наконец, объявив серьезные санкции, очень скоро стали от них отказываться. Таким образом, не одним лишь доминированием торгово-экономических интересов над дипломатией объясняется дальнейшее развитие событий. Судя по всему, администрация Генуи даже не допускала в 1316 г. мысли об объявлении войны, что также может быть аргументом в пользу высказываемого предположения. Согласуется с этим и политика Золотой Орды в Северо-Западном Причерноморье. Сравнительно быстро, уже при хане Узбеке, роль болгар в Белгороде и всем регионе до Дуная была низведена на нет. Вероятно, те кризисы, которые созревали на берегах Днестровского лимана, никак не устраивали сарайскую администрацию. Достигнув в этот период апогея своего развития, Улус Джучи стремился поддерживать широкие международные связи, способствовал росту городов и торговли, а серьезные столкновения различных социальных слоев города препятствовали наращиванию богатства казны, пополнявшейся в значительной мере за счет торговых операций в городских центрах. Кроме того, это мероприятие имело и политическое значение. Господство болгарского вассала было ликвидировано, и теперь положение города в системе межгосударственных отношений перестало быть двояким. Что касается итальянцев, то реальная власть золотоордынцев в Белгороде, по-видимому, сделала невозможным основание здесь генуэзской колонии, хотя на-

дежды закрепиться на Днестровском лимане, подобно тому, как это было позднее на Дунае в Килии, они, конечно же, питали. Никаких данных о существовании в городе фактории с администрацией свидетельства эпохи не содержат (Коновалова 1989а: 19).

Еще одну этно-религиозную прослойку Белгорода в житии Иоанна Нового представляют евреи, имеющие отношение к истории мученичества греческого торговца. Из контекста видно, что они проживали здесь компактно — жилища их образовывали улицу или квартал. О занятиях евреев трудно что-то сказать определенно. Несомненно лишь то, что они составляли, равно как и предыдущие группы, категорию свободного или полусвободного торгово-ремесленного населения. Это не только соответствует той традиционной роли, которую евреи исполняли в городах средневекового, да и нового времени, но и подтверждается позицией, занятой ими в белгородской трагедии. Когда лошадь притащила бездыханное тело мученика к «иудейским жилищам», обитатели их высыпали на улицу, улюлюкая и корча рожи, для того, чтобы кинуть в святого все, что попадалось под руку. Один из них выбежал с мечом и отсек голову труп, другой попытался стрелять в него из лука. Речь не идет о буквальном понимании этого пассажа, который вряд ли сформирован без фантазии автора, однако наличие оружия для человека того времени означало определенную степень его свободы. Поведение же евреев в конкретной ситуации, безусловно, показывает их поддержку действий властей, замучивших Иоанна. Православные торговцы, в том числе и греки, наверняка были соперниками евреев в коммерческих делах, и причины для разногласий у них были. Едва ли намного лучше было отношение иудеев Белгорода к итальянцам. Естественно считать, что все три группы имели близкий социальный статус. Отличие же состоит в том, что у евреев он был, возможно, более устойчивым. Источники не содержат данных о борьбе названной социальной прослойки за более «достойное» положение. Евреи как общность не претендовали, в отличие от греков, болгар и итальянцев, на роль политической силы в городе, хотя бы потому, что не имели своего государственного образования, чьи бы интересы они представляли. Гораздо характернее для них со времен исхода было продвижение вперед отдельных личностей, благодаря богатству и образованности. Татаро-монгольские государства

не являются в этом смысле исключениями. Достаточно вспомнить знаменитого историка, врача, государственного деятеля державы Хулагуидов Рашид ад-Дина (1247-1348), сумевшего стать почти на двадцать лет вторым человеком при дворе ильханов Персии³ (Крачковский 1957: 394-395). Еврейками были и жены многих владетельных особ, например, болгарского царя Ивана Александра — его бракосочетание с Саррой, после крещения Феодорой, состоялось около 1340 г. (ИБ 1982: 337-338). Белгородская еврейская община, вероятно, разворачивала свою деятельность на месте и не обладала ни большими богатствами, ни влиянием. Во всяком случае, мне неизвестны сведения о деятельности местных евреев, в отличие от греков, итальянцев, татаро-монголов за пределами города. А между тем представители этого народа торговали во многих странах того времени. Ибн Баттута встретил на базаре золотоордынского города Маджара (Северный Кавказ) в 1334 г. еврея, прибывшего из Андалусии и говорившего по-арабски (Тизенгаузен 1884: 288).

Итак, все три социальные группы, интересы которых находились в определенных противоречиях, в ходе конфликта, описанного в житии, тем или иным образом апеллируют к верховной власти золотоордынцев. Надо сказать, что политика властвования татаро-монголов в Белгороде не отличалась особой оригинальностью, а во многом походила на их линию в управлении другими регионами Восточной Европы, в том числе и русскими землями. Завоеватели стремились сталкивать в противоборстве различные силы, прежде всего, если в их действии явно проглядывали политические мотивы. Ослабление этим путем подневольных или частично зависимых социальных групп, при их исторической разобщенности, позволяло без чрезмерных усилий держать под контролем подвластное население. Оставляя за собой роль арбитра, золотоордынцы бесчисленное количество раз в разновеликих масштабах стравливали и замиряли ценой погромов, крови и полона подчиненные политические образования и обитателей отдельных областей. Все беды этих неоднородных в этническом, религиозном и социальном уровнях групп восходили, в первую очередь, к

³ И.П.Петрушевский сомневался в еврейском происхождении Рашид ад-Дина (Петрушевский 1952: 17).

тяжелому прессу владычества Джучидов. Такая внешне- и внутриполитическая стратегия монгольской администрации обеспечивала не только исключительное право на решение судеб населения завоеванных стран, которое успешно реализовывалось, но и гарантировала неприкосновенность и даже недосыгаемость существования режима примитивной эксплуатации и грубого подавления.

Схема механизма, открывающаяся при анализе житийного текста и дополняемая данными двух других документов, посредством которого осуществлялось господство, давно выявлена по материалам множества письменных памятников в самых разных провинциях империи Чингизидов — сочинениям арабов, русским летописям, запискам миссионеров. Характерные черты функционирования системы эксплуатации золотоордынской государственности рассматривались в историографии, в том числе и монографически (Маркс 1989: 5-6; Насонов 1940; Греков, Якубовский 1950). Древний принцип, выраженный римской формулой «*Divide et impera*», с успехом использовался для поддержания всего способа азиатского господства. Татаро-монголы не просто раздували огонь в очагах постоянного социального напряжения, но и искусно моделировали, а затем и провоцировали новые столкновения, непременно оставляя за собой право на окончательный вердикт.

Возвращаясь к участникам социальных коллизий в Белгороде XIV в., нужно сказать, что этническая и религиозная пестрота его жителей не делает порт исключительнее других центров международной торговли. Естественное переплетение в данном узле связующих нитей Востока и Запада заставляло уживаться представителей самых разных и зачастую внешне взаимочуждых бытовых укладов, языков и религиозных верований. Со временем складывался и стиль мирной жизни, которая была ценнее и богаче практики конфликтных ситуаций. Специфика протекания этих процессов определялась прессом иноземного владычества, политикой, проводимой Золотой Ордой.

Было бы неоправданным со стороны автора попытаться обойти проблему соотношения выявленных в Белгороде этно-религиозных и, вместе с тем, социальных групп с представлениями о сословно-классовой структуре обществ, складывавшихся в пределах монгольских государств. Для любого добуржуазного общества сословная стратификация имела первостепенное значение.

В ее основе лежит правовой признак, а значит, и определенный объем политических и юридических прав и обязанностей каждого из сословий. Согласно мнению В.П.Илюшечкина, «характерной чертой сословной структуры ряда добуржуазных стран в периоды господства на их территории инонациональных завоевателей является наличие двойной сословной стратификации — одной для завоевателей, другой для завоеванных». В Китае времени монгольского владычества 1280-1367 гг. исследователь различает четыре ряда сословий: 1) высший для монголов; 2) менее привилегированный для союзников по завоеванию — среднеазиатов («сэму»); 3) для северокитайцев, покорившихся первыми; 4) для южных китайцев, покоренных последними, — низший. Внутри каждого разряда существовало свое деление: например, монголы в сословном отношении были представлены правящей знатью, военным и гражданским чиновничеством и простонародьем. В их среде отсутствовали неполноправные и бесправные, «подлые сословия». В зависимости от принадлежности к определенному сословному разряду человек имел или не имел право занять административную должность, расплачивался за преступление по той или иной шкале наказания (Илюшечкин 1986: 53). Не стану утверждать, что в Золотой Орде сословная структура была идентичной, однако такое подобие улавливается. Можно предполагать, что борьба православных и католиков, греков, болгар и итальянцев отражала стремление каждой из этих групп подняться на вторую ступеньку в сословной иерархии общества. Все они, подобно среднеазиатам в Китае, могли быть своего рода «сэму» и вероятно, стремились стать союзниками ордынцев. Собственно, таковой и была Болгария, ведь царь Феодор Светослав помог Токте покончить с сыном Ногай Чакой, за что и был вознагражден. Похоже, что определенные союзнические обязательства связывали Золотую Орду и с Византией. Отражением этого договора является династический брак хана Узбека и византийской принцессы, ставшей его третьей женой (Тизенгаузен 1884: 294-295). Любопытно, что сближение Орды с Византией происходит в одно время с вытеснением Болгарии из Днестровско-Дунайского региона. Эта динамика, вполне возможно, знаменует и подвижки в сословной стратификации в западной части улуса Джучи. Попытки генуэзцев образовать вторую после завоевателей страту столь же

понятны.

В классовом отношении (если о таком можно говорить для эпохи средневековья) Золотая Орда не стоит особняком по сравнению с каким бы то ни было другим обществом своего времени. Класс крупных и средних собственников был представлен феодалами-кочевниками, а также городской верхушкой. С XIV в. начинается срастание части кочевой аристократии с верхами городского населения. Класс угнетаемых составляли отстраненные целиком от собственности на средства производства рабы и в значительной мере лишенное их феодально-зависимое население. Кроме того, промежуточный класс образовывали мелкие собственники средств производства, не эксплуатировавшие чужой труд. В золотоордынских городах такой класс тоже существовал (Федоров-Давыдов 1973: 76-88; Ильющечкин 1986: 45-46). В Белгороде, как и вообще в докапиталистических обществах, классовая и сословная структура пересекались, а социальные группы не всегда были резко очерченными. Среди греков встречаются богатые купцы и рабыня по имени Мария (Balard 1980: 84-85). В числе ордынцев обнаруживаются не только «епарх» и «сарацины»-работоторговцы, но и рядовые воины, а также восемнадцатилетняя невольница-татарка⁴ (Balard 1980: 98). К мелким собственникам, по-видимому, принадлежала основная масса белгородских евреев. При отсутствии однонаправленности процесса классовообразования, превалировала устойчивая сословная структура, имевшая прямой выход на право и менталитет, а также на религию и отчасти этнос.

Следует иметь в виду, что в ряде случаев можно говорить только о тенденциях, которые так и не реализовались в истории Белгорода. Однако их борьба запечатлена письменными памятниками, которые можно прочесть и как документы по социальной истории. Переплетение сюжетов социального развития, международной жизни и политики, этнических и религиозных отношений не должно вызывать недоумение, поскольку включенные в систему

⁴ Арабский энциклопедист ал-Омари указывает, что продажа детей в рабство, как правило, дочерей, не была исключительным явлением в Орде XIV в. Родители шли на это не только при «голоде и засухе», но и «при избытке» (Тизенгаузен 1884: 241).

золотоордынского господства народы тотчас же в большей или меньшей мере втягивались в социальное развитие государства татаро-монголов, даже если и тормозили становление его общественной структуры. В ряде случаев наблюдается и возвратное движение, как это было с ролью болгар в Белгороде. Часто удается увидеть лишь начальную фазу процесса, который мог и не иметь продолжения. Не случайно ряд обитателей Белгорода килийский нотариус называет следующим образом: «житель Маокастро Леонардо из Порту» или «житель Моакастро Иоаннис из Трапезунда» (Pistarino 1971: 43, 62, 63). Несомненно, это были горожане Поднепровья в первом поколении, а закрепились ли они и их потомки в Белгороде надолго, история не знает. На мой взгляд, как раз конкретные социальные конфликты в городе на Днестре и представляют собой многомерные проекции нестабильности и противоречивости исторического развития на западной окраине Золотой Орды.

Не остается места для сомнений в обусловленности многих общественных явлений городской жизни края изменчивой политической ситуацией. Разнородные социальные группы, описанные на этот раз для Белгорода XIV в., могли реализовать традиции представляемых ими цивилизаций (в какой бы то ни было сфере деятельности) только при благоприятном стечении политических обстоятельств. Отсутствие конкретно-исторических разработок о политическом статусе региона и социальных силах, определявших его облик, позволяет мне обратиться и к отдельным неясным вопросам этого плана.

Глава 3.

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

3.1. К исторической ситуации первой трети XIV в.

Современная историография Золотой Орды определяет политическое положение Причерноморья от Северного Кавказа до Дуная во второй половине XIII — первой половине XIV вв. как время господства здесь татаро-монголов. Однако историческое развитие Карпато-Днестровских земель имело ряд особенностей, объясняемых обычно влиянием географической ситуации и нестабильностью политической обстановки. Сложные взаимоотношения Золотой Орды, Византии, Болгарии, Венгрии и Генуи; различных этнических образований; оседлого земледельческо-скотоводческого укладов монгольского владычества (Руссев 1982: 40-55). Все это позволило атрибутировать Северо-Западное Причерноморье как особую, сходную с Крымом, зону Золотой Орды (Федоров-Давыдов 1966: 216).

В XIII — XIV вв. на крайнем западе Улус Джучи соседствовал со Вторым Болгарским царством, взаимоотношения с которым во многом определяли политическую ситуацию в Днестровско-Дунайских степях. Несмотря на это, роль и значение экономики, культуры и политических действий болгарского государства в указанном регионе пока не получили должной разработки в исторической науке.

Первая треть XIV в. в истории Северо-Западного Причерноморья считается периодом политической нестабильности, которую обычно связывают с устранением с политической арены могущественного военачальника Ногая. В новой обстановке изменились и взаимоотношения Золотой Орды и Болгарии, на что впервые обратил внимание румынский историк Г.Брэтиану. Исследо-

вав политическое положение юга Днестровско-Дунайского междуречья, он пришел к заключению, что эти земли во время правления болгарского царя Феодора Светослава (1300-1322) находились под его властью при сохранении верховного сюзеренитета монгольского хана. Этот вывод был сделан на основе анализа обширного круга источников первой половины и середины XIV в.: документов Оффии Газарии, морских карт А.Дульчерта 1339 г. и братьев Пиццигани 1367 г., документов францисканского ордена, сочинений арабских авторов Абу-л-Фиды и Ибн Баттуты, а также труда византийского историка Никифора Григоры. Ввиду того, что в источниках зафиксирован лишь сам факт болгарского господства к северу от Дуная и до Днестра, но нет данных относительно того, при каких обстоятельствах и на каких условиях рассматриваемые земли оказались под властью болгар, Г.Брэтиану ограничился предположением о том, что хан Токта пожаловал Феодору Светославу право взимать пошлину в городах Северо-Западного Причерноморья и держать там гарнизон. Болгарская власть в Днестровско-Дунайском междуречье имела, по мнению Г.Брэтиану, эфемерный характер и была лишь «кратковременным эпизодом» в истории этих земель. Феодор Светослав в своих действиях был полностью зависим от монголов, и только занятость Токты, а впоследствии — Узбека на восточных границах империи обеспечивала ему некоторую автономию. Конец болгарского властвования в Днестровско-Дунайском регионе Г.Брэтиану связывает со смертью Феодора Светослава в 1322 г., поскольку источники XIV в. не содержат при этом никаких сведений о пребывании там болгар (Brătianu 1935: 104-119).

Выводы Г.Брэтиану развил болгарский ученый П.Ников. Он полагал, что распространение власти Феодора Светослава на Днестровско-Дунайское междуречье является овеществленной формой благодарности Токты за помощь, полученную им от болгарского царя в расправе с потомками Ногая. Отношения царя Болгарии с ханами Токтой и Узбеком П.Ников квалифицировал как вассальные, опираясь на не использованное Г.Брэтиану свидетельство ан-Нувайри о том, что территории, находившиеся во владении Ногая, после гибели последнего были розданы Токтой своим приближенным при сохранении его сюзеренитета над ними. В отличие от румынского историка, П.Ников подчеркивал незначитель-

ный характер зависимости Феодора Светослава от монголов, а также считал, что болгарские правители осуществляли контроль над Днестровско-Дунайским междуречьем и после 1321 г. В подтверждение своей точки зрения на продолжительность болгарского владычества в Днестровско-Дунайских землях болгарский исследователь ссылается на данные морских карт А.Дульчерта 1339 г., братьев Пиццигани 1367 г. и М. де Виладесте 1413 г., на которых границы Болгарии простираются до Днестра. Свидетельства о монгольском присутствии в Северо-Западном Причерноморье в XIV в. — как уже привлеченные Г.Брэтиану, так и не использованные им (легенды упомянутых карт 1339 и 1367 гг., а также так называемого Каталонского атласа 1375 г.), — П.Ников рассматривает как доказательства двойного подчинения этой территории вплоть до последней четверти XIV в. (Ников 1929: 136-141).

Выводы Г.Брэтиану и П.Никова о политическом статусе Днестровско-Дунайского междуречья в первой трети XIV в. впоследствии разделяли, хоть и не исследовали специально этот вопрос, многие румынские и болгарские ученые (Giurescu 1967: 202; Angelov 1981: 37; БСГК 1981: 231 и др.). При этом заключения Г.Брэтиану, высказанные им в предположительной форме, в некоторых работах используются как твердо установленные факты (Giurescu 1967: 202). О власти Феодора Светослава над Днестровско-Дунайскими степями писали Л.Л.Полевой и П.Ф.Параска (Полевой 1979: 67; Параска 1981: 65, 72-73), уделившие некоторое внимание этому вопросу в связи с проблемами молдавской истории, а также В.Гюзелев и Пл.Павлов (Гюзелев 1995; Павлов 1992: 61-64).

В.Спинея и А.Кузев попытались пересмотреть ставшую традиционной точку зрения. Отсутствие в источниках конкретных сведений о том, в каких юридических отношениях находились болгарский царь и золотоордынские ханы, и — соответственно — как было организовано управление Днестровско-Дунайским междуречьем в первые десятилетия XIV в., заставило В.Спинея усомниться в самой возможности двойного подчинения этой территории, а анализ источников, на которые по традиции опирались исследователи, привел его к заключению, что ни один из этих источников не может быть использован для подтверждения тезиса о болгарском владычестве в Днестровско-Дунайских степях.

Как считает В.Спинеи, Mavocastro, фигурирующий в документах Оффиции Газарии и отождествляемый обычно с Белгородом-Днестровским, должен быть идентифицирован с болгарским портом Мауго на западном побережье Черного моря. В документах францисканского ордена, содержащих данные об убийстве католического монаха в Белгороде некими болгарами в 1314 г., под болгарскими следует понимать не подданных болгарского царя, а исламизированных болгар, то есть один из компонентов местного населения Северного Причерноморья. Свидетельство Никифора Григоры о том, что по смерти Феодора Светослава Михаил принял власть над болгарскими «за Истром», относится не к Днестровско-Дунайскому междуречью, а к Южной Олтенции; данные Абул-Фида о Болгарии имеют в виду болгарское государство времен Асеней, а информация морских карт не заслуживает доверия, ибо они впервые упоминают о границах Болгарии к северу от Дуная лишь спустя много лет после смерти Феодора Светослава (Spinei 1982: 172 etc.).

Главное внимание В.Спинеи обратил на анализ источников, содержащих данные о золотоордынском владычестве в Днестровско-Дунайском междуречье, которое, как он считает, было там непрерывным в первой половине XIV в. Помимо источников, уже рассмотренных Г.Брэттиану и другими исследователями, В.Спинеи привлек и ранее не использованные данные: свидетельство «Описания Восточной Европы» 1308 г. о том, что Болгария продолжала платить дань монголам и в начале XIV в.; определение границ монгольских владений — от Варны в Болгарии до Сарая — в булле Иоанна XXII от 26 февраля 1318 г. Все эти данные, с точки зрения В.Спинеи, опровергают факт болгарского владычества в Северо-Западном Причерноморье при Феодоре Светославе, а также мнение о том, что позиции Золотой Орды в Восточном Прикарпатье и на Северо-Западном Причерноморье были сильно подорваны после гибели Ногая. Он подчеркивает заинтересованность ханов в контроле над городами Северо-Западного Причерноморья, которые являлись центрами международной торговли и источниками немалых доходов ордынцев. Таким образом, В.Спинеи отвергает версию о наличии вассальных отношений между золотоордынскими ханами и Феодором Светославом, полагая, что Днестровско-Дунайским междуречьем безраздельно владели зо-

литоордынские правители. Близких взглядов придерживается и А.Кузев (Кузев1990: 101-106). О полном господстве монголов над Северо-Западным Причерноморьем в первой половине XIV в. пишет В.Л.Егоров: «Южная граница в этом регионе, так же, как и в XIII в., проходила по нижнему течению Дуная, за которым находилась раздробленная на отдельные княжества Болгария» (Егоров 1985: 49).

Таким образом, все исследователи единодушны в том, что Днестровско-Дунайское междуречье в первые десятилетия XIV в. находилось под властью Золотой Орды. Расхождения между учеными касаются вопроса о том, как осуществлялась эта власть — непосредственно и безраздельно или через болгарского царя, связанного с золотоордынским ханом вассальными отношениями, и соответственно — была ли власть Золотой Орды эффективной, или же она имела более или менее формальный характер.

Поскольку расхождения во мнениях исследователей опираются, главным образом, на различное истолкование данных одних и тех же источников, целесообразно рассмотреть, в первую очередь, тот круг источников, на которых обычно строится доказательство.

Днестровско-Дунайские степи, вероятно, были включены в состав владений Золотой Орды с самого начала ее образования. Источником сведений о положении в этом регионе сразу после монгольского нашествия служит отчет Гильома де Рубрука о путешествии в Монголию, которое он совершил в 1253-1255 гг. Рубрук неоднократно отмечал, что западной границей Золотой Орды является Дунай. Монгольское государство, по его словам, простиралось «от Дуная до восхода солнца». В другом месте Рубрук отмечает, что монголам принадлежали все земли «от устья Танаида, до Дуная». Территории, лежавшие на правом берегу Дуная, в состав Золотой Орды не входили, но были в зависимости от нее и платили ей дань. Рубрук пишет, что «Валахия, земля, принадлежащая Ассану, и Малая Булгария до Славонии» платили дань золотоордынским правителям (Путешествия 1957: 89, 91).

Позиции Золотой Орды в Днестровско-Дунайских степях и ее влияние на Болгарию заметно упрочились при темнике Ногае, обосновавшемся в Днестровско-Дунайском междуречье с середины 60-х годов XIII в. Становища Ногай по сообщениям арабских авторов, находились в районе Исаки (Тизенгаузен 1884: 117,

161). Это же подтверждает и византийский историк Никифор Григора, сообщая, что Ногай «имел местопребывание по ту сторону Истра» (Григора 1862: 143), то есть на левом берегу реки. К 90-м гг. XIII в. Ногай сумел расширить свои кочевья к западу вдоль левого берега Дуная, включая бассейн р. Олт, до крепости Турну-Северин. Южная граница владений Ногая продолжала проходить по Дунаю, но зависимость от него признали правители Тырново, Видина, Браничево, а также королевство Сербия (см. Егоров 1985: 34).

Подчиненность Болгарии Ногаю особенно усилилась после подавления восстания Ивайло (1277-1280). Воцарившийся в Тырново Георгий I Тертер (1280-1292) был целиком зависимым от Ногая. При дворе монгольского темника находился в качестве заложника его сын Феодор Светослав, а в гареме сына Ногая Джеки (Чаки) — дочь. Зависимость Болгарии от Ногая стала почти абсолютной при Смилеце (1292-1298), бывшем ставленником ордынского владыки, и достигла своего апогея в 1300-1301 гг., когда после смерти отца Чака занял Тырново. С гибелью Ногая и его сыновей обычно связывают изменение политической ситуации в Дунайско-Днестровском междуречье, выразившееся в ослаблении позиций Золотой Орды и соответственном усилении влияния Болгарии (см. Павлов 1995: 121-130).

Событиях, связанные с гибелью Ногая и его потомков, нашли отражение в письменных источниках арабского происхождения: в исторической энциклопедии Рукн ад-Дина Бейбарса (1245-1325) и следующих за ним в изложении ан-Нувайри (1279-1332) и Ибн Халдуна (1332-1406).

Как сообщают арабские авторы, после гибели Ногая в сражении с войсками Токты владения Ногая перешли к двум его сыновьям — Джеке и Теке. В результате их недолгого соперничества Теке был убит и Джека стал единоличным правителем в землях своего отца. Однако сторонники Теки, обратившиеся за помощью к Токте, объявили Джеке войну и вынудили его бежать. Спасаясь от преследователей, Джека бежал в Тырново, где правил его шурин — Феодор Светослав. В этой ситуации болгарский царь поступил не как суверенный правитель, а, скорее, как вассал золотоордынского хана: на всякий случай упрятав беглеца в темницу, он послал хану известие о местонахождении Джеки и просил указа-

ний относительно того, как следует с ним поступить. По распоряжению хана Джека был убит. После его смерти Токта назначил нового правителя в бывшие владения Ногая — своего сына Тукулбугу: «Что касается Тукулбуги, — пишет Бейбарс, — то он утвердился в Исакке, на реке Дунае и на местах, прилегающих к Железным воротам, где находились становища Ногая» (Тизенгаузен 1884: 113-117, 159-161, 384-389).

Из рассмотренных сообщений арабских авторов важны следующие моменты. Во-первых, совершенно очевидно, что земли Днестровско-Дунайского междуречья и в начале XIV в. продолжали входить во владения монголов: резиденция монгольского правителя по-прежнему находилась в Исакке, на Дунае, а о передаче каких-либо территорий Феодору Светославу ничего не говорится. Во-вторых, болгарская знать отчетливо представляла непрочность своего положения перед лицом монголов. Недаром приближенные Феодора Светослава советовали ему выдать Джеку Токте и ничего не предпринимать без распоряжения хана: «Сторонники его (царя Валахского) сказали ему: «Человек этот, пришедший к тебе, враг Токте, который всячески старается схватить его. Если Токта узнает о его пребывании у нас, то он придет к нам и погубит нас. Лучше всего схватить его (Джеку) и уведомить его (Токту) об этом» (Тизенгаузен 1884: 117). Изложение этих событий у ан-Нувайри не оставляет сомнений в том, кто был истинным хозяином положения в рассматриваемом регионе: приближенные Феодора Светослава прямо указывают царю на опасность того, что Токта «нагрянет на нас со своим войском, а мы не в состоянии противостоять ему» (Тизенгаузен 1884: 161). Ясно, что смертью Ногая позиции Золотой Орды в Днестровско-Дунайских степях ничуть не пошатнулись.

Теперь следует обратиться к известиям источников о политическом облике Днестровско-Дунайского региона в последующие три десятилетия XIV в. Данные на этот счет очень фрагментарны, но благодаря тому, что они содержатся в памятниках различного происхождения — арабских, итальянских, византийских, — можно сопоставить версии разных групп источников.

Наиболее обстоятельные сведения о политических событиях в Золотой Орде содержатся в сочинениях египетских авторов XIV в. — уже упомянутых Рукн ад-Дина Бейбарса и ан-Нувайри,

а также в произведениях ал-Омари, ал-Калкашанди и в трудах сирийского ученого Абу-л-Фиды, примыкающих к указанным памятникам по составу и характеру использованных источников. Осведомленность этих авторов в области политической истории Золотой Орды основывалась на их причастности к делам администрации египетских султанов (см. Крачковский 1957: 386, 388, 399-416), поддерживавших, как известно, тесные связи с золотоордынскими правителями.

После описания того, каким образом бывшие владения Ногая, куда входили и Днестровско-Дунайские степи, перешли к хану Токте, арабские авторы не сообщают о каких-либо переменах в политическом облике западных районов Золотой Орды в первой трети XIV в. Смерть Токты и воцарение Узбек-хана, по-видимому, не повлияли на политическую ситуацию в Днестровско-Дунайском междуречье: насколько можно судить по арабским источникам, там с начала века сохранялось *status quo*. В противном случае арабские авторы обязательно отметили бы изменение границ золотоордынского государства.

Отношения Золотой Орды с Болгарией тоже не претерпели принципиальных перемен. Как и в начале XIV в., болгарский царь действовал с оглядкой на своего могущественного соседа. По словам ал-Омари, болгары «обхаживают султана кипчацкого вследствие великой его власти над ними и (опасения) наказания за вражду их ввиду близости их территорий друг к другу» (Тизенгаузен 1884: 236). Эти сведения, не имеющие прямых аналогий в египетской историографии, ал-Омари, скорее всего, почерпнул из официальной документации султанской канцелярии. В одном из своих сочинений, содержащем формуляры разного рода документов, в том числе посланий египетского двора к мусульманским и немусульманским правителям, ал-Омари приводит составленный после 1340 г. (см. Крачковский 1957: 405-406) образец письма к повелителю сербов и болгар, о котором сказано, что «земли его находятся в сопредельности владений государя Сарайского; нередко он изъявляет владыке Сарайскому покорность и повиновение» (Тизенгаузен 1890: 103). Датировать эти данные ал-Омари не составляет труда: они связаны с болгарским посольством к султану в 1330-1331 гг., о котором упоминает сам ал-Омари (Тизенгаузен 1884: 235). Таким образом, к началу 30-х гг. XIV в. болгар-

ские правители находились в зависимости от Золотой Орды. Насколько можно это утверждение распространить и на предшествующие десятилетия — неизвестно, но молчание арабских источников о каких-либо изменениях на западных границах Золотой Орды в 1300-1330 гг. может быть истолковано как знак того, что, по крайней мере, формальных перемен во взаимоотношениях Болгарского царства и Золотой Орды там не было.

Египетские авторы использовали не только официальные документы из архива султанской канцелярии. Другим не менее важным источником их сведений о золотоордынском государстве были данные, полученные от путешественников и купцов, которые побывали в Золотой Орде. Они дополняют информацию официальных документов любопытными деталями.

Все путешественники, чьи рассказы о странствиях помещены в сочинениях арабских авторов, относят Дунай к рекам «страны тюрок», то есть к Золотой Орде (Aboulfeda 1848: 80; Тизенгаузен 1884: 236-237, 303, 410). Вместе с тем пограничным городом на западе монгольской империи оказывался не Исакача, как можно было ожидать, а Белгород в устье Днестра. Так, арабский купец Шамс ад-Дин Мухаммад ал-Хусайн ал-Карбали, рассказ которого записал в 1338 г. ал-Омари, изъездил страну кипчаков вдоль и поперек, в том числе доезжал «до Акджа-Кермана и страны Булгарской». Другой купец, Бадр ад-Дин Хасан ар-Руми, также называет Акджа-Керман пограничным городом Золотой Орды (Тизенгаузен 1884: 235-236). Абу-л-Фида, отметивший преобладание мусульманского (стало быть — монгольского?) населения в Исакке (Сакдже), вместе с тем не называет ее золотоордынским городом. Крайним на западе городом Золотой Орды Абу-л-Фида считает Акджа-Керман. При этом, в отличие от других арабских авторов, Абу-л-Фида называет его не просто городом Золотой Орды, но городом «страны болгар и тюрок» (Aboulfeda 1848: 316-317).

Начиная с работы Г.Брэттиану, это свидетельство Абу-л-Фиды, записанное им в 1321-1331 гг., считалось одним из основных аргументов в пользу того, что на Днестровско-Дунайское междуречье в первой трети XIV в. распространялась власть Болгарии. Само собой разумеется, что «болгары», упоминаемые Абу-л-Фидой, — это подданные болгарского царя. Опираясь на иную трактовку термина, В.Спинеи полагает, что под «болгарами» Абу-л-

Фида имел в виду часть местного населения — исламизированных болгар, живших по всему Северному Причерноморью. Аналогичные аргументы приводит и А.Кузев (Кузев 1990: 101-106). В подкрепление своей точки зрения В.Спинеи ссылается на то, что к «стране болгар и тюрок» Абу-л-Фидой отнесен еще один город, никогда Болгарии не принадлежавший, — Сару-Керман (Херсон) в Крыму (Aboulfeda 1848: 318; Spinei 1982: 172-173). Стало быть, трактовка сообщения Абу-л-Фиды об Акджа-Кермане прямо зависит от того, какой народ следует видеть в «болгарах» («ал-булгар») источника.

В классической арабской географии IX-X вв. сложилась традиция употреблять два различных термина для обозначения волжских и дунайских болгар: первых именовали, как правило, «ал-булгар», вторых — «ал-бурджан» (см. Калинина 1975: 153-157). Хотя некоторые авторы путали один этноним с другим, традиционное употребление терминов сохранилось и в более поздних сочинениях — в трудах ал-Идриси (XII в.), Ибн Саида (XIII в.), а также Абу-л-Фиды. В «Географии» Абу-л-Фиды термин «ал-булгар» относится, насколько можно заметить, лишь к волжским болгарам (Aboulfeda 1848: 295-298, 301, 303-306). Дунайских болгар, судя по тексту сочинения, он именует «валахами» (ал-авлак). Например, Тырново Абу-л-Фида относит к «стране влахов». Однако при характеристике этого города арабский ученый делает знаменательную оговорку. Он пишет, что Тырново населяют «неверные, которые принадлежат к народу, называемому (ал-авлак); также их называют ал-бургал» (Aboulfeda 1848: 318). Последний термин, скорее всего, является искажением этнонима «ал-булгар». Появление искаженной формы этнонима в данном отрывке вполне вероятно, поскольку раздел о придунайских землях в «Географии» Абу-л-Фиды был составлен, по собственному приказанию автора, не по книжным сведениям, а по устным источникам — по рассказам купцов и путешественников (Aboulfeda 1848: 80), которые вряд ли были знакомы с терминологией, употреблявшейся в арабской географической литературе для обозначения волжских и дунайских болгар. В другом географическом произведении Абу-л-Фиды — составленной им карте мира — имеется прямое свидетельство того, что термин «ал-булгар» мог быть отнесен им и к дунайским болгарам. На этой карте к югу от Дуная помещены оба

термина — «ал-бурджан» и «ал-булгар» (Коледаров 1973). Изложенное, кажется, дает основания утверждать, что в сообщении об Акджа Кермане под «болгарами» следует подразумевать подданных болгарского царя, а не исламизированных болгар. Об этом говорит и указание Абу-л-Фиды на религиозный состав жителей города: они «частью мусульмане, частью неверные» (Aboulfeda 1848: 317). Если бы речь шла об исламизированных болгарях, то «город болгар и тюрок» был бы целиком мусульманским.

Очевидно, что в арабских источниках по вопросу о политическом состоянии Днестровско-Дунайских степей в первой трети XIV в. прослеживаются два основных положения. Во-первых, власть золотоордынских ханов, несомненно, распространялась на Днестровско-Дунайское междуречье вплоть до Дуная, а Болгария сохраняла зависимость от хана на протяжении всего указанного периода. Это обстоятельство отмечено всеми арабскими авторами, источники сообщений которых о политическом положении в рассматриваемом регионе восходят к официальной документации султанской канцелярии. Во-вторых, некоторые данные, приводимые арабскими авторами и имеющие своим источником рассказы купцов и путешественников, свидетельствуют об особом положении Акджа-Кермана, который одни авторы считают пограничным городом Золотой Орды, а другие — принадлежащим Болгарии. Единственным предположением, которое бы непротиворечиво объясняло сведения, содержащиеся в арабских источниках, является предположение о двойном подчинении Днестровско-Дунайского междуречья в первой трети XIV в.

Проверить истинность сделанного предположения можно обратившись к анализу источников итальянского происхождения. Все эти источники, включающие актовый материал и навигационные пособия, так или иначе связаны с историей торгово-предпринимательской деятельности итальянских купцов в бассейне Черного моря. Наиболее важным свидетельством является постановление Оффии Газарии от 1316 г. Документ был составлен в связи с конфликтом генуэзских торговцев с подданными болгарского царя Феодора Светослава, чинившими заморским купцам препятствия в торговле. Итальянская администрация сочла положение дел столь серьезным, что решила эвакуировать генуэзскую колонию как из города, в котором разыгрался конфликт (Mavocastro

источника), так и из всех других населенных пунктов, подвластных Феодору Светославу (МНР 1838: 382; DIR.B 1953: 8-10; Гюзелев 1995: 103-108). В.Спинеи предложил отказаться от традиционного отнесения топонима Mavocastro к Белгороду-Днестровскому, так как, по его мнению, в документе речь идет о болгарском порте Mauro на западном берегу Черного моря (Spinei 1982: 173). Такое толкование не может не вызвать возражений. Выделение в источнике Белгорода-Днестровского среди других портов Северо-Западного и Западного Причерноморья вполне естественно: это значительный торговый центр, в отличие от болгарского порта Mauro. Отождествление Mavocastro с Белгородом-Днестровским полностью согласуется с данными другого современного источника — итальянских морских карт первой четверти XIV в. (а также более поздних). Написание названия города в документе Оффиции Газарии и на картах почти идентично (на картах — Maurocastro, Moncasrto); кроме того, город выделен на картах красными чернилами, которые использовались картографами для обозначения только наиболее важных портов (Коновалова 1983: 43). Следовательно, самым вероятным местом действия конфликта генуэзцев с подданными болгарского царя нужно считать Белгород-Днестровский.

Иск о возмещении ущерба, нанесенного итальянским купцам в Белгороде-Днестровском, итальянский посол Бернабо де Моньярдино предъявил болгарскому царю Феодору Светославу. Отсюда следует, что в это время город имел болгарскую администрацию, а болгарский царь являлся высшей инстанцией, куда мог апеллировать иностранный посол по вопросам, связанным с торговлей. Итальянский посол требовал от Феодора Светослава не только возмещения убытков, но и «восстановления справедливости» (МНР 1838: 382; DIR.B 1953: 8-10; Гюзелев 1995: 103-108). Последнее требование предполагает, что подданные болгарского царя нарушили какие-то правила, регулировавшие торговую деятельность итальянских купцов, несоблюдение которых воспринималось ими как несправедливость. Феодор Светослав отказался удовлетворить требования итальянцев, в связи с чем Оффиция Газарии приняла решение прекратить итальянскую торговлю с подвластной болгарскому царю территорией, в том числе с Белгородом-Днестровским.

О присутствии болгар в Белгороде имеются данные и в одном из документов ордена францисканцев, сообщающем об убитом в Маурокастро Анжело де Сполето. Характерно, что этот пассаж приведен в числе сведений о «братьях миноритах, замученных в Тартарии» (Golubovich 1913: 61, 63-64). Опять же, речь может идти о наличии болгарского населения или болгарской администрации в Белгороде-Днестровском, который притом входил в состав Золотой Орды. Другие документы ордена францисканцев, составленные около 1320-1330 гг., относят все Днестровско-Дунайское междуречье, включая города Вичину и Маурокастро, к провинции «Тартария» (Golubovich 1913: 72), то есть к Золотой Орде.

Осталось рассмотреть еще одну группу источников — итальянские морские карты XIV в. Исследователи, изучившие их, уже обратили внимание на тот факт, что на некоторых картах монгольское владычество зафиксировано до Дуная (карты П.Весконтте 1311-1320 гг., Дж. да Кариньяно начала XIV в., Г.Солери 1385 г.), на других показана болгарская власть до Днестра (карты А.Далорто 1327 г., братьев Пиццигани 1367 г, так называемого Каталонского атласа 1375 г.), на третьих — отмечено двойное подчинение этой территории (карта А.Дульчерта 1339 г., карта из анонимного атласа конца XIV в., хранящегося в Неаполитанской библиотеке) (библиографию см. Коновалова 1983: 38-40).

Из-за противоречивости информации, содержащейся на картах, в исследованиях по истории Днестровско-Дунайских земель в первые десятилетия XIV в. используются, как правило, не все карты, а лишь те, которые подтверждают точку зрения автора; сведения же прочих карт объявляются недостоверными (Spinei 1982: 173).

Данные морских карт, действительно, не лишены противоречий, которые тем не менее не снижают ценности картографических источников. Дело в том, что большинство морских карт было не только навигационным пособием, но также являлось своего рода пространственной проекцией средневековой историографии, было призвано показывать арену действия исторических и легендарных событий. Такая функциональная направленность карт влекла за собой и соответствующие методы их составления. Картографы брали за основу морскую карту (портолан), дававшую детальное изображение береговой линии Черного моря, и нано-

сили на нее разнообразные сведения относительно территорий суши, опираясь на современные им данные, а также на античное наследие и библейскую традицию. Карта, таким образом, соединяла разновременные данные. И эта традиционная номенклатура и новые сведения существовали на карте параллельно и не сопоставлялись друг с другом. Новые данные, полученные картографами от современников, раз попав на карту, в свою очередь могли стать «традиционными» и повторяться на более поздних картах, несмотря на то, что они успевали к тому времени уже устареть.

Например, на картах братьев Пиццигани 1367 г. и на картах из Каталонского атласа 1375 г. сведения о границах империи Узбекхана, умершего в 1342 г., даны в настоящем времени: «Город Сарай — резиденция императора Узбека; империя его очень обширна: она начинается в провинции Болгария и в городе Вичина...» Характерно, что легенды карт братьев Пиццигани и Каталонского атласа никак не соотнесены с картографическими значками, обозначающими политическую принадлежность территории: и на той, и на другой карте западная граница Золотой Орды проходит не по нижнему Дунаю, как сказано в легендах, а по Днестру, к западу от которого показана Болгария. Как видно, и на картах, отмечающих власть Болгарии до Днестра, на самом деле зафиксировано двойное подчинение Днестровско-Прутского междуречья. Относительно политической принадлежности Северо-Западного Причерноморья итальянские картографы XIV в. оперируют двумя основными положениями: власть Золотой Орды или двойное подчинение этой территории. Только на карте А. Далорто 1327 г. отмечена безраздельная власть Болгарии до Днестра.

Различия в картографических данных связаны с тем, что на картах помещена информация, происходящая из разных источников. При анализе сочинений арабских авторов мы уже выделили две группы сведений: первая, восходящая к сфере политических контактов Золотой Орды с Египтом и отражающая границы золотоордынского государства и политическое положение сопредельных регионов; вторая — формировавшаяся в среде купцов, участвовавших в международной торговле в Северо-Западном Причерноморье, и отражающая этнический облик и политико-административную ситуацию в отдельных торговых центрах региона. Рассмотренные итальянские источники содержат главным обра-

зом сведения, полученные от торговых людей. Если материалы арабских авторов позволяют в самом общем виде установить особое положение портовых городов Нижнего Днестра и Нижнего Дуная, то итальянские источники — в первую очередь постановления Оффиции Газарии и документы францисканского ордена — дают конкретные сведения о наличии в Белгороде болгарского населения и болгарской администрации, ведавшей вопросами торговли.

Однако к какому времени относятся данные о болгарском присутствии в Дунайско-Днестровских землях? Твердо датируется только один документ — постановление Оффиции Газарии 1316 г. Документы францисканского ордена относятся к 1314-1330 гг. Сообщения купцов и путешественников, приведенные в сочинениях арабских авторов, были записаны в 20-х и 30-х гг. XIV в., но могли относиться и к более раннему времени. Данные морских карт часто оказываются намного «старше» времени составления самой карты. Таким образом, о болгарской власти над Днестровско-Дунайском междуречьем с достаточной степенью определенности можно говорить лишь для правления Феодора Светослава, то есть до 1321 г. При этом материалы арабов позволяют распространять этот вывод едва ли не на весь период правления хана Узбека (1313-1342).

Власть Болгарии в Дунайско-Днестровском междуречье не была безраздельной. Свидетельства источников ясно показывают, что границы Золотой Орды и соседней Болгарии в Днестровско-Дунайских землях накладываются. Такая ситуация могла иметь место только в случае, если один из правителей был вассалом другого. В связи с этим несколько проясняются и обстоятельства утверждения власти болгар в рассматриваемом регионе. Речь может идти только о преднамеренном возложении функций правителя на вассального царя (см. Павлов 1995: 121-130). Не исключено, что Токта представил этот акт как «дарение». На деле цель такого зигзага в отношениях с соседним зависимым государством куда прозаичнее и объясняется стремлением хана избежать новой оппозиции на западе своих владений. Зная о постоянных сепаратистских тенденциях в крае и опасаясь нового Ногая, Токта рассчитывал ослабить антагонизм между местной средой и Сараем. Уступки в сочетании с камуфляжем истинных целей — те новые

тенденции в золотоордынской политике на западе Улуса Джучи, которые позволили хану сохранить реальную власть в областях, прилегающих к Нижнему Подунавью, еще на несколько десятилетий. Эффективность принятых мер была, по всей вероятности, на первых порах высока, поскольку речь шла о подключении к феодальной системе господства Второго Болгарского царства привычных для нее общественных структур. Имеются в виду общинные институты болгар, восточнороманского населения, половцев, эксплуатация которых была отлажена еще в первой половине XIII в., ведь совместное проживание этих этнокультурных групп в «империи Асений» — факт, не требующий особых доказательств. Кроме того, степняки западных районов Дешт-и-Кипчак в подавляющем своем большинстве были не монголами, а остатками различных групп «поганных» доордынского времени (Добролюбский 1986: 31-46, 68-79). Поэтому, несмотря на миграции в связи с татаро-монгольскими завоеваниями, они сохраняли традиционные устои, с которыми население Подунавья было знакомо, поскольку имело богатый опыт сосуществования с номадами. Постоянные контакты кочевников с оседлым миром Карпато-Балканского региона и его политическими образованиями, как и вероятно куманское происхождение правящей болгарской династии Тертеровцев, также способствовали успеху мероприятий хана Токты. Созданный им своеобразный буфер сохранял свое значение и при хане Узбеке. Впрочем, использование феодальной системы болгарского государства в роли посредника при эксплуатации рядового населения региона (по типу того, как это делалось в русских княжествах) очень скоро вызвало острый кризис в городах и вновь заставило ордынцев лавировать, чтобы восстановить общественное равновесие. Следовательно, функции самих завоевателей в крае и, в частности, в городах были сложными и изменчивыми, а поэтому нуждаются в специальном рассмотрении.

3.2. Ордынцы в жизни городов

Городская жизнь в условиях распространения господства золотоордынской государственности на территории, лежащей к западу от Днестра, вызывает интерес в плане генезиса феодализма, поскольку на то же время выпадает начальный этап эволюции молдавского феодального общества Восточного Прикарпатья. По сути дела, на юго-востоке и северо-западе Карпато-Днестровских земель шло параллельное развитие исторических реалий, имеющих одинаковое отношение к генезису феодализма. Среди вопросов, встающих вокруг констатируемых общественных явлений, — исторический вклад Золотой Орды в облик городов, возникших или оказавшихся в ее пределах, а позднее вошедших в состав Молдавского и Валашского государств (феномен параллельности присутствует и в случае с землями Цара Ромыняскэ).

Историко-археологические исследования отдельных областей Улуса Джучи уже выявили на территориях от Дуная до Иртыша 110 городских центров XIII-XIV вв. Знания о них обобщены В.Л.Егоровым в монографии по исторической географии Золотой Орды (Егоров 1985: 75-150), что позволило взглянуть на города татаро-монголов как на систему, объединенную общностью социально-экономического развития, материальной культуры и исторической судьбы.

Важнейший результат изысканий археологов — вывод о кратковременности и бесперспективности экономического взлета ордынских городов, жизнедеятельность которых обеспечивалась извне, за счет ресурсов, выкачиваемых из завоеванных стран. По-видимому, изначально судьба степных центров была предопределена в соответствии с законами существования «исторических пустоцветов» (Смирнов, Федоров-Давыдов 1959: 134; Федоров-Давыдов 1976: 48). Вместе с тем, по наблюдениям Г.А.Федорова-Давыдова, «обычно чрезвычайно расширяют понятия золотоордынской культуры, перенося ее на все города, попавшие в состав Золотой Орды». В исторической же действительности многие периферийные пункты, где чувствовался «внешний поверхностный налет городской культуры Золотой Орды», развивались на местной основе. По мнению исследователя, таким районом наряду с Крымом, Хорезмским оазисом, землями мордвы и Волжской Бол-

гории, была на западной окраине Улуса Джучи Молдавия (Федоров-Давыдов 1966: 209-210).

В явном противоречии с приведенным взглядом находится точка зрения В.Л.Егорова, который называет в Пруто-Днестровском междуречье четыре золотоордынских города: Аккерман, Килию, Костешты и Старый Орхей. Городские центры на правобережье Дуная ученые не рассматривают, поскольку считают, что «нет каких-либо веских данных, позволяющих отнести к золотоордынской территории» Добруджу. Власть Золотой Орды до Прута автор монографии признает незыблемой со времени создания государства Бату до конца 50-х гг. XIV в. (Егоров 1985). Между тем иного мнения о границах Золотой Орды на западе придерживаются некоторые румынские и болгарские историки. К числу городов, находившихся в ведении золотоордынцев, они относят целый ряд нижнедунайских пунктов, чаще всего, наряду с Килией, Вичину, Ликостомо, Бабадаг (БСГК 1981: 211-243; Iliescu 1972: 435-462; Ghița 1986: 35-50; Baraschi 1987: 61-69; Alexandrescu-Dersca Bulgaru 1978: 445-463).

Неоднозначность толкования археологических материалов и отсутствие разработок о роли золотоордынского фактора в жизни городов Днестровско-Дунайского региона в какой то мере способны восполнить письменные памятники, которые сохранили данные не обо всех городах. Городища Костешты и Старый Орхей вовсе не зафиксированы этими источниками. Информация о других центрах региона содержится в различных по происхождению и степени достоверности текстах конца XIII — начала XV вв. Среди них сочинения арабов, итальянские навигационные пособия и актовый материал, произведения религиозного характера, документы православной и католической церквей.

Рассмотрение данных о городах Днестровско-Дунайского региона начнем с крупного городского центра в устье Днестра — Акджа-Кермана восточных источников, Монкастро (Мальвокастро, Маурокастро, Маокастро) западноевропейских. Известное уже в XIV в. под именами Асперо-Кастро и Белгород городское поселение на месте современного Белгорода-Днестровского, вполне возможно, существовало и до прихода монголов (Полевой 1979: 67), хотя сведения на этот счет туманны и недостаточно убедительны. В эпоху золотоордынского властвования Акджа-Керман

становится одним из известнейших приморских центров на западной окраине государства Джучидов. Начиная с 1290 г., в итальянских источниках появляются сообщения о заходе в Мальвокастро итальянских торговых судов (Коновалова 1989: 308). О том, что Монкастро был крупным и важным звеном в международной торговле на Черном море, говорит присутствие названия города на всех картах XIV в., начиная с Пизанской. В ряде случаев над условным значком, обозначающем город, развевается флаг с тамгой Джучидов (на картах П.Весконтте, А.Дульчерта и других вплоть до начала XV в.) как однозначный символ политической зависимости городского центра на Днестре от Золотой Орды.

Источники не содержат прямых данных о том, когда именно Акджа-Керман попал под власть Золотой Орды. Однако можно с достаточной уверенностью говорить, что город принадлежал золотоордынцам еще в XIII в., когда хозяином Днестровско-Дунайских земель был Ногай. Как и другие центры международной черноморской торговли, находившиеся во владениях Ногая, он должен был служить источником доходов для монголов. Известно, например, какому разорению подверглась Каффа, купцы которой отказались платить подати Ногаю (Тизенгаузен 1884: 111-112). Иноземные торговцы, стремившиеся основать свои фабрики в городах Северо-Западного и Северного Причерноморья, вступали с договорными отношениями с Ногаем. Так, в 1292 г. по решению большого совета Венеции к Ногаю было отправлено посольство, чтобы договориться об условиях торговли с подвластными ему территориями. Венецианскому послу предписывалось в случае успеха переговоров остаться во владениях Ногая в качестве консула Венецианской республики сроком на три года (Коновалова 1989: 308).

Правильность такой трактовки ранней истории города доказывает и нотариальный акт, оформленный в Каффе мая 1290 г. Как следует из его содержания, итальянец Джакомо де Финарио заключил кредитную сделку со своим соотечественником Энрико Сальваторе, получив сумму в 800 аспров-барикатов (*aspres baricats*) для коммерческой реализации *ad partes Malvocastri* (Brătianu 1935: 176-177; Balard 1973: 203). В литературе названные денежные единицы уже более столетия связываются только с джучидскими дирхемами (Еманов 1986: 158-159), что указывает на вхождение

в зону циркуляции золотоордынской монеты. Думается, данный документ указывает не только на вовлечение города в экономические отношения Орды и итальянских купцов. Сумма, отпущенная для отоваривания в Приднестровье, относительно невелика. Она составляла стоимость восьми вьючных лошадей в ценах Каффы (Старокадомская 1974: 170), тогда как тот же нотариус зафиксировал немало сделок, в которых фигурировали суммы от 10 до 20 тыс. аспров и более (Balletto 1976: 182-183). Не исключено, что небольшой кредит может свидетельствовать о скромных возможностях рынка Мальвокастро, ведь данный документ содержит едва ли не самое раннее достоверное упоминание о средневековом городе на Днестре.

После гибели мятежного Ногая город продолжал оставаться во многих отношениях зависимым от золотоордынцев, хотя непосредственную власть в нем монголы осуществляли руками своего вассала, болгарского царя. Как и во всяком приморском торговом центре, в Мавокастро XIV в. проживало смешанное население, однако отнесение города Абу-л-Фидой к «стране болгар и тюрок» характеризует не только этническую, но и политическую обстановку в устье Днестра. Политический аспект освещает запись об убийстве в Маурокастро Анджемо де Сполето, перечисляющая город среди населенных пунктов Тартарии или «Аквилонской Тартарии» — согласно другим францисканским документам (Golubovich 1913: 61, 63-64). Побывавший в Золотой Орде арабский купец Мухаммад ал-Карболи, рассказ которого записал в 1338 г. ал-Омари, сам приезжал торговать сюда, на границу с Болгарией. Другому арабскому негодьянту, Хасану ар-Руми, Акджа-Керман также был известен как один из пограничных городов Золотой Орды (Тизенгаузен 1884: 235-236).

О владыковании золотоордынцев в Белгороде XIV в. повествуют в манере, присущей житийному произведению, «Мучения Иоанна Нового». Сложная социально-политическая и религиозная обстановка в городе, невинной жертвой которой стал трапезундский грек, составляет сердцевину сюжетной интриги произведения (Яцимирский 1906: 1-11; Русев, Давидов 1966: 90-122). Можно предположить, что глубинные причины такого положения таятся в иноземном владычестве. В самом деле, хотя среди гостей и горожан есть православные, католики и иудеи, вершителем

ми судебных являются язычники, почитающие огненную стихию. В современной историографии нет расхождения по вопросу о том, что речь идет о золотоордынцах, хотя олицетворяющий их городской голова именуется «персом». Истинность такого понимания текста подтверждается анализом особенностей организации властвования в городе. Показательно, что в руках епарха сосредоточено большое число функций. Кроме исполнения обязанностей по реализации судебной и карательной власти, он руководил и военным отрядом, может быть, гарнизоном. Следует понимать, что эти задачи возложены на него свыше — в житии говорится о царе-язычнике, вероятно, хане. Более того, в ведении градоначальника находятся и религиозные дела, но и это не противоречит реалиям золотоордынского общества. Известно, что в государстве татаро-монголов долгое время сохранялась и существовала родоплеменная система, в соответствии с правилами которой вожди разных рангов нередко выступали носителями и административных, и жреческих полномочий (Плетнева 1982: 115). Само язычество в том виде, как оно представлено в памятнике, демонстрирует не только свою догосударственную сущность как религии, но и обнаруживает поразительное сходство с шаманизмом монголов. Бросается в глаза и тип поведения язычника-ордынца, принуждающего человека так или иначе зависимого пожать догмы христианства. Все это хорошо известно из русских летописей и свидетельства Плано Карпини и вполне согласуется с данными жития (см. Русев, Давидов 1966: 64-65). Существование язычества в XIV в., когда, навязав ислам ценой жестоких репрессий, хан Узбек «превратил степной улус в купеческий султанат» (Гумилев 1989: 537), не должно удивлять. Ордынцы не стали сплошь магометанами ни в XIV, ни в XV вв. (Тизенгаузен 1884: 172, 306; Барбаро 1971: 140, 146). Непокорные представители кочевой аристократии, в среде которых особенно долго сохранялись древняя религия, законы обычного права и родоплеменные традиции, по всей вероятности, могли найти убежище именно на западе государства. Здесь, в отдалении от глаз сарайской администрации, их положение, похоже, было настолько стабильным, что отдельные отпрыски кочевых родов, контролировавших окрестные степи, могли со временем становиться и во главе городских центров.

На мой взгляд, такие явления стали возможными только после

смерти Узбека и убийства наследника Танибека, когда аристократы-степняки привели к власти хана Джанибека (1342-1357). В результате позиции городских торгово-купеческих кругов были сильно подорваны, а роль полупатриархальной верхушки кочевников, напротив, резко возросла (Мухамадиев 1983: 81-82). Что касается реальности правления хана-язычника, то оно могло быть в период многолетней чехарды на ордынском троне, начавшейся в 1359 г. Впрочем, так во время «великой замятни» мог быть назван и просто крупный феодал, держащий в подчинении значительный район, вроде одного из трех бегов, разбитых Ольгердом при Синих Водах в 1362 или 1363 г.

Таким образом, «Мучение Иоанна Нового» указывает на владычество ордынцев-язычников в Белгороде в 30-х — 60-х гг. XIV в., но я склонен считать более вероятной нижней границей этого временного диапазона 40-е гг. При этом в экономической жизни города завоеватели не занимали господствующего положения. Из содержания трагедии видно, что в ее основе лежали непрекращающиеся конфликты различных этно-религиозных групп торгового люда — итальянцев, греков и евреев. Все они были в положении зависимом по отношению к татаро-монголам, занимавшим верхнюю ступеньку социальной лестницы в Белгороде. Не приходится сомневаться, что именно доминирование Золотой Орды в Поднестровье сделало регион открытым для посещения людьми из весьма отдаленных стран Востока. В тексте жития указывается, например, на пребывание в городе врачей из Ирана и Индии.

О том, что среди обитателей города в 60-е гг. XIV в. были и золотоордынцы, достоверно известно из двух записей, сделанных 9 и 11 сентября 1360 г. Антонио ди Понцо (Balard 1980: 84-86, 98-99). В них говорится о белгородских «сарацинах», занимающихся работоторговлей. Что касается других письменных источников о Белгороде XIV в., то данных о золотоордынцах они не содержат.

Прежде чем перейти к анализу материалов о дунайской Сакдже, замечу, что отнесение низовьев Дуная к золотоордынской территории было характерно для арабской литературы, а также зафиксировано еще некоторыми источниками XIV в. Уже во второй половине XIII в. испано-арабский географ Ибн Саид ал-Магриби

(ум. в 1274 или 1286 гг.) приводил тюркскую форму названия реки — Туна (Коновалова 1991: 60). О Дунае как о реке «страны тюрков» писали Абу-л-Фида (Aboulfeda 1848: 80) и ал-Омари (Тизенгаузен 1884: 236). Легенды ряда карт XIV в. (карта А. Дульчерта, братьев Пиццигани, Каталонский атлас) сообщают о том, что на западе Золотая Орда граничила с Болгарией, помещавшейся к югу от Дуная (Брун 1880: 357-358; Димитров 1984: 7-8).

Первое сообщение о Сакдже зафиксировано в сочинении Рукн ад-Дина Бейбарса. Он пишет, что отправленный во владения разгромленного Ногая сын Токты Тукулбуга «утвердился в Сакдже на реке Туна и на местах, прилегающих к Железным воротам, где находились становища Ногая». Из контекста видно, что речь идет о самом начале XIV в., когда хану Токте удалось в результате жестокой войны восстановить единство Улуса Джучи. Этот же рассказ об утверждении Тукулбуги повторил и ан-Нувайри (Тизенгаузен 1884: 117, 159, 162).

Наиболее пространную информацию о Сакдже дает Абу-л-Фида. По его сведениям, город находился «в устье Туна, великой и славной реки», которая впадает в море «севернее от города Сакджа». Населенный пункт описан следующим образом: «Сакджа — город средних размеров, расположенный на равнине, у подножья горы Кашка-Таг, близ впадения Дуная в Черное море. От Сакджи до Акджа-Кермана 5 дней пути, а до Константинополя по суше — 20 дней пути. Сакджа находится на юго-западном берегу Дуная, с той стороны, которая ближе к Константинополю. Преобладающая часть жителей Сакджи исповедует ислам». Сведения о городах Абу-л-Фида приводит к табличной форме и в графе о политическом положении Сакджи заявляет, что город находится в «земле валахов и в зависимости от Константинополя» (Aboulfeda 1848: 80, 316). Известно, что термин «ал-авлак» применялся арабскими авторами для обозначения Болгарского царства и его населения. Поэтому трудно представить себе статус города, населенного мусульманами, расположенного в болгарских землях и находившегося в зависимости — неясно, какого характера — от Константинополя.

Указание на то, что Сакджа относилась к территории Болгарского царства, можно трактовать как отражение двойного подчинения Днестровско-Дунайских степей при Феодоре Светославе.

Что же касается зависимости города от Константинополя, то в литературе высказана точка зрения, согласно которой представление о Сакдже как византийском городе возникло оттого, что большая часть горожан исповедовала православие, а для арабов-мусульман того времени оно было равнозначно византийскому (БСГК 1981: 226). Однако такое объяснение противоречит сообщению Абу-л-Фиды о преобладании среди жителей Сакджи приверженцев ислама и потому не может быть признано удовлетворительным.

Смысл информации о Сакдже в передаче Абу-л-Фиды и вторящего ему ал-Калкашанди проясняется при сопоставлении сведений арабских авторов с данными европейского происхождения о городе Вичине. Этот населенный пункт также локализуется в низовьях Дуная (см. Diaconu 1976; Атанасов 1993: 3-19) и, более того, уже с середины XIII в. нижнее течение реки было известно итальянцам как *flume(n) de Vecina* (см. Коновалова 1983: 40). Отмечу также, что на морских картах итальянских мастеров есть прямые указания на подчинение Вичины Золотой Орде, либо Болгарии и ордынцам, а на карте А. Далорто город обозначен как собственно болгарский (Димитров 1984: 8, приложение 7). Главным доказательством в последнем случае является развевающийся флаг с монограммой Шишманов, известной по изображениям на монетах. Отраженная ситуация датируется 1323-1327 гг., так как Михаил Шишман стал править в Болгарии с 1323 г., а карта составлена около 1327 г.

Легенды ряда карт указывают, что империя Узбека начинается или кончается в Болгарии. Аналогичное сообщение имеется в Каталонском атласе 1375 г. относительно империи Джанибека. Еще более важные записи в дорожнике Антонио Усодимаре и на карте братьев Пиццигани 1367 г., упоминающие в близком контексте и Вичину. Они говорят о государстве хана Узбека, начинающемся в болгарском городе Вичине: 1) *...in provincia de Bulgaria scilicet in civitate de Vicina*; 2) *...in provincia Bulgaria et in civitate de Vecina* (Брун 1880: 338; Димитров 1984: 8).

Уже в 1286 г. Вичина (*Vicum*) упоминается в числе ордынских городов, имеющих францисканские монастыри. Наряду с Белгородом, Вичина значится таковым населенным пунктом в «Тартарии» под 1320 г. (*Vicina juxta Danubin*) и 1334 г. (*Vicena*) (Golubovich 1913: 266-268). Это вполне закономерно, ведь пози-

ции католиков здесь были достаточно прочны едва ли не изначально. Во всяком случае, еще в 1281 г. генуэзцы из Перы играли важную роль в экономических связях дунайского порта, доставляя сюда товар на своих судах (Коновалова 1989: 306-308). Как следует из актов нотария Каффы 1289-1290 гг., Вичина, подобно Мальвокастро, входила в зону обращения золотоордынской монеты. Однако, по всей видимости, ее роль в товарно-денежных отношениях была куда более значительной. Город на Дунае и его жители-итальянцы несколько раз упоминаются в нотариальных записях, да и сумма аспров-барикатов, названная в связи с Вичиной 8 августа 1290 г., весьма внушительна — 6125 аспров (Balard 1973: 368). Тогда же в Каффе можно было приобрести дом за 1000, а корабль — за 1300 аспров (Старокадомская 1974: 170).

Представление о деятельности Византии в городе дают документы греческого происхождения, касающиеся роли восточнохристианской церкви в Вичине. Известно, что еще в XIII в. Вичина являлась местопребыванием митрополита, который был посажен здесь Никейским патриархом, вероятно, незадолго до 1261 г. Однако уже в 1299 г. в Вичине находился автономный архиепископский престол Константинопольской патриархии (DIR.B 1953: 5). Речь идет о повышении ранга местного церковного престола, что, скорее всего, связано не только с нахождением здесь ставки Ногая, близкие отношения которого с византийским императором и зависимость последнего от могущественного темника общеизвестны.

Приведенные факты из церковной жизни Вичины помогают понять текст обязательств митрополита Макария, направленного сюда константинопольской патриархией. Это деятель православной церкви Вичины. Накануне отъезда он подписал документ, взяв на себя перед богом, патриархом и Синодом обязательства не покидать, невзирая на все трудности, доверенный ему пост, кроме как с дозволения верховного иерарха при крайней необходимости. Источник достаточно четко констатирует тяжкие испытания, ожидающие по месту назначения исполнителя высокой апостольской миссии. Религиозно-политическая обстановка в Вичине была настолько напряженной, что признавалось отсутствие гарантий возвращения посланца восточнохристианской церкви в Константинополь. Причина такого сложного положения митрополичьего престола и тамошней паствы также названа — Вичине выпало

несчастье попасть под руку безбожников. В полном соответствии с мировоззрением пастырей Христа экстремальность ситуации подтверждена цитированием в тексте максимы из Евангелия от Матфея: «Вот, посылаю вас, как овец среди волков» (X, 16). К сожалению, данный документ не датирован (Laurent 1946: 231-232).

Изучивший в контексте других аналогичных деловых бумаг патриаршей канцелярии и обязательство митрополита Макария, П.Лоран предложил относить его к 1337-1338 гг. Он убедительно отождествил хозяйничавших в Вичине нечестивцев-нехристиан с золотоордынцами. По мнению исследователя, прежде возникавшие в связи с Вичиной опасения церковников показывают, что золотоордынцы появились здесь незадолго до получения престола Макарием. Полагая, что византийский город ал-Фаника, в котором в 1330-1332 гг. побывал с караваном греческой принцессы Ибн Баттута, и является дунайской Вичиной, автор статьи определил время его завоевания татара-монголами: 1332-1337 гг. или даже 1335-1337 гг. Как утверждал П.Лоран, с изменением политического положения город претерпел быстрый упадок во всех сферах жизнедеятельности (Laurent 1946: 228-231).

Нельзя не разделять сложившееся представление о господстве в Вичине времени митрополита Макария ордынцев, однако процессы, имевшие при этом место, можно увидеть несколько по-иному. Изменение статуса Вичины в действительности следует объяснить не собственным отступлением или наступлением ордынцев, а эволюцией их политики в отношении городов. Если во времена Ногая и затем при Токте многие городские центры, особенно портовые, обладали определенной свободой в экономической, религиозной и даже политической жизни, то с приходом к власти Узбека положение радикально переменилось. Золотая Орда, сделав ставку на развитие торговли, все более прибирала к своим рукам города, придавая специфический облик всему укладу жизни их обитателей. Эти преобразования проходили под знаменем аллаха, и потому прежняя веротерпимость уступила место борьбе с иноверцами. Более всего это затронуло интересы горожан. Очевидно, что явления, отмеченные в Вичине, носили гораздо более масштабный характер. Вовсе не случайно текст документа о назначении митрополита Вичины следует по порядку сразу за аналогичным обязательством, касающимся Крыма. Он говорит о

направлении в Херсон митрополита Иеремии, датируется тем же временем и совпадает с подписанным Макарием вплоть до повтора евангельской цитаты. На это обратил внимание при издании актов восточнохристианской церкви еще в прошлом веке архимандрит Антонин (Акты 1867: 446-447).

При всей сложности пребывания митрополита в Вичине, Макарий не был последним посланцем патриарха на ее престоле. Сохранялись связи с Константинополем и во время службы здесь Макария. Этот митрополит дважды — в мае 1341 г. и апреле 1343 г. — участвовал в заседаниях Синода. Вичинская митрополия перестала существовать только в мае 1359 г., когда ее последний глава был переведен в Угровлахию по просьбе господаря Александра¹. Этому предшествовало своего рода промежуточное решение патриархата, последовавшее где-то вскоре после 1343 г. Согласно этому документу, митрополия была понижена в ранге, поскольку Вичина «подчинена варварам, а жителей-христиан в городе немного» (DIR.B 1953: 12). Приведенное утверждение аналогично данным Абу-л-Фиды о том, что большая часть жителей города Сакджи исповедует мусульманство.

Очевидно, наука располагает комплексом документов греческого происхождения, анализ которых показывает определенную динамику религиозного состава обитателей Вичины, а также политической обстановки в городе. Можно говорить о постепенном, в течении двух-трех десятилетий, вытеснении из сферы политического господства болгар и превращении номинальной власти Золотой Орды в реальную. Одновременно с этим процессом возникли неблагоприятные условия для деятельности в городе православной церкви. Показательно, что сумма сведений европейских источников о Вичине нисколько не противоречит данным Абу-л-Фиды о Сакдже. Более того, оба пласта информации вполне согласуются друг с другом. Это дает право присоединиться к историкам, утверждающим, что «Сакджа» восточных авторов является арабско-тюркским эквивалентом «Вичины» источников европейских² (Grămadă 1924: 458; Giurescu 1971: 258; Cihodaru 1968: 229; Deletant 1984: 515).

¹ О наименовании «Угровлахия» в документах патриархата см. подробнее Păcurariu 1980: 222.

² О других точках зрения см. Păcurariu 1980: 221; Атанасов 1993: 3 и др.

Окончательное превращение Вичины-Сакджи в татарский город, по всей вероятности, отмечает сообщение одного монаха-францисканца из Испании середины XIV в., которое требует рассмотрения. Большинство исследователей этого сочинения пришло к заключению о том, что основным источником трактата являлась географическая карта или ряд карт. Вичину анонимный географ называет крупным городом (*una grand ciudad*), граничащим с Болгарией. Далее он сообщает: «Этот город Вичина является столицей царства (*sabesa del reynado*) и имеет в качестве своего знамени белый штандарт с алыми знаками» (LC 1877: 101-102). Действительно, приведенные сведения о Вичине позволяют видеть в источнике информации картографические материалы, так как размеры города, его пограничное положение, особенности флага — это именно те данные, которые можно почерпнуть из карты. А на картах первой половины XIV в. Вичина, как известно, изображалась либо как золотоордынский город, либо как пункт, подчиненный Золотой Орде и Болгарии. Поскольку в рассматриваемом источнике о политической принадлежности Вичины ничего не говорится, но отмечается, что Вичина находилась на границе с Болгарией, остается полагать, что город входил в состав Золотой Орды. Пограничное положение города дает возможность иначе истолковать и употребление применительно к Вичине термина «*sabeza*», переводимого исследователями этого отрывка как «столица». В испанском языке для обозначения столицы государства применяется, как правило, термин «*capital*». Слово же «*sabeza*» в значении «столица», «главный город» используется применительно не к государству, а к области, провинции и т.п. В данном контексте нельзя не вспомнить информации легенды карты братьев Пиццигани и итинерария Антонио Усодимаре о «провинции Болгария» с городом Вичина, в которой начинается Золотая Орда.

Еще один независимый источник — энциклопедия ал-Калкашанди — сообщает о делении золотоордынских владений на 10 административных областей, или иклимов, являющихся «либо провинциями, либо вассальными государствами». Восьмой иклим — «Валахия (Улак) или Болгария (Бургал) со столицей Тырново (Тирнав)» (Поляк 1964: 34-35). Конечно, не может быть и речи об инкорпорировании в состав Улуса Джучи всего Второго Болгарс-

кого царства, однако часть земель в районе Нижнего Дуная и Добруджи татаро-монголы, видимо, все-таки отторгли. Вероятно, это обстоятельство косвенно отразило решение папы римского от 26 февраля 1318 г., когда по просьбе католического архиепископа Каффы был расширен его диоцез. В новых границах он охватывал территории от Варны до Сарая включительно и от Черного моря до русских пределов (Spinei 1982: 174-175). Таким образом, тут очерчен вполне определяемый политический регион *in patribus infidelium* — все правое крыло Золотой Орды, достигающее на западе Варны. Может быть, до сих пор и распространялись границы той «Болгарии», провинциальным центром которой и была Вичина.

Кстати, у испанского слова «cabeza», помимо значений «голова», «главный город», имеется среди прочих и такое: «кромка», «край». Поэтому, отдавая предпочтение изложенной версии, считаем необходимым оговорить и возможность иной трактовки. Трудно исключить, что употребление термина «cabeza» не могло подчеркивать пограничное положение Вичины, о котором пишет анонимный географ. Ведь на картах Вичина, действительно, находилась на краю Золотой Орды. Данные испанского географического трактата, как нам представляется, однозначно свидетельствуют о том, что в середине XIV в. Вичина считалась крупным золотоордынским городом.

С этим выводом не согласуется распространенное мнение о том, что причиной упадка Вичины стало завоевание и разрушение города золотоордынцами (Laurent 1946: 225-232; Papacostea 1978: 67-79). Скорее, в результате взятия ее татаро-монголами упало значение города для итальянского купечества, хотя в 50-х — начале 60-х гг. XIV в. Вичина еще сохраняла значение центра черноморской торговли. В 1351 г., согласно инструкции генуэзского дожа, Вичина, наряду с Белгородом, должна была предоставить средства для ведения войны с Венецией. В 1361 г. в Вичине, как свидетельствуют акты килийского нотариуса Антония ди Понцо, существовала генуэзская фактория, во главе которой стоял консул Бартоломео де Марко (Pistarino 1971: 65-67). Антонио ди Понцо несколько раз упоминает Вичину как пункт, где может быть совершена заключенная торговая сделка. Через Вичину осуществлялся экспорт зерна. Помимо итальянских купцов, в городе

обретались и греки (Balard 1980: 53-55; 158-159). После 1361 г. сведения о Вичине в источниках не встречаются, но вплоть до середины XV в. в различных районах средиземноморского и черноморского бассейнов обитают люди, происходящие из этого города в устье Дуная, — католики, православные и мусульмане (БСГК 1981: 228).

Вопрос о Килии, которая включается в список золотоордынских городов, требует пристального внимания потому, что далеко не всегда это положение обоснованно. Приведем лишь два примера. В работе, посвященной истической географии Молдавии XIII-XV вв., Л.Л.Полевой пишет, что в конце 30-х гг. XIV в. Килия, «видимо, переходит под власть татаро-монголов» (Полевой 1979: 85). Основанием для такого предположения явились карты А.Дульчерта и Г.Солери, которые, как нам уже известно, действительно показывают распространение власти Золотой Орды до Нижнего Подунавья, но никакой Килии на них нет. Однако в названной монографии В.Л.Егорова со ссылкой на Л.Л.Полевого о городе говорится: «Письменные и картографические источники сообщают о его принадлежности Золотой Орде в XIV в.», и далее, что Килия — «самый западный город Золотой Орды» (Егоров 1985: 80).

В действительности дело обстоит следующим образом. На морских картах золотоордынского времени какие-либо упоминания о Килии отсутствуют. Нет никаких данных об этом городе и в лонциях XIII-XV вв. Первое упоминание морских карт о Килии относится к XVI в. (Todorova 1978: 128. Перечень карт см. БСГК 1981: 230).

Единственным источником XIV в., содержащим сведения о деятельности золотоордынцев в Килии, являются нотариальные акты Антонио ди Понцо. В настоящее время известно 211 актов, составленных в Килии в 1360-1361 гг. Материалы о золотоордынцах имеются в 8 актах. Все эти документы касаются купли-продажи рабов. Сами золотоордынцы при этом выступают в качестве продавцов, свидетелей или товара (Balard 1980: 98-99, 107-108, 147, 193-194; Pistarino 1971: 16, 22-23, 103-105, 175-177). В пяти актах из восьми оговорено, что при заключении сделки присутствует итальянский переводчик: *interpretante de lingua latina in comanescho et de comanescho in latina* (Balard 1980: 98-99, 107-108,

193-194; Pistarino 1971: 22-23, 175-177). Само упоминание «команского» языка показательно: наличие в итальянской фактории переводчиков, знающих «команский» язык, означает, что золотоордынцы были далеко не последними из контрагентов итальянцев. Об этом же свидетельствует количество переводчиков — их несколько: Оддоардо Фрамба, Астельяно де Гоано, Иоанн де Кларенция, Теодоро де Арбаро. Возможно, этот список не полон. Ведь всего в актах Антонио ди Понцо упомянуто более двадцати лиц, подвизавшихся в качестве переводчиков и владевших, кроме «команского», латынью, греческим и загадочным языком «ромека» (см. Balard 1973: 233-238; Pippidi 1986: 287-288). При этом лишь о четверых из них сказано, какими именно языками они владели, а остальные названы просто «переводчиками».

Для обозначения ордынцев в актах используется несколько терминов: татары, сарацины, монголы. При этом наиболее употребительное название «татарин» — *tartarus*. Оно применялось как для работорговцев (Balard 1980: 147; Pistarino 1971: 16, 22-23, 175-177), так и при определении происхождения невольников — *de proienia tartarorum* (Balard 1980: 98-99, 193-194; Pistarino 1971: 16, 22-23, 103-105, 175-177). Лишь один раз о рабыне сказано, что она является монголкой — *de proienia mogolorum* (Balard 1980: 107-108). Известный Тандис из Маокастро назван сарацином (Balard 1980: 98-99), но ни один из упомянутых в картулярии Антонио ди Понцо золотоордынцев не является жителем Килии. Трое из них кочевники, рядовые воины, поскольку принадлежат определенным «тысячам», «сотням» и «десяткам»: 1) *Thoboch tartarus de miliario Coia de centanario de Rabech de decena de Boru*; 2) *Themir tartarus de miliario de Conachobei de centanario Cheloghi de decena Cogimai*; 3) *Dajch tartarus de miliario Meglibocha de centanario Cogichariosi de dexena de Thocoiar* (Pistarino 1971: 16, 22-23, 175-177). Все они продают женщин-рабынь татарского происхождения. Еще два татарина, помимо Тандиса, обитали в населенном пункте, местоположение которого остается загадкой: *Aruch et Oia tartaris habitatores Iavarii* (Pistarino 1971: 16). Только лишь один из золотоордынцев, который продает раба-русского (*de proienia de Rosia*), назван без указания места его проживания: *Tangareth Tartarus* (Balard 1980: 147).

Некоторые исследователи, опираясь на материалы актов Ан-

тонио ди Понцо, утверждают, что Килия в начале 60-х гг. XIV в. находилась под властью Золотой Орды. В качестве аргумента в пользу этого положения обычно приводят тот факт, что средством платежа в Килии служили серебряные аспры и нечеканное серебро, так называемые соммы, — то есть денежно-весовые единицы, характерные для Золотой Орды (БСГК 1981: 232; Baraschi 1987: 64-65). Высказывается мнение, что золотоордынцы, хозяйничавшие в Килии, были татарами царевича Дмитрия (Eskenazy 1983: 90; см. DRH.D 1977: 90). Однако сведения о золотоордынцах, имеющиеся в нотариальных актах Антонио ди Понцо, едва ли дают достаточно оснований для категоричного утверждения о подчиненности Килии Золотой Орде и тем более не позволяют отнести ее к числу золотоордынских городов.

Небольшое число золотоордынцев, обретавшихся в городе, по сравнению с итальянцами и греками, которые составляли основную массу торговцев, можно объяснить тем, что золотоордынцы не являлись жителями Килии и прибывали в город подчас издалека. Например, С.Бараски обратила внимание на то, что при заключении одной сделки в качестве свидетеля присутствует золотоордынец по имени Бехангур, названный представителем своего тысяцкого, — *Bechangur, nuncio Coia* (Pistarino 1971: 16). Этот факт как будто бы свидетельствует о том, что золотоордынское войско было расквартировано достаточно далеко от Килии (Baraschi 1987: 62-63). Трудно сказать насколько это верно, однако само пребывание в Килии посланца крупного ордынского военачальника содержит намек на существование каких-то упорядоченных отношений города с татаро-монголами из прилегающих земель. В относительном соседстве с Килией располагалось не менее трех больших улусов — кочевых ленных держаний, в каждом из которых в идеале объединяло количество хозяйств, необходимое для мобилизации и снаряжения отряда в 1000 воинов (Федоров-Давыдов 1973: 46-48). Один из трех степняков-ленников — Коя — и направил посланца в Килию. Можно думать, что город был связан с ордынцами определенными обстоятельствами политического характера и даже номинально признавал их сюзеренитет. Статус Каффы и некоторых других городов Крыма, а также обращение здесь монет и слитков серебра ордынского типа непротиворечиво объясняют положение Килии как автономного

населенного пункта, признававшего верховенство Улуса Джучи. По материалам Антонио ди Понцо видно, что татаро-монголы были в городе привычными гостями — ни «своими», ни «чужими», а потому и не исполняли тут ведущих ролей.

К сожалению, никакой ясности в проблемы истории Килии пока не могут внести археологические исследования. Килию XIV в. как будто бы нет оснований искать в стороне от одноименных современных городов на Дунае, однако убедительных археологических подтверждений не обнаружено ни на правом, ни на левом берегах.

Другой нижнедунайский центр — Ликостомо — известен по морским картам и лоциям конца XIII-XIV вв., по итальянскому актовому материалу второй половины XIV в. В отличие от Монкастро и Вичины, Ликостомо считался менее важным пунктом и обозначался не на каждой карте. Этот небольшой населенный пункт находился на берегу одноименного рукава дунайской дельты. Долгое время историографы отождествляли город Ликостомо с Килией (Hiescu 1972: 435-462). Высказанная еще В.Гейдом догадка, что это два разных пункта, вроде бы теперь находит документальное подтверждение. Обнаружены нотариальные акты, составленные в каждом из городов в 60-80-е гг. XIV в., но едва-ли эта проблема может считаться решенной.

Из 17 актов нотариев Доменико ди Кариньяно и Оберто Граси ди Вольтри, составленных в Ликостомо в 1373 и 1383-1384 гг., которые дошли до новейшего времени, лишь один представляет интерес для данного исследования. Речь идет о сделке, состоявшейся 14 сентября 1373 г. Документ свидетельствует о некоем Георгии из Генуи, который нанялся на службу (*servire*) сроком на пять лет к Андреа де Монтекатино. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что этот Георгий ранее носил татарское имя — *Georgius de Ianua, olim Tartarus* (Balbi, Raiteri 1973: 198). Приходится только предполагать, какие жизненные коллизии сопутствовали этому человеку несомненно ордынского происхождения.

Пожалуй, разумно предположение, что Георгий являлся отпущенником. Проданные в рабство в молодом и даже в юном возрасте, многие татарские невольники оказывались служками в богатых домах крупных итальянских городов. По различным свиде-

тельствам как раз в 70-е гг. XIV в. доля татар среди рабов во Флоренции, Венеции и Генуе достигла 77-87 % (Gioffre 1971: 14). И в XIV, и в XV вв. хозяева-итальянцы, как правило, нарекали их христианскими именами (Balard 1980: 36, 39; Gioffre 1971: *tabelle*). Отдельные из них получали свободу (Balard 1980: 36; Барбаро 1971: 152), которая, естественно, не давала им равных с итальянцами прав. Не случайно среди прибывших из Генуи в Ликостомо лиц только Георгий не отнесен к категории *Ianue civis* (см. Balbi, Raiteri 1973: 229). Надо думать, что положение бывшего раба не сулило Георгию ничего хорошего вдали от родины и он, наконец, оказался в Ликостомо.

Трудно сказать, чем предстояло заниматься татарину-отпущеннику на службе у Андрея Монтекатино, однако следует обратить внимание на два момента, вероятно, указывающие на важность его будущей деятельности. Во-первых, свидетелем при оформлении поступления в услужения является сам глава гражданской администрации Ликостомо, консул Пауло де Подио. При составлении бумаг, связанных с рабами, ни в Ликостомо, ни ранее в Килии участие в качестве свидетеля консула не отмечено. Во-вторых, предусмотренная плата в семь флоринов ежегодно была не такой уж малой: на эту сумму вполне можно было приобрести три лошади или раба³. Сказанное представляется достаточным основанием, чтобы допустить мысль об использовании Георгия как подручного при контактах с его бывшими соотечественниками, ордынцами. Недаром Георгий добрался на Дунай, поближе к родным краям, хотя годы, проведенные в Генуе, видимо, настолько изменили его образ жизни, что он уже не мог вернуться в кочевые степи. Впрочем, этот татарин мог быть привезен сюда нарочно для использования опять-таки во взаимоотношениях с ордынцами. Что касается иного рода деятельности золотоордынцев в Ликостомо, то нотариальные акты 70-80-х гг. XIV в. таких сведений не содержат. Судя по всему, Ликостомо являлся в первую очередь генуэзской военной базой на дунайском острове и именовался крепостью — *in castro Licostomi*. Все управление находилось в руках

³ 6 флоринов составляли 8 генуэзских лир, а 1 лира — примерно 35 джучидских дирхемов (Сметанин 1988: 103; Balleto 1976: 182-183). О ценах на невольничьем рынке Каффы см. Бадян, Чиперис 1974: 178-180.

военной администрации во главе с губернатором и гражданской — руководимой консулом. Несмотря на небольшое число сохранившихся актов, в них упомянуты, наряду с губернатором, три консула, четыре нотариа, переводчик курии и другие должностные лица. О значении Ликостомо для итальянцев говорит тот факт, что губернаторами сюда назначались представители видных генуэзских фамилий (среди должностных лиц Килии таковых нет). Создается устойчивое впечатление, что Золотая Орда даже не претендовала на Ликостомо, ибо в противном случае это нашло бы хоть какое-то отражение в записях нотариусов, как, например, в случае с действиями деспота Добротицы (Balbi, Raiteri 1973: 197-222).

Признавала ли юридически администрация Ликостомо верховенство золотоордынского хана, хоть в какой-то мере и на каком-то этапе? Использование здесь в 1383 г. да и ранее в Килии при совершении торговых операций торговых аспров местной чеканки, если только и впрямь монеты выпускались в подражание джучидским (Balbi, Raiteri 1973: 213, 217; Iliescu 1971: 261-266; 1974: 451-456), дает утвердительный ответ на вопрос. Не противоречит этому и итальянские карты, помещающие Ликостомо в пределах улуса Джучи.

Подводя итоги сказанному, следует обратиться к историографии. Примечательное, с точки зрения проблематики генезиса феодализма, мнение высказал П.П.Быря. Обратив внимание на непосредственное включение Днестровско-Прутского междуречья в государство Узбека, он заключает: «Формированию феодальных отношений был придан таким образом «золотоордынский путь» развития, главным содержанием и целью которого являлось систематическое взимание дани и податей с местного населения» (Быря 1987: 45). Позднее, во времена хана Джанибека, наблюдается значительный подъем экономики края, сопровождающийся возобновлением градостроительства и городской жизни, но в «новых условиях». Рассмотренные в настоящей работе материалы в какой-то мере углубляют понимание сложных исторических процессов эпохи господства Золотой Орды, особенно бурно протекавшей в городах.

Как и в других областях, подчиненных Чингизидам, здесь противоборствовали два направления татаро-монгольской политики:

часть феодальной верхушки стремилась опустошать зоны оседлости военными набегами, другая пыталась наладить механизм их регулярной эксплуатации (Федоров-Давыдов 1965: 51-56). Преобладание на начальном этапе завоевания первой тенденции, по всей видимости, привело к дезурбанизации низовий Дуная и Днестра уже в результате нашествия орд Батыя (Desei 1973; Павлов, Атанасов 1994: 5-20)⁴. Поэтому возрождение городской жизни в регионе происходило в условиях существовавшего в той или иной форме татаро-монгольского господства. Определенного пика своего развития городские центры края достигли к концу XIII в., когда Днестровско-Дунайское междуречье в его приморской части стало ядром независимого улуса Ногай. Именно под покровительством и контролем могущественного темника в Мальвокастро и Вичине ведут свою деятельность генуэзцы, а в дельте Дуная существует митрополия, подчиненная константинопольскому патриарху, и создают свой монастырь францисканцы. Восстанавливались традиционные связи с Византией и Вторым Болгарским царством. Бразды политического правления в конечном счете находились у Ногаидов и их окружения. Оба города входили в зону циркуляции джучидских монет крымского и местного чеканов. Очевидно, что каждый из них и при Ногае играл присущую городу роль «центра, фактора и «моста» во взаимодействии разных духовных и материальных культур» (Сванидзе 1989: 295), хотя и на сцене, сооруженной победами татаро-монголов.

С ликвидацией сепаратизма западных окраин оба города освобождаются на время от непосредственной опеки ордынцев. Вероятно, это не была простая смена декораций, желательная для завоевателей. Относительная политическая и религиозная свобода и власть способствуют укреплению социальных структур византийско-болгарского типа, освященных канонами православия. Вспыхивают острые конфликты с носителями ценностей католи-

⁴ Процесс запустения городов в Нижнем Подунавье прослеживается в падении интенсивности денежного обращения, слоях пожарищ середины XIII в. (см. Пенчев 1987: 26-30; Oberländer-Tâmpoveanu 1989: 127-149). Ссылаясь на мнение А. Дечей, П. Ф. Параска предположил, что в 1242 г. разграблению ордами монголов подвергся и Белгород (Параска 1981: 29). Вместе с тем пока нет убедительных сведений о существовании здесь города ранее, чем в конце XIII в.

ческого мира. Однако автономный режим городской жизни на западе и его дальнейшие перспективы пресекла воля верховного сюзерена.

Прежний порядок вещей был ликвидирован. Итальянский и болгаро-византийский компоненты феодального развития городов довольно быстро были оттеснены на второй и третий план собственно ордынским. Татаро-монголы сумели прибрать к рукам социально-политическую сферу жизнедеятельности в городах, а также отчасти экономическую и религиозно-культурную. К 50-60-м гг. XIV в. и Сакджа, и Акджа-Керман, надо думать, имели вполне сложившийся облик мусульманских городов.

Иная судьба была у Килии и Ликостомо. Их роль в морской торговле итальянцев, как видно, возрастала по мере все большего освоения золотоордынцами Маокастро и Вичины. Вероятно, Килия стала на какое-то время Каффой Северо-Западного Причерноморья, а Ликостомо — военным гарантом нормальной торговли генуэзцев на Дунае. Так или иначе, но эти города не были ни в какой мере золотоордынскими, хотя не исключено, что признавали политическое главенство татаро-монголов в регионе.

Следует подчеркнуть, что письменные источники не содержат сведений ни об одном изначально татаро-монгольском городе в Днестровско-Дунайских землях. Это, как правило, центры, находившиеся под некоторым политическим влиянием и контролем, два из которых были постепенно посредством военно-политической мощи завоевателей «перелицованы» в ордынские. Характерно, что их историческая судьба отразилась и в топонимах. Ликостомо и Килия известны только под этими названиями, греческого происхождения. Что касается Белгорода и Исаки, то они известны как по греко-итальянским наименованиям, так и по тюркским. Названия двух собственно ордынских городов, обнаруженных и исследуемых археологами у сел Костешты и Требужены, в памятниках письменности не сохранились. Правда, требуженское городище, по-видимому, оставило свое наименование 60-х гг. XIV в. в надписях на монетах локального чекана. Топоним имеет арабский и тюркский варианты: Шехр ал-Джедид и Янги-Шехр — «Новый город» (Янина 1977: 193-213).

Все неордынские города, в том числе и «перелицованные» завоевателями, вопреки большим потрясениям, пережили эпоху гос-

подсвта Золотой Орды в крае. В то же время города в Кодрах жизнь оставила вместе с ордынцами, поскольку судьба городских центров золотоордынского типа зависела от судьбы государства, которым так или иначе они были порождены. С упразднением власти Улуса Джучи в Карпато-Днестровских землях, столь же внезапно, как появились, омертвели города на Реуте и Ботне. Другие города смогли выжить только за счет сохранявшихся и в условиях иноземного властвования XIII-XIV вв. неордынских составляющих. Эти последние и донесли нечто из «ордынского наследства» в последовавшую затем эпоху доминирования в регионе Валахии и Молдавии.

Как представляется, выявленный в трех главах динамизм разных сфер жизни городов края, четко прослеживающийся при анализе данных письменных и нумизматических источников, вплотную подводит исследование к решению проблем периодизации. Очевидная необходимость синтеза сопряжена, однако, с труднопреодолимым препятствием — отсутствием пространственно-временного каркаса периодизации, архитекtonика которого покоилась бы на расчетах, а не на интуиции его создателя. Отсутствие разработанного и апробированного исторической наукой набора приемов построения периодизации общественных процессов заставляет меня обратиться к этому вопросу с надеждой свести к минимуму авторский субъективизм.

Глава 4. ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ПЕРИОДИЗАЦИИ

4.1. Ритмы товарно-денежного обмена

Города XIII-XIV вв. в низовьях Дуная и Днестра были не только центрами большой международной торговли, но средоточием мелкотоварной экономики¹. Этот момент отчасти отражен материалами письменных источников, однако главным показателем характера городского хозяйства является состав нумизматических коллекций. Речь идет о большом количестве разменных медных денег, господствовавших на городских рынках того времени² — табл. 1. Между тем медь замещает серебро «в тех областях, товарного обращения, где монета циркулирует наиболее быстро, а, следовательно, наиболее быстро снашивается, т.е. там, где акты купли и продажи постоянно возобновляются в самом мелком масштабе» (Маркс 23: 136).

Отмеченное обстоятельство, а также достаточно высокий уровень разработки монетных находок позволяют поставить вопрос о периодизации регионального денежного обращения. Именно изучение нумизматических материалов, я надеюсь, сделает возможным делением «человеческого времени» на отрезке в соответствии с его «собственным ритмом», «пограничными зонами» и в конечном счете — с «контурами самой действительности»

¹ В Килии 1360-1361 гг. мелкие сделки были частым явлением, например при купле-продаже меда и воска (см. Pistarino 1971; Balard 1980).

² В качестве разменной монеты Юго-Восточной Европы XIII в. в большом количестве ходили биллоновые деньги — из сплавов, в которых содержание меди преобладало над серебром. Еще один путь получения «разменных» денег — резка монет на несколько частей — также широко и регулярно применялся тогда в регионе.

(Блок 1973: 101). Эта проблема до сих пор вовсе не рассматривалась и, в известной мере, представляется белым пятном. Впрочем, такого рода исследование не является самоцелью, а носит прежде всего методический характер. На мой взгляд, периодизация монетной циркуляции предоставляет возможность для создания рубрики городской жизни, поскольку прекращение хождения денег на местных рынках означает если не гибель, то совершенный упадок экономики. Пресечение товарно-денежных отношений неизбежно ведет к натурализации обмена, хозяйства и дезурбанизации.

По всей видимости, периодизацию городской жизни с определенными оговорками можно переносить на развитие региона в целом. Целесообразность этой экстраполяции обусловлена особенностями общественной эволюции в Днестровско-Дунайских землях. Здесь ведущей оказывается тенденция к всеобщей урбанизации. За исключением района Кодр, географически тяготеющего к Среднему Поднестровью, жизнь в других местах существовала едва ли не в чисто городской форме, с присущей ей товарно-денежной основой.

Исследования письменных источников, интенсивные раскопочные работы и относительно полные публикации материалов полевых исследований создают надежный источниковый контекст для решения вопросов интерпретационного плана. Отложившиеся в результате социально-экономического и политического развития региона, подстегнутого в XIII-XIV вв. деятельностью Золотой Орды, тысячи монет из городских коллекций и кладов могут стать хорошей базой такой разработки. Массовость комплекса и сопоставимость нумизматических данных с информацией письменных источников обеспечивают получение верных представлений о направленности экономической, а также общественно-политической эволюции городов. Вместе с тем следует признать, что полученные результаты нельзя прямо отождествлять с исторической периодизацией, поэтому выводы, построенные на анализе нумизматических материалов, будут сопровождаться корректировкой по другим параметрам городской истории.

Как следует из уже проделанной работы, денежное обращение Поднестровья, являясь важной частью товарных отношений в Золотой Орде, все же приобрело ряд специфических черт. Еще в

большей мере логично предполагать существование подобных провинциальных особенностей монетной циркуляции в зоне дунайской дельты. При этом неравномерность и многообразие процесса обращения монет должны были привести к возникновению в пределах данного географического района собственных, отличных друг от друга ареалов. Подразумевается исследование на нумизматических коллекциях взаимоотношений Золотой Орды и ее западной периферии в городах, где главным образом и происходили товарный обмен и монетная циркуляция. Привлекаемые к работе данные о находках монет на городищах Старый Орхей, Костешты, Белгород, Пэкуйол луй Соаре и Нуфэру почерпнуты из публикаций.

Хронологический диапазон джучидских монет Старого Орхея не очень широк — со времени Токты (1290-1313) по 1368-1369 гг. (ДСО 1981: 81-88). Начало же регулярного потока денег нельзя связывать не только с упомянутым ханом, но и с его преемником — Узбеком (1313-1342). За три десятка лет пребывания его у власти на городище отложилось только 11 серебряных монет (1,2% всей коллекции). Если учесть направленность политики Узбека на укрепление городов, поощрение торговли, число его монет на других городищах, где они часто преобладают количественно, например, в Азаке их 182 против 13 Джанибека (Фомичев 1981: 229-231), то становится понятной маловероятность начала массового поступления монет в Старый Орхей в 10-30-е гг. XIV в. Интенсивное поступление сюда джучидских монет принято относить только к 40-м гг. XIV в. (ДСО 1981), когда золотоордынский трон занимал Джанибек (1342-1357). Монеты, выпущенные в это время, составляют в коллекции Старого Орхея свыше 59% — 545 экземпляров.

Вслед за подъемом в городе наступает кратковременный, примерно пятилетний застой денежного обращения, после чего при хане Абдуллахе (1362-1369) наблюдается новый недолгий расцвет циркуляции монет (рис. 2). Анализ находок по месту чекана показывает, что во времена Джанибека преобладают эмиссии столичного монетного двора Сарай ал-Джедид, которые доминируют в коллекции вообще — более 43%, а при Абдуллахе ведущее место принадлежит выпускам Шехр ал-Джедид и Янги-Шехр, превышающим 28% общего количества монет.

О характере денежного обращения в городе на Реуте говорит мизерное количество иноземной монеты — она проникала с северо-запада из Галицкой Руси и Чехии, однако это происходило спорадически. Новый город был прочно связан с денежным обращением в Золотой Орде. Впрочем, так было недолго — при хане Абдуллахе происходит отрыв города от общеордынской циркуляции монет. Собственные нужды горожан обслуживают деньги локального чекана. Речь идет о потребностях внутреннего рынка, так как из 259 найденных здесь монет эмиссий Шехр ал-Джедид только семь (2,7%) серебряные. Об этом же свидетельствует и общее соотношение в коллекции серебряных и медных экземпляров — 1 к 9, а также незначительная доля монет из других центров 1362-1369 гг. — 6,16% (17 экз.).

Отмеченные особенности денежного обращения, наблюдаемые в Старом Орхее, достаточно ясно видны и на двух других городищах Поднепровья — Костештах и Белгороде, коллекции которых не столь представительны. Огромное городище на реке Ботна представляет коллекция, едва превышающая сотню монет (Полевой 1969а: 146-161; 1979: табл. 13). Доля неджучидских денег здесь, как и в Старом Орхее, ничтожна. Имеются данные только о двух таких экземплярах — из Чехии 1310-1346 гг. и Трапезунда 1349-1390 гг. На городище в Белгороде-Днестровском собрана коллекция монет XIII-XIV вв., примерно равная костештской (Булатович 1986: 117-120). При сравнении циркуляции монет трех золотоордынских городов Поднепровья (табл. 2, рис. 1) наиболее впечатляющими моментами являются преобладание монет двух хронологических отрезков — правлений Джанибека и Абдуллаха, господство среди экземпляров второй группы местных выпусков Нового города. Тесная взаимосвязь характера и состава денежного хозяйства на всех трех памятниках, несомненно, является свидетельством единства экономической жизни и политической судьбы городов. Периоды интенсивного поступления монет в городские центры Поднепровья совпадают так же, как и стадии упадка. Первый всплеск связан с тесными связями Поднепровья и Нижнего Поволжья, в частности, столицы Сарай ал-Джедид, а подъем 60-х гг. — с определенной обособленностью исторического развития этой группы городских центров.

В середине XIV в., на которую приходится более половины

материалов на каждом из памятников, на рынок города в излучине Реута попадали монеты, чеканенные в основном в Новом Сарае на протяжении только трех лет — 751, 752 и 753 гг.х. (1350-1353 гг.). До 751 г.х. выпущено совсем небольшое количество датированных экземпляров — 9, отделенных друг от друга заметными хронологическими разрывами. Медные монеты Джанибека 40-х гг. с орлами здесь очень редки, а после 753 г.х. приток денег в город прекратился вовсе (ДСО 1981: 84, 87; табл. 2). Следующая за ними «младшая» монета бита лишь в 759 г.х. О том, что монеты эмиссий, предшествующих 751 г.х., попали в Старый Орхей, скорее всего, в период первого всплеска денежного обращения, достаточно красноречиво говорит погодичная плотность монет. Для 751-753 гг.х. она равна 68 единицам (монет в год), тогда как для времени Узбека 714-734 гг.х. составляет 0,75 единицы, а для 722-734 гг.х. и того меньше — по 0,31 монет в год. В период 735-745 гг.х. монеты вообще отсутствуют, а накануне первого всплеска, уже при Джанибеке 746-750 гг.х., их плотность составляет всего лишь 1,8 единицы, или почти в 38 (!) раз меньше, чем в последующие три года.

Столь своеобразная картина поступления денег столичного чекана на рынок Старого Орхоя показывает неоднородность западного направления проникновения общегосударственных монет и связей Поднепровья с культурным и административно-политическим центром Золотой Орды. Из 449 экз. джучидских определимых монет, завезенных в город (без эмиссий Шехр ал-Джедид и стертых), свыше 89%, отчеканено в Новом Сарае, главным образом при хане Джанибеке. Такое обилие монет данного эмитента, выпущенных одним монетным двором в течение нескольких лет, подтверждается составом коллекций Костешт и Белгорода. Кроме того, клады, содержащие монеты Джанибека, наглядно демонстрируют преобладание более поздних экземпляров этого хана (Нудельман 1985: 102; табл. 17). Примечательна картина распределения монет Джанибека в костештской коллекции, где 100% экземпляров, датирующихся с точностью до одного года, выпущены в 753 г.х. Ни одной монеты, которую можно отнести к более поздним эмиссиям Джанибека, нет, а ранее отчеканен лишь один экземпляр — на нем читается 74... г.х. (Полевой 1969а: 151-155). Объяснение этого явления предложено выше.

Не менее интересна и ситуация второго пика, отмечающая преобладание эмиссий Шехр ал-Джедид — свыше 93%. В Белгороде они составляют более 97%, а в Костештах — все 100% экземпляров монет, характеризующих новый всплеск 1363-1368 гг. За этим должно скрываться знаменательное явление в истории городов на закате ордынского господства в крае. Историческая интерпретация открывшегося феномена не является пока однозначной. Вполне обоснованно выглядит точка зрения С.А. Яниной на историю Шехр ал-Джедид. Исследовательница считает, что в 765-766 гг.х. на Реуте обосновался хан Абдуллах со своей ордой. Город стал на недолгое время его столицей и чеканил в течение пяти лет монеты (Янина 1977: 207-209). Аргументация этой гипотезы наблюдениями, сделанными при сопоставлении штемпелей монетчиков, достаточно убедительна.

Отметив единство денежного обращения городов Поднестрожья в XIV в., следует обратить внимание и на некоторые частные расхождения. В отличие от Старого Орхья и Костешт, в Белгороде известны нумизматические материалы XIII в. — это 3263 монеты из Аккерманского 1904 г. клада, представленные почти исключительно эмиссиями дирхемов Токты крымского чекана и их подражаниям. К ним примыкает коллективная находка шести аналогичных монет Токты, две из которых датируются 1291 г. Специальный анализ кладов будет проведен ниже, здесь же отмечу лишь одно обстоятельство. По сравнению с белгородским 1970 г. и неопубликованным староорхейским 1980 г. кладами, вписывающимися в хронологические рамки существования городов, монеты из кладов XIII в. сильно отстоят во времени от прочих известных на памятнике нумизматических материалов. Это «опережение», а также едва ли не полное отсутствие единичных монет XIII в. на городище позволяют считать справедливым представление о первоначальном проникновении джучидской монеты в регион вследствие развития международной торговли Золотой Орды (ДСО 1981: 83). Может быть, к этому времени существования города относятся и три единичные находки анонимных монет с тамгой дома Бату, датировка которых спорна. Замечательным оказывается и то, что две из трех монет медные. То же касается и белгородских монет Узбека. Картина в Старом Орхее совершенно иная: в коллекции, десятикратно превосходящей бел-

городскую, медные монеты практически начисто отсутствуют вплоть до середины XIV в.³ Любопытно, что из Белгорода происходят и три медные монеты Киликийской Армении — Гетума I (1226-1276) и Гетума II (1290-1305).

За последние годы определенный материал для изучения истории городов в связи с деятельностью Золотой Орды накоплен и на Нижнем Дунае. Работы румынских и болгарских археологов и нумизматов позволяют сделать некоторые обобщения в контексте решаемой задачи. Небольшая, но интересная коллекция средневековых монет собрана за несколько лет исследований памятника городской культуры XII-XIV вв. Нуфэру на берегу дунайского рукава Святой Георгий (Oberländer-Târnoaveanu, Mănușu-Adameșteanu 1984: 257-266). Хронология нумизматических находок указывает, по меньшей мере, на два периода жизни на городище. В XII — первой половине XIII вв. господствующее положение в денежном обращении города сначала занимала византийская монета, а затем деньги Болгарии и Латинской империи. Однако во второй половине XIII в. денежное обращение в городе пресекается, не исключено, что в результате татаро-монгольских разгромов начала 40-х гг. Возрождение циркуляции монет происходит только в самом конце столетия при непосредственном воздействии Золотой Орды, с которой можно связать 12 экземпляров (более 25% коллекции). Особенность монет из Нуфэру состоит в разнообразии типов при незначительном их количестве. Семь монет достаточно надежно датируются концом XIII в. Это монета типа IC-XC, выпущенная в Исаке в промежутке 1290-1300 гг. По мнению авторов публикации, принадлежит она местному политическому образованию, признававшему верховенство эмира Ногай. Другая монета с арабской надписью «Нога(й)» и тамгой, согласно Э.Оберлендеру-Тырновяну и Г.Мэнуку-Адамештяну, отражает время господства временщика в качестве независимого хана. Дирхем чеканен в Сакдже в 1296-1300 гг. Пять монет, в числе которых маленькая коллективная находка (3 экз.), имитируют дирхемы Токты. На некоторых из них читается «Крым», годы 69..., 6..., 695 (?), имеется изображение тамги. Более сложен вопрос с

³ Исключение составляют 2 экз. анонимного чекана с тамгой дома Бату, датируемые 1280-1310 гг. (см. ДСО 1981: 81-82).

еще пятью анонимными медными монетами, которые датированы издателями очень широко — XIII-XIV вв. Среди них имеются пулы с изображением льва, тамги, выпущенные на монетном дворе Сакджи, и монета чеканки Крыма. Одну из находок авторы относят к «эпохе Узбека или после». Совокупность данных о подобных монетах в Румынии позволяет датировать их широко — первой половиной XIV в. Об этом говорят и находки, хронологически замыкающие коллекцию из Нуфэру, — болгарский грош Ивана Александра и Михаила чеканки 1331-1355 гг. и сербский динар 1346-1355 гг. Стефана Душана, принявшего уже титул «императора ромеев и короля сербов». Такую датировку в какой-то мере подтверждает найденный здесь полвека назад клад серебряных монет, из которого известны 92 экземпляра, в том числе 91 Стефана Душана 1346-1355 гг. Очевидный вывод из анализа монетных находок на городище Нуфэру: город в конце XIII — первой половине XIV вв. так или иначе входил в сферу золотоордынского влияния.

Сложным является состав монетной коллекции со средневекового памятника Пэкуял луй Соаре (Iliescu 1977: 148-163), собранной за восемнадцать лет исследования городища. Из нее вычленены золотоордынские и синхронные им монеты, охватывающие конец XIII-XIV вв. — самая ранняя джучидская монета принадлежит Тула Буге (1287-1290). Всего оказалось 226 таких находок: золото — 1, серебро — 44, медь — 181. Болгарские монеты преобладают — их более двух третей. Небольшими группами представлены чеканы Византии, Сербии и Валахии — соответственно 2, 4+1 (?) и 11 экземпляров. Монет, связанных с Золотой Ордой, в несколько раз меньше, чем болгарских, но они численно значительно превосходят все остальные группы. Как и в коллекции из Нуфэру, джучидские эмиссии из Пэкуял луй Соаре очень разнотипны. Пять монет датированы концом XIII в.: это серебряные монеты Тула Буги — 1 экз., Токты — 2 экз. крымской чеканки 1290 и 1291 гг., а также два медных экземпляра с тамгой Ногай. В наибольшую группу из 13 дирхемов и 6 пулов входят анонимные эмиссии с изображениями тамги и геометрических фигур (треугольников, квадратов, пяти- и шестилучевых звезд), датированные издателем примерно 1310-1350 гг. К XIV в. отнесены четыре медные монеты «гибридного» типа, выпущенные в

устье Дуная, находившемся под властью золотоордынцев. На аверсах этих экземпляров помещена тамга, а на реверсах — крест. На монетах по-арабски начертаны даты, предположительно прочитанные О.Илиеску как 757 и 777 г.х., т.е. 1356 и 1375/1376 гг. Еще одна «гибридная» категория таких монет связана с денежным обращением Болгарии (Мушмов 1924: 86-88) и впервые подробно изучена Т.Герасимовым (Герасимов 1965: 25-30). Это серия найденных при раскопках на острове медных монет (33 экз.) с монограммой, читающейся как «Т(е)рт(е)р», на лицевой стороне и двуглавым орлом — на оборотной. Отдельные находки этого выпуска содержат дополнительные изображения звезды и полумесяца на аверсе и бюста человека с длинной косой на реверсе. Названные элементы, в четырех случаях надчеканенные, а в шести других — включенные в штемпель, принято было считать символами власти татаро-монголов над болгарским царем. Сюзереном объявлялся темник Ногай, а монеты относились к чекану болгарского царя Георгия I Тертера (1280-1292) и датировались второй половиной его правления — 1285-1292 гг.

Таким образом, коллекция из Пэкуюл луй Соаре содержит 24 собственно джучидских и 14 «гибридных» монет, что составляет около 17% учтенных экземпляров. Однако эта цифра не вполне отражает фактическую роль золотоордынской монеты в экономической жизни города и его округа. Дело в том, что свыше 80% коллекции составляет медная разменная монета, употреблявшаяся при совершении мелких меновых операций в повседневном быту и обращавшаяся исключительно в пределах местного рынка. Существенно дополнить картину может специальное сопоставление серебряных и золотых монет. Парадоксальность ситуации состоит, как мне видится, в том, что серебряных монет Золотой Орды в коллекции абсолютное большинство — 16 экз. против 13 болгарских. Если не учитывать 11 монет эмиссий валашских господарей (они датируются 1364-1394 гг. — хронологическим отрезком, на который не приходится ни одного дирхема), то окажется, что джучидское серебро объединяет около половины монетных находок из благородных металлов — 16 из 34 экз. Это может означать только то, что, по крайней мере, на отдельных этапах существования города в конце XIII — первой половине XIV вв. золотоордынская монета определяла направлен-

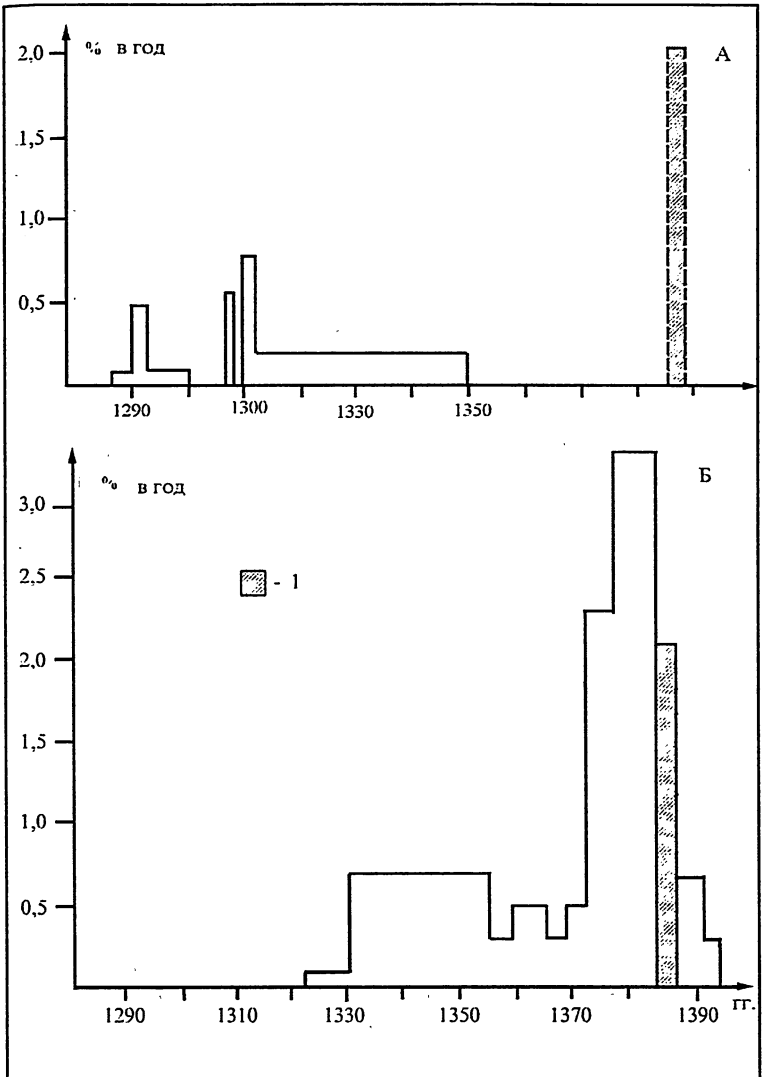

Рис. 6. Погодичное распределение джучидских гибридных (А) и болгарских (Б) монет на Пэкюял луй Соаре: 1 — гибридные монеты.

ность его экономических связей. Вне всякого сомнения, это находится в прямой связи с реальной политической властью Орды (табл. 11, рис. 6).

Стремление детально рассмотреть хронологию жизни города в орбите золотоордынского влияния наталкивается на объективную трудность — отсутствие единого мнения по опросам датировок и атрибуции медных гибридных чеканов в новейших исследованиях. Изучив стратиграфию и топографию находок уже упомянутых монет Георгия I Тертера (по Т.Герасимову и О. Илиеску), в связи с находкой в кладе второй половины XIV в. из Пэкулюл луй Соаре редкого серебряного экземпляра двуглавым орлом и греческой надписью имени эмитента, П.Диакону пришел к выводу, что они принадлежат Тертеру, сыну деспота Добруджанского княжества (Каварнского деспотата) Добротицы, и выпускались в Силистре в 70-80 гг. XIV в. (Isăcescu 1971: 345-353; Diaconu 1975: 247; 1978: 185-201; 1987: 142-158). Эту датировку в целом поддерживали болгарские нумизматы И.Йорданов и В.Пенчев, возражающие против атрибуции монет с контрмарками (Йорданов 1982: 119-129; Пенчев 1984: 26-30). По П.Диакону, надчеканки были сделаны валашскими господарями, скорее всего, Мирчей Старым, а экземпляры с дополнительными элементами, включенными в штампель, являются уже собственно валашскими, выпущенными в Силистре тем же эмитентом. И.Йорданов отвергает возможность принадлежности данных монет Валахии, а В.Пенчев, разделяя тезис о принадлежности контрмарок Золотой Орде, переносит это положение Т.Герасимова в историческую обстановку 80-х гг. XIV в. Выходит, что в последние годы господства Тертера в Силистре, в условиях нарастающей угрозы со стороны Тырновского царства, валашского господаря и турок, деспот признал себя вассалом Тохтамышша, надчеканил старые и выпустил гибридные монеты 1385-1387 гг.

Продолжающаяся полемика, к счастью, не мешает сопоставить монеты хронологически (табл. 11), поскольку в вопросах датировок специалисты расходятся в основном не столь значительно. По П.Диакону, данные выпуски датируются 1386-1388 гг. Румынский исследователь считает, что к монетам этого типа примыкают 32 экземпляра второй половины XIV в., определенные О.Илиеску как болгарские фальсификаты, поскольку эти медные выпуски

также будто принадлежат Мирче (Diaconu 1987: 157). Это недоказанное мнение по существу поддерживает Э.Оберлендер-Тырновяну (Oberländer-Târnoveanu 1988: 114-122), который оспаривает датировку и другой группы гибридных эмиссий. Это четыре монеты с арабскими числовыми надписями, предположительно прочтенными издателем как 757 и 777 гг.х. Так называемые «генуэзско-татарские» выпуски были осуществлены, очевидно, в Исакке. Собрав 33 экземпляра этого типа и сличив их, Э.Оберлендер-Тырновяну и И.Оберлендер-Тырновяну сумели установить верные начертания дат производства чеканов как 707, 710 и 711 (?) гг.х. — 1307/1308, 1310/1311 и, может быть, 1311/1312 гг. (Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I. 1981: 95). Изучив полемику П.Диакону, И.Йорданова и В.Пенчева, я склонен поддерживать точку зрения об отражении группой монет с дополнительными элементами золотоордынского влияния. Стремление совместить при чеканке оба типа изображений и включение позднее новых элементов в штемпель, несомненно, демонстрирует сосуществование новой власти с прежней — скорее всего, золотоордынцев с Тертером. Вряд ли так поступил бы после взятия Силистры валашский господарь. Выпуская новые и перечекаывая старые монеты, напротив, он должен был коренным образом изменить их символику, не ограничиваясь только внесением в иконографию второстепенных и, в общем-то, очень распространенных в нумизматике элементов — бюста, звезды, полумесяца. Удивительно, однако, что на монетах господарей Валахии не находится комплекс элементов, которые могли стать прообразом дополнительных изображений на выпусках Тертера (Iliescu 1970; MBR 1977: 7-22). Немаловажно и то, что, как правило, валашские деньги XIV в. были серебряными. Сочетание полумесяца и звезды на них вообще не встречается, как это имеет место, например, на синхронных молдавских монетах. Впервые такое сочетание мы нашли на дукатах Владислава II уже в середине XV в., где шестилучевая звезда больше напоминает розетку. Более того, и полумесяц сам по себе известен в XIV в. только на деньгах Влайку (1364-1377). Надо сказать, что изображение человека на динарах второго типа Раду I (1377-1383) — рыцарь в доспехах с копьем и щитом — не имеет ничего общего с профилем на монетах Тертера. Совершенно очевидно, что в двуглавом орле болгарского владе-

теля и гербе господарей Валахии прослеживаются разные, генетически не связанные традиции изображения этой птицы. Стало быть, говорить о том, что власть в Силистре мирным путем перешла к Мирче и что он действовал как законный преемник Тертера (Oberländer-Târnoveanu 1988: 122), на основе сравнения монет нельзя, да и письменных свидетельств тому нет. Маловероятной кажется и атрибуция П.Диакону медных фальсификатов. Именно поэтому, с нашей точки зрения, версия о влиянии Золотой Орды на чеканку Тертером в Силистре является более правдоподобной. Косвенно подтверждают это и редкие медные монеты, которые, по мысли Э.Оберлендера-Тырновяну, производились около 1360-1380 гг. в Килии. Принадлежат они к генуэзско-татарским фоллери, что говорит о некоторой роли в Подунавье золотоордынцев. Об этом же, может быть, свидетельствует и перечисление в титуле господарей Валахии конца XIV — первой четверти XV вв. ордынских пределов: «к татарским странам» или «*confinia Tartariae*» (DRH.B 1966: 31, 36, 63, 66, 70, 73, 80, 88, 90, 96). При этом мы непременно имеем в виду, что гибридные типы второй половины XIII в. из зоны Подунавья отразили только слабую тень былого могущества Золотой Орды, а не ее реальную власть.

Рассмотренные коллекции монет из городищ не единственные и даже не самые представительные, но они являют собой необходимые для исследования достаточно широкие комплексные срезы денежного обращения городских центров XIII-XIV вв. Приходится сожалеть об отсутствии такой публикации по материалам Исакчи, коллекция которой, похоже, была бы наиболее репрезентативной. Исакча-Сакджа, будучи крупным золотоордынским городом, имела, как доказано исследователями последних лет, собственный монетный двор. Хочется лишь обратить внимание на массовость нумизматических находок XIII-XIV вв. на городище в урочище Эски-кале на восточной окраине современной Исакчи. По данным И.Йорданова, с городища происходят болгаро-византийские клады 1241-1260 гг. с 800 нарезанными монетами, а единичные находки 1230-1261 гг. на памятнике количественно превосходят аналогичные из Велико Тырново и Мелника (Йорданов 1984: 107, 116-117, 219). Известен здесь клад золотых византийских монет второй половины XIII — первой четверти XIV в. (Iliescu 1975: 239-242), а также и золотоордынские нумизмати-

ческие материалы. О масштабах обращения здесь джучидской монеты можно составить очень приблизительное представление по сводке Э.Оберлендер-Тырновяну и И.Оберлендер-Тырновяну (Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I. 1981: 91, 103-106). Только эмиссия Ногая конца XIII в. и генуэзско-татарские выпуски 1307-1312 гг., чеканенные здесь же, насчитывают соответственно 70 и 32 экземпляра. Это позволяет надеяться, что с публикацией монетной коллекции Исаки многие теперешние неясности и ошибки будут ликвидированы.

В поисках материалов для корреляции временного распределения городских коллекций внимание обращено к синхронным кладом. Всего учтено 20 тезавраций, содержащих джучидские монеты XIII-XIV вв., из исследуемого региона и ближайших сопредельных территорий (см. Нудельман 1975: 95-98, 103-104; Полевой 1979: табл. 13; Абызова, Бырня 1983: 63; Булатович 1986: 117-118; Iliescu 1960: 270-273; 1964: 363-407; 1990: 655; Iliescu, Simion 1964: 217-218; Cîndea 1979: 165-172) — табл. 12. Наличие в них денег Улуса Джучи было необходимым условием такого отбора, поскольку индикатором культурно-исторической близости являются только ордынские дирхемы и пулы. Смысл привлечения сопоставимых материалов из кладов заключается и в иной по сравнению со свободными находками природе превращения денег в сокровища. Если одна отдельно взятая из слоя памятника монета указывает на одну точку товарно-денежных отношений минувшего, то клад представляет собой, как правило, единый органический фрагмент этих отношений.

Анализируемые клады отличаются друг от друга по многим определяющим параметрам: составу, хронологическому диапазону, времени тезаврации, наконец, трудно сопоставимы по количеству монет. Меня будут интересовать периоды накопления кладов, вернее, золотоордынских монет в них. Полагая, что в кладах откладывались монеты, циркулирующие на рынках того времени, логично видеть в них объективное отражение отдельных периодов жизни края, и в частности, городов. Именно поэтому нами привлечены клады из Сесен и Маралою, не имеющие, на первый взгляд, прямого отношения к золотоордынскому периоду. В действительности же золотоордынские части этих кладов, как и всех других, представляют случайные фрагменты денежного обраще-

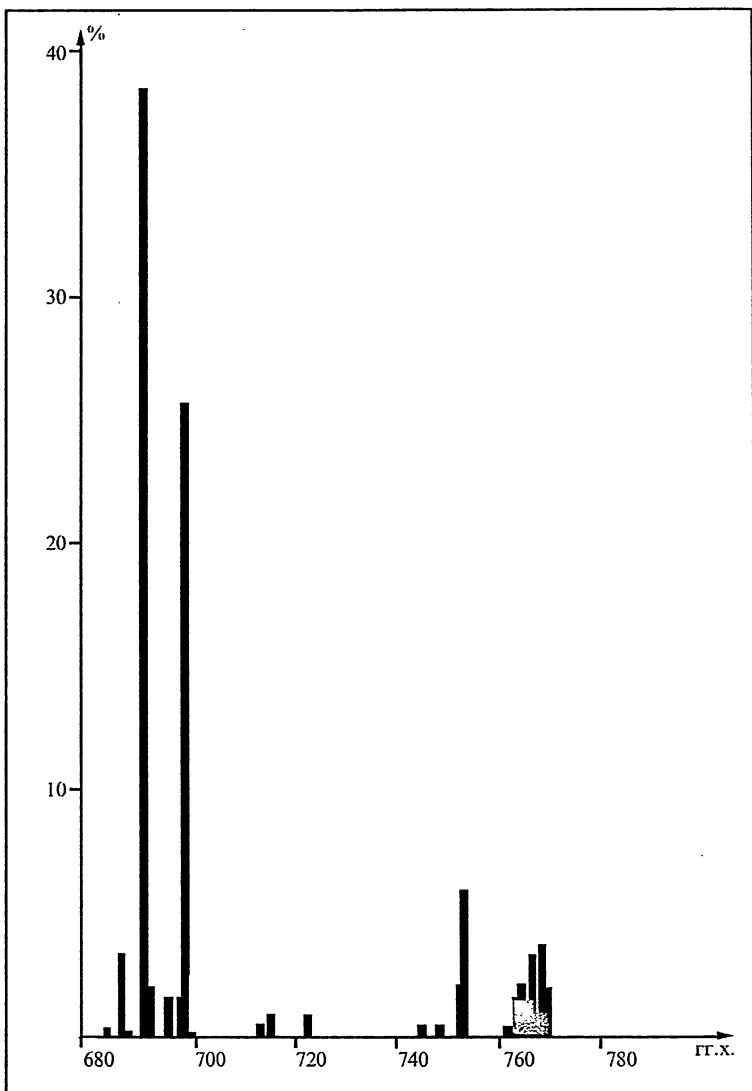

Рис. 7. Суммарное погодичное распределение точно датированных экземпляров в составе коллективных находок.

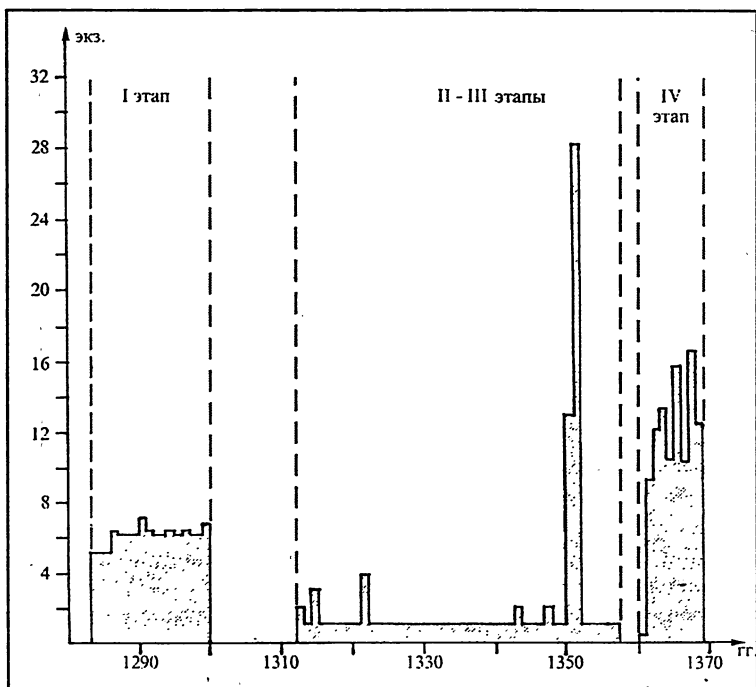

Рис. 8. Периоды интенсивного обращения джучидских монет по данным коллективных находок.

ния эпохи, и в этом смысле их сопоставление и корреляция с коллекциями городищ оказываются перспективными. С целью достижения высокой достоверности анализа монет, и здесь рассчитывается коэффициент погодичного распределения монет, который бессмыслен, если материалы датируются с точностью до года, но приобретает вес при сопоставлении групп находок с хронологией, колеблющейся в более или менее широких временных рамках.

Суммарные оценки погодичного распределения джучидских монет из кладов (табл. 13) позволяют создать графическую картину явления (рис. 7), сопоставимую с аналогичными, составленными для городов. Поскольку график, отражающий количественное и качественное содержание золотоордынских денег в кладах, охватывает весь период с конца XIII по 70-е гг. XIV вв., он может

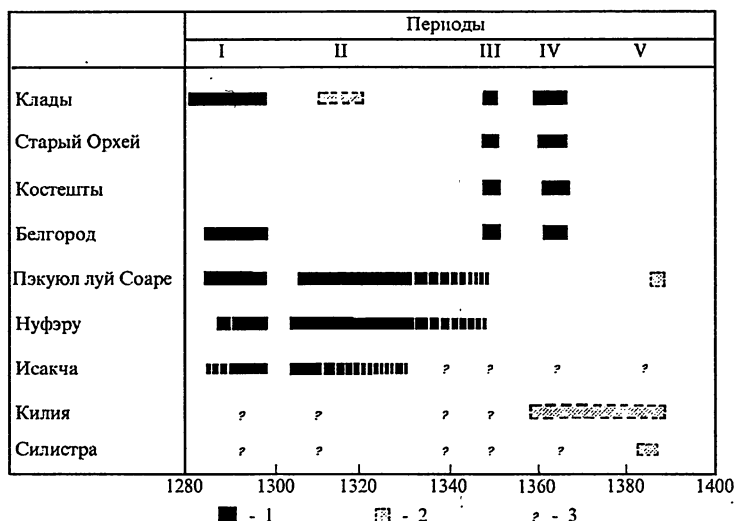

Рис. 9. Соотношение периодов интенсивного обращения в городах Дунайско-Днестровского региона конца XIII — XIV вв.: 1 — золотоордынские монеты; 2 — гибридные монеты; 3 — сведения отсутствуют.

служить своего рода эталоном при сравнении. Рисунок четко зафиксировал три ярких пика интенсивности денежного обращения, приходящиеся на конец XIII, середину и 60-е гг. XIV в. Впечатление небольшого всплеска оставляет и десятилетие 1313-1322 гг., очень уступающее трем другим (рис. 8). Характер и содержание этих моментов становится понятным только при сопоставлении с хронологией денежного обращения в городах. Обнаруживается временное совпадение отдельных периодов интенсивной циркуляции денег джучидских эмиссий на городских рынках с продолжительностью накопления их вкладах. Синхронизация моментов наибольшего поступления монет в города края (рис. 9) позволяет сделать важные наблюдения и выводы относительно локальных закономерностей. При этом особенно важно, что эскиз исторической деятельности, опорными точками для создания которого стали нумизматические материалы, непротиворечиво детализируется и расцветается сообщениями письменных источников.

На рис. 9 совершенно ясно видны своеобразные ритмы денежного обращения, повторяющиеся с определенной частотой и длительностью в городах. Построенная графическая картина четко показывает, что ритмы классифицируются на две основные группы, тем самым разделяя и городские центры. Можно говорить о двух типах развития товарно-денежных отношений, каждый из которых со всей очевидностью привязывается к разным географическим зонам — Поднестровью и Подунавью. Легко увидеть качественную однородность выявленной ритмики, хотя бы по интенсивности монетной циркуляции. Что конкретно стоит за каждой из групп ритмов товарно-денежных отношений и в какой мере они отражают специфику локальной городской истории, предстоит еще определить.

4.2 Ареалы и периоды монетного обращения

Графические рисунки выявленных статистических ритмов и всплесков денежного обращения в средневековых городах края доказывают существование общих черт городского хозяйства, прежде всего некоторых закономерностей товарно-денежных отношений. Этот как будто бы естественный вывод вызывает по меньшей мере два вопроса.

1. Можно ли на основании предложенной исследовательской процедуры составить объективное представление о давно исчезнувшей реальности по отложившимся в культурных слоях городов монетам, как о целом по части?

2. Правомерно ли выводить результаты нумизматического анализа за рамки проблематики собственно денежного обращения?

Ответы могут быть положительными лишь при соблюдении определенных правил работы с источниковым материалом. Во-первых, целесообразно последовательно придерживаться ряда принципов, провозглашенных Ф.Бродемом: а) математизация, б) пространственная привязка, в) длительная временная протяженность (Афанасьев 1986: 26). Во-вторых, обязательно правильное понимание «прокламативно-политических целей» монетной чеканки в смысле отражения всем набором ее изобразительных символов политической власти, статуса эмитента (Федоров-Давыдов

1989: 17).

В рассматриваемом случае база данных благоприятствует решению этих задач. Ритмы денежного обращения позволяют сгруппировать материалы, увеличивая массовость монетных групп. В этой связи вероятность получения позитивных результатов статистической обработки возрастает. Безусловна привязка материалов к пространству, а временной отрезок в два столетия хотя и не очень велик, в условиях перманентной нестабильности в регионе позволяет проследить достаточное разнообразие явлений и процессов, порой возникших, развившихся и умерших в течение изучаемого хронологического отрезка локальной истории. Нетрудно в этом свете проанализировать специфику денежного обращения в каждой из двух групп, на которые указывают ритмы монетной циркуляции. Характеристика этих особенностей в конкретно-историческом плане позволяет увидеть то, что скрывается за разностью исторической судьбы городской культуры Поднестровья и Подунавья.

Первая группа объединяет городища Старый Орхей, Костешты и Белгород-Днестровский. Для денег, имевших хождение на рынках трех названных городов в XIII-XIV вв., были присущи следующие общие черты:

- 1) полное господство джучидской продукции;
- 2) абсолютное преобладание медных эмиссий;
- 3) отсутствие экземпляров из биллона;
- 4) отсутствие гибридных типов;
- 5) незначительная роль монет, выпущенных в правление хана Узбека (1313-1357) и ранее;
- 6) подавляющее доминирование выпусков периода властвования Джанибека (1342-1357), в частности, чеканенных в 751-753 гг.х. столичной мастерской Сарай ал-Джедид;
- 7) большое число находок времени хана Абдуллаха (1362-1369), прежде всего 765-769 гг.х. местного чекана Шехр ал-Джедид.

Отмеченные подобия находят точные количественные подтверждения в цифрах таблицы 14, но ими не исчерпываются типические характеристики данного ареала городской жизни. В период, предшествующий татаро-монгольским завоеваниям, сколько-нибудь активного проникновения денег сюда не наблюдается. В ча-

стности, П.О.Карышковский отмечал: «К этому времени роль византийской монеты на северных побережьях Черного моря была закончена» (Карышковский 1971: 86). Действительно, в центрах Поднепровья практически отсутствуют как выпуски Византии XIII-XIV вв., так и Болгарии⁴. Находки монет Валахии здесь неизвестны и зафиксирована только одна монета Молдавии XIV в. Деньги молдавских господарей в массовом количестве появляются тут только в XV в., начиная с правления Александра Доброго (1400-1432). Разумеется, о хронологической стыковке этого этапа товарно-денежных отношений с предыдущим (ордынским) не может быть и речи.

Нумизматические комплексы Пэкуял луй Соаре, Нуфэру и Исаки, на мой взгляд, могут стать базой для выделения городских центров II группы. Конечно, полнота сведения о характере денежного обращения XIII-XIV вв. в этом случае далеко не всегда удовлетворительна, но все же и здесь удастся выделить ряд общих характеристик:

- 1) скромное место джучидских денег, среди которых относительно велика доля дирхемов;
- 2) наличие биллоновых денег, преобладающих в первой половине XIII в.;
- 3) распространение разменных денег гибридных типов местных чеканов;
- 4) циркуляция значительного числа ордынских монет, отчеканенных в конце XIII в. (крымских или в подражание крымским), одновременно или почти одновременно с гибридными — общий хронологический диапазон составляет примерно четверть века;
- 5) обращение на рынках городов дирхемов и пулов, выпущенных во втором-пятом десятилетиях XIV в., когда производство гибридных типов не велось;

⁴ Кроме известной находки медной трапезундской монеты из Костешт, в Старом Орхее имеются редкие экземпляры с искаженной арабской надписью и изображение двуглавого орла, «чрезвычайно сходного с орлами на трапезундских и болгарских монетах» (см. Полевой 1960: 319-320; табл. VII, 5-8). Этой проблеме посвящена статья Л.Л.Полевого, ожидающая выхода в журнале *Stratum* № 6 за 1999 г. За последние 40 лет работы количество находок монет такого рода на городище увеличилось всего на несколько экземпляров.

6) отсутствие в обращении джучидских денег, битых во второй половине XIV в.;

7) смена в середине XIV в., или несколько ранее, ордынских монет серебряными и медными выпусками болгарского царя Ивана Александра (1331-1371), чаще всего с соправителями — эмиссии 1313-1355 гг.

Сделанные выводы, так или иначе, подтверждаются вычислениями, результаты которых обобщены в таблице 15. Здесь умышленно не приведены процентные показатели по данным о монетах из Исакчи, поскольку они только искажали бы и без того односторонние знания о составе денежного обращения в городе. Не приходится сомневаться, что денежное обращение на Нижнем Дунае обладало по сравнению с Поднестровьем целым рядом очень конкретных отличительных признаков. К названным можно добавить еще несколько. Среди нескольких разновидностей гибридных эмиссий ведущую роль играла продукция Исакчи, в которой воплощались элементы, восходящие к арабским, греческим и итальянским традициям монетного дела. Для района характерно распространение, наряду с болгарскими, византийских монет разного достоинства, значение которых в товарно-денежных отношениях сильно упало во второй половине XIV в. Важнейшим моментом является и хронологическая стыковка на Дунае гибридных и даже собственно джучидских выпусков с деньгами Валахии и Молдавии времени первых господарей. На территории Северной Добруджи известно уже немало кладов с монетами валахских и молдавских господарей (Iliescu 1990: 649-656).

Впрочем, в обеих группах имеются явления, а стало быть, и целые города, хоть чем-то, но выпадающие из ряда подобных. В первой группе — это относительно высокий процент ранних монет, чеканенных до 1342 г., на белгородском городище. Их доля здесь в 2 раза выше, чем в Костештах, и более чем в 7 раз — в сравнении со Старым Орхеем. Это объяснимо, если учесть существование аккерманского клада 1904 г. с большим количеством монет исключительно конца XIII в. Отсюда возникает представление о вероятности сближения ситуации этого периода с первым всплеском монетной циркуляции в городах второй группы. В пользу такой постановки свидетельствует и соотношение во вре-

мени самых ранних находок из Белгорода. Наиболее компактная часть из 4 экз. приходится как раз на конец XIII — самое начало XIV вв., причем две из них медные. Другое возможное исключение — Исакча. Если этот центр действительно чеканил джучидские монеты вплоть до середины XIV в., то возникает хронологическая смычка с первым пиком в городах первой группы⁵. Монета же 769 г.х., правда, пока единственная, известная нам, прямо выводит на второй пик в поднестровской группе. Словом, намечается некоторое тяготение Исакчи на позднем этапе своего развития в XIV в. к Старому Орхею, Костештам и Белгороду. Это только подтверждает тезис о сложном протекании исторических процессов в Днестровско-Дунайских землях. Состав тезаврированных монетных комплексов говорит о том же, например, клад Вэкэрень-Лункавица (Hiescu 1990: 655).

Очевидно, пространственный анализ нумизматических коллекций показывает существование в XIII в. общего для низовий Дуная и Днестра ареала денежного обращения, который затем разделился. В Подунавье продолжалось развитие прежних тенденций, а в Поднестровье формируется новая зона монетной циркуляции, включившая и города Кодр. Если рассматривать весь узел проблем во временной плоскости, то можно со всей определенностью говорить о нескольких периодах денежного обращения в городах эпохи ордынского господства и влияния.

Первый период охватывает последние полтора десятка лет XIII в. В орбите доминирования джучидской монеты находятся четыре рассмотренных нами городских центра: Белгород, Нуфэру, Пэкуюл луй Соаре и Исакча. В Поднестровье и низовья Дуная поступают дирхемы почти исключительно крымской чеканки. Судя покладам, они попадали в регион большими партиями в связи с международной торговлей. Этот вывод подкрепляется и информацией генуэзского нотариуса из Каффы Ламберто ди Самбучето. В двух актах, оформленных в мае и августе 1290 г., он

⁵ На это могут указывать находки медных монет времени правления Джанибека (середина XIV в., вероятно, все тип с цветком), найденные на памятниках Нижнего Дуная. В частности, такие пулы найдены на левом берегу — в Орловке (Бондарь, Булатович 1989: 54), Джурджулештах (информация В.Хахеу) и на правом — в Исакче (Vertan, Custurea 1988-1989: 384-385).

отметил сравнительно крупные суммы, предназначенные для коммерческих операций в Мальвокастро и Вичине — 800 и 6125 аспров-барикатов, т.е. джучидских дирхемов (Balard 1973: 203, 368).

Анализ нумизматических материалов первого периода демонстрирует относительно слабо развитый внутренний рынок в Белгороде, где монеты, известные покладам в качестве единичных находок, пока не обнаружены. Несколько иной представляется ситуация в Подунавье, где была сделана попытка производства местных эмиссий. Они выпускались в Сакдже от имени Ногая и его сына Чаки. Эти монеты найдены и вкладах, где часто воспринимались прежде как подражания. Не исключено, что монеты местного чекана проникали и в Белгород. Во всяком случае, вкладе Аккерман I имелись не изучавшиеся специально подражания, а О.Илиеску считает один тип гибридных монет с тамгой Ногая и крестом продукцией Монкастро (Iliescu 1977a: 162. Pl. II, 2).

Второй период гораздо более туманен. Количество монет, приходящееся на него, во много раз меньше. Дело не ограничивается резким падением интенсивности обращения. Теперь основную массу составляет местная продукция, вероятно, Исаки, которая удовлетворяла узкорегиональные потребности. Среди локальных эмиссий имеются и гибридные чеканы, свидетельствующие об ослаблении позиций Золотой Орды в городах. Показательно и то, что монеты, выпускающиеся в это время, практически не попадали вклады, да и кладов, достоверно тезаврированных в первой половине XIV в., в Карпато-Дунайских землях нет. Неразработанность хронологии монет вынуждает очерчивать рамки временного промежутка очень приблизительно. По коллекции Пэкуйол луй Соаре можно пронаблюдать особенности этого периода. Наряду с обращением золотоордынской монеты, сюда со времени Ивана Александра (1331-1371) проникает и болгарская монета, идет процесс активного вовлечения города в зону циркуляции денег Второго Болгарского царства. Наблюдается двадцатилетнее наложение болгарских и золотоордынских монет (рис. 6).

Следующий, третий период, чрезвычайно краток — это четкий, в два-три года, хронологический отрезок в середине XIV в. Он характеризует уже не Подунавье, а городища в бассейне нижнего Днестра — Требужены, Костешты и Белгород. Основное содержание всплеска — мощнейший, но кратковременный прилив

или, может быть, вернее, выброс на западные окраины государства эмиссий столичного монетного двора. Думается, что материалы фиксируют возникновение совершенно новых городов и очередной стремительный поворот в истории Белгорода.

Четвертый период занимает 60-е гг. XIV в. и характеризуется выпусками местного монетного двора Шехр ал-Джедид, который, вероятно, размещался на месте городища Старый Орхей. Монетный двор просуществовал недолго, и прекращение его деятельности знаменует где-то к концу 60-х гг. закат городов Кодр. В этот период в обращении находилось немало монет 50-х гг., которые часто имеют контрамарки хана Абдуллаха.

Пока немногочисленные находки монет гибридных чеканов 60-80-х гг. XIV в. все же дают право постановки вопроса о пятом периоде денежного обращения. По-видимому, нужно в первую очередь говорить о развитии местных политических структур при участии итальянцев под покровом «верховенства» Золотой Орды. К эмиссиям данного круга следует отнести чеканы Тертера в Силистре, выпуски, сделанные в Килие, а также некоторые другие неатрибутированные типы. Важно, что в нотариальных актах Килии и Ликостомо этого времени встречаются упоминания о местных «аспрах», которые, по О.Илиеску, имитировали джучидские монеты (Iliescu 1971: 261-266; 1974: 451-456).

Единичные находки подобных монет, представляющие хронологически последний и очень слабо выраженный всплеск денежного обращения, обозначают момент завершения сколько-нибудь определяющего влияния Золотой Орды в истории региона. Руководящая роль золотоордынцев в городской жизни была сыграна еще раньше — к концу 60-х гг. XIV в.

Характеристика содержания моментов денежного обращения отметила изменения в исторической судьбе городов в орбите золотоордынского влияния. Более того, подробный анализ нумизматических коллекций дает основания говорить о типах эволюции городской жизни в условиях джучидского господства. На карте-схеме (рис. 10) видны три разновременные зоны циркуляции монет и, стало быть, три ареала городской цивилизации в пределах властвования Золотой Орды. Первая существовала в конце XIII в. и охватывала Низовья Дуная и Днестра с рядом городских центров. Ее пределы на востоке уходят в Крым, где отчеканена

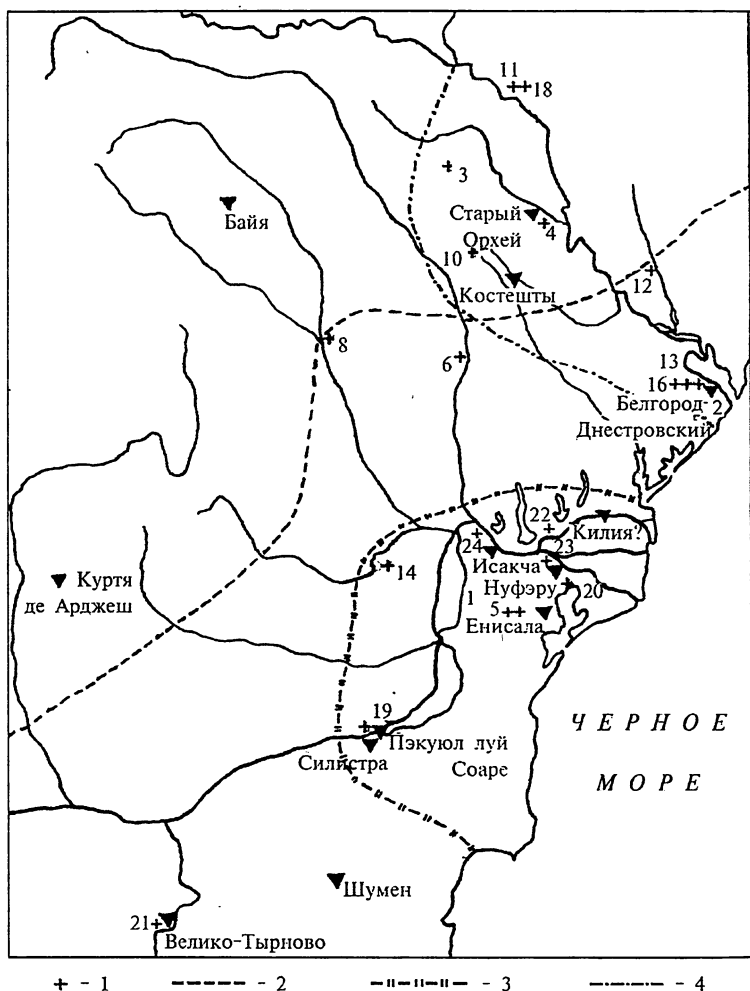

Рис. 10. Городища, клады с джучидскими монетами и ареалы денежного обращения в низовьях Дуная и Днестра конца XIII — XIV вв.:

1 — клады; 2-4 — примерные границы ареалов: 2 — I, 3 — II, 4 — III.

большая часть находок монет из рассматриваемого региона. Возникновение данного ареала городской жизни ясно связывается с попыткой беклярибека Ногай обособить западное крыло завоеваний Джучидов.

Второй ареал, если только верны монетные датировки, включает городские центры Подунавья, находившиеся в зависимости от золотоордынцев в первой половине XIV в. Судя по всему, эта подчиненность была наиболее сильна во времена Узбека. В течение времени существования ареала изменялся его статус и границы. В 40-50-х гг. татаро-монголы, вероятно, полностью завладели Вичиной (см. БСГК 1981: 226-227). Еще раньше из нижнедунайского ареала «выпал» Белгород. В монетном деле городов Подунавья отзвуки золотоордынского господства отражались и во второй половине XIV в.

Поднестровье 50-60-х гг. — третий ареал городской культуры. «Новый город» (Старый Орхей) и Костешты можно, пожалуй, считать единственными собственно золотоордынскими городами в Карпато-Днестровских землях. Судьбы их в 50-60 гг. XIV в. во многом разделил Белгород.

На внешние связи ареалов в различные временные промежутки указывают места чеканов. Подавляющее большинство изученных монет произведено четырьмя монетными дворами:

Крым — произведены в последние полтора десятилетия XIII в. и принадлежат, как правило, хану Токте. Г.А.Федоров-Давыдов считает, что эмиссии монетного двора XIII в. обращались, кроме Крымского полуострова, только в тесно связанном с ним Северо-Западном Причерноморье (Федоров-Давыдов 1960: 100). Абсолютное большинство находок крымского производства на территории нашего района известно покладам.

Сакджа — монетный двор на Дунае, функционировавший в конце XIII — первые десятилетия XIV в. Здесь выпускались как собственно золотоордынские монеты, так и «гибридные» типы, соединявшие в своем оформлении восточные и западные элементы. Согласно исследовавшему эти эмиссии Э.Оберлендеру-Тырновяну, первоначально это монеты местного политического образования византийских традиций, находящегося в вассальной зависимости от всесильного Ногай, затем династии Ногаидов и, наконец, сеньории Генуи, формально подчиненной татаро-монго-

лам (Oberländer-Tâmoveanu 1985: 585; 1987: 245-258). «Гибридные» формы, кроме арабских легенд, несут греческие и латинские.

Сарай ал-Джедид — монеты общегосударственного столичного чекана, выпущенные, главным образом, в течение нескольких лет в середине XIV в. при хане Джанибеке. Преобладают на городищах Старый Орхей, Костешты, Белгород и в ряде кладов из Поднестровья.

Шехр ал-Джедид — местные серебряные и медные монеты, чеканенные в 60-е гг. XIV в. по общеордынскому типу. Они имели замкнутый ареал обращения и чеканились, по С.А.Яниной, монетным двором на р. Реут.

Пространственно-временное распределение монет этих чеканов позволяет увидеть особенности денежного обращения в крае. Налицо дважды повторяющееся явление, когда широкий общегосударственный ареал, включающий рассматриваемый регион, распадается, и производство монет становится узколокальным. Так было в конце XIII — первой половине XIV вв., когда с прекращением поступления в Днестровско-Дунайские земли монет Крыма, на Дунае, в Сакдже ведется чеканка местной монеты, обслуживающей исключительно нижнедунайскую зону. В какой-то мере история повторилась в 50-60-е гг. XIV в., но более стремительно и уже в Поднестровье. Кратковременный мощный приток эмиссий Сарай ал-Джедид сменили выпуски Шехр ал-Джедид, имевшие хождение только в пределах местных рынков.

Сравнивая две зоны обращения монеты местных чеканов, нельзя не видеть их существенных различий. Нижнедунайская возникла и развивалась на стыке совершенно независимых традиций денежного обращения. Находясь время от времени то в соприкосновении, то в составе пределов циркуляции джучидской и болгаро-византийской монет, Подунавье стало местом появления выпусков, среди которых особенно выделяются гибридные типы, отражавшие то усиление, то ослабление золотоордынского влияния. В отличие от этого ареала, Поднестровье дало локальные эмиссии, не выходящие за рамки собственно золотоордынских традиций. Здесь исторический процесс протекал в русле перемен, происходивших во всем золотоордынском государстве 60-х гг. XIV в.

Материалы денежного обращения дают основания и для раз-

говора о типологии политико-экономического статуса городов, оказавшихся в орбите Золотой Орды. Предварительно можно выделить три группы городов:

- а) Старый Орхей, Костешты — собственно ордынские центры;
- б) Силистра, Килия — города, испытывавшие определенное влияние государства Джучидов;
- в) Белгород, Исакча, Пэкуял луй Соаре (?), Нуфэру (?) — города, занимающие промежуточное положение между названными группами.

Карта-схема совершенно ясно показывает, что выявленные ареалы не охватывают раннемолдавских городов, хотя позднее, в конце XIV — начале XV вв., Белгород и Килия вошли в состав Молдавского государства. Золотоордынские монеты проникали в Восточное Прикарпатье только в первый период, во времена Ногай, когда молдавские города попросту не существовали. В более позднее время ареалы обращения монет, связанных с Золотой Ордой, смещаются на юг, к Нижнему Дунаю, и на восток — к Днестру. Начало обращения монет в Байе и районе Сучавы датируется только последней четвертью XIV в. (Neamțu V. 1997; Matei 1997). Среди нумизматических находок преобладают монеты Петра Мушата (1375-1391), а из иноземных — синхронные им из Венгрии и Чехии (Diaconu, Constantinescu 1960: 89; Neamțu E., Neamțu V., Cheptea 1980: 141-148; 1984: 243-244). Понятно, что ко времени развития денежного хозяйства в молдавских городах периоды жизни городов Поднестровья и Подунавья в сфере влияния татаро-монголов уже миновали. Что касается керамических материалов, известных в небольшом количестве в Сучаве и Байе (Matei 1978: 547-548; Neamțu V., Neamțu E., Cheptea 1984: 164), то они, вероятно, попали на памятники в 50-60-е гг. из золотоордынских городов Поднестровья. Высказано мнение, что эти связи были спорадическими (Полевой 1988: 19) и, следовательно, не могли оказать существенного влияния на формирование городских центров Молдавского государства.

В значительной мере по-иному складывалась судьба городов Валахии, хотя Куртя де Арджеш, к примеру, также очень отдален от выделенных нами ареалов. Столица Валахии еще до татаро-монгольских нашествий испытывала влияние со стороны Византии и государства Асений. Это отразилось и в денежном обращении

нии. Со временем эта связь усилилась. Раскопки в ряде мест, в том числе на Пэкуюл луй Соаре, показывают, что наблюдается преемственность денежного обращения, связанная с Тырновской, Видинской Болгариями и деспотатом Добротицы. Любопытно, что в районе Нижнего Подунавья активно проникают не только деньги Валахии, но и Молдавии. Здесь, по-видимому, происходило взаимодействие, но не с собственно ордынскими структурами, а с теми гибридными образованиями, возникшими на местной основе в условиях, когда край находился под контролем иноземцев.

4.3. Стадиальность городского развития

Походы полчищ Бату конца 30-х — начала 40-х гг. XIII в. открыли целую эпоху властвования азиатских завоевателей в Восточной и Юго-Восточной Европе, включая и южную часть Днестровско-Дунайских земель. Обитатели этих территорий оказались включенными в военно-феодальную систему господства, сложившуюся в пределах самого западного из государств Чингизидов — Золотой Орде. Эксплуатируемое ордынцами население можно разделить на три группы с присущими каждой особенностями социально-экономического и культурно-исторического облика: кочевники-тюрки, уцелевшие после нашествий оседлые сельские жители, разноэтничный люд степных городов (Греков, Якубовский 1950: 95-121, 141-159). Однако взаимная интеграция этих социальных категорий, объединенных властью Золотой Орды, не была подготовлена явлениями базисного уровня. Жесткая сословная структура общества и паразитическая сущность государственности татаро-монголов (Федоров-Давыдов 1973: 26-27; Илюшечкин 1986: 52-59) определяли сохранение многих традиционных социальных порядков в чуждой ордынцам оседлой среде, прежде всего в городах. Старые образования, возникшие в домонгольский период, продолжали свою жизнь в Улусе Джучи; при этом они не только консервировались, но и вовлекались в новые сложные отношения.

В городах не свойственные прежде Восточной и Юго-Восточной Европе общественные противоречия проявлялись в более концентрированном виде. Правящая ордынская верхушка испы-

тивала к городским центрам двоякие чувства. Оторванная от управления оседлыми зонами старая кочевая аристократия по традиции видела в городах исключительно объект примитивной наживы. Организаторы же золотоордынской государственности по мере осознания своих коренных интересов стали способствовать развитию городов и торговли, ведь «только в сфере широких торговых связей и оживленных рынков могла военно-феодалная верхушка улуса Джучиева реализовать награбленные богатства» (Федоров-Давыдов 1958: 10). От поворотов в борьбе этих двух тенденций сильно зависели судьбы городских центров.

В Дунайско-Днестровских землях силой и направленностью ордынского фактора определялась роль других менее весомых составных процесса региональной урбанизации — греческой, болгарской, итальянской. Значение каждого из названных векторов — проводников определенного исторически устойчивого типа экономических, социальных, политических и культурных традиций — заметно варьировало во времени. Это заставляет, опираясь на проделанный в работе анализ, рассмотреть основные этапы городской жизни в низовьях Дуная и Днестра XIII — XIV вв. Однако прежде следует сказать об опыте предшественников, всегда являющемся важным подспорьем исследования.

До сих пор вопрос о периодизации городской истории региона той эпохи не ставился, хотя отдельные элементы такого подхода можно усмотреть еще у Н.Йорги. Румынский историк полагал, что где-то в середине XIV в. Килия и Четатя Албэ перешли от византийцев и татар под власть генуэзцев, а спустя некоторое время — к господарям Валахии и Молдавии (Iorga 1899: 38-39, 60). Словом, речь шла о различных стадиях эволюции городов. Надо сказать, что с тех пор, хотя ряд аспектов проблемы и изучался, рубрикация так и не создана.

Вместе с тем за последние тридцать лет появилось несколько периодизаций более широкого плана, характеризующих связи региона с Золотой Ордой. В начале 60-х гг. румынский исследователь И.Негою предложил периодизационную схему стадийности татаро-монгольского владычества в Карпато-Дунайско-Днестровских землях. Им выделены три периода, охватывающие в общей сложности время от нашествия 1241 г. до создания в XIV в. независимых государств Валахия и Молдавия (Negoiu 1961). Спу-

стя два десятилетия новый вариант хронологической рубрикации господства Золотой Орды на крайнем западе ее завоеваний был предложен мною. Первоначально виделось, что история татаро-монголов в Северо-Западном Причерноморье должна быть разделена на четыре периода (Руссев 1982: 45). Позднее, в совместной работе с П.П.Бырней, в схему были внесены уточнения: появился еще один период, а верхний предел пребывания ордынцев в крае был отодвинут с начала 80-х гг. XIV в. к началу XV в. (Бырня, Руссев 1988: 147-150). Сравнительно недавно увидела свет статья болгарского историка Пл.Павлова с периодизацией ордынско-болгарских отношений. Автор разделил хронологический отрезок в более чем полтора столетия — с 1242 г. по конец XIV в. — на четыре периода (Павлов 1989: 24-33).

Общим недостатком названных периодизационных схем является их тесная связь почти исключительно с фактами историографическими. Специальное исследование какого-либо фонда источников с целью построения периодизации во всех случаях отсутствовало. Тем не менее опыт историографии и результаты исследования в представленной работе письменных источников, а также нумизматических комплексов, как представляется, позволяют в итоге выделить ряд последовательных этапов двухсотлетней городской истории региона. Разумеется, грани между ними в какой-то мере условны, но, думается, они все же фиксируют качественные изменения в жизни городских центров.

I этап — до начала 40-х гг. XIII в. Его нижняя граница нами точно не определена и, скорее всего, лежит в XII в., когда в результате восстания Петра и Асеня и последовавших затем событий (вплоть до 1204 г.) была ликвидирована политическая власть Византии на Балканах и в Северо-Западном Причерноморье. На этом этапе Нижний Дунай, похоже, остается районом существования городов Диристры, Дисины, Барасклафисы, Армукастру, Аклибы, отмеченных еще в сочинении ал-Идриси середины XII в. (Недков 1960: 79, 99, 101, 134-144, 148), и, вероятно, тогда же частью пострадавших от вторжения половцев за Дунай (Бибииков 1981: 117-119).

Несмотря на то, что Н.Йорга пишет о недостоверности данных географа из Палермо (Iorga 1899: 29-30), современные исследователи идентифицируют топонимы «Книги Рожера» с интере-

сующими нас городами и археологическими памятниками — Силистрой, Вичиной, Килией, Приславой-Нуфэру (Недков 1960: 135, 148 и др.). Безымянная стоянка в устье Днестра, на которую указывает ал-Идриси, связывается со средневековым Белгородом (Коновалова 1991: 37-38).

Византийские источники не содержат сведений о городах того времени. Вместе с тем они показывают, что уже с конца XII в. в Подунавье устанавливается относительная стабильность, основой которой, как указывают источники, служат союзнические отношения болгар, влахов и половцев, выступающих единым фронтом против Византии. Ситуация равновесия сохраняется вплоть до татаро-монгольского нашествия (Бибиков 1981: 123-128).

Монетные находки, как и в целом археологические изыскания, показывают, что на Нижнем Дунае на этом этапе развивалась городская цивилизация византийско-болгарских традиций (Пенчев 1987: 26-30). Политический статус городов определялся господством здесь «империи Асений» — государства, на северо-востоке которого разноэтничное население находилось под длительным воздействием Византии. Падение Константинополя в 1204 г. решило исход политической борьбы в пользу славяно-православной цивилизации (в широком смысле она объединяет региональные цивилизации Болгарии, Древней Руси, Сербии, а также Валахское, Молдавское государства и Литовское княжество). Вместе с тем облик материальной культуры городов оставался во многих отношениях провинциально-византийским. Более того, новое государственное образование получило в наследство от предыдущей эпохи города со значительной прослойкой греков, выступавших носителями византийской культуры. О сохранении традиций денежного обращения Византийской империи в крае свидетельствуют и нумизматические материалы. При работах на подунайских городищах Силистра, Исакча, Нуфэру найдено немало биллоновых монет, чеканенных в подражание византийским во Втором Болгарском царстве. Там же обнаружены подобные деньги, выпущенные в завоеванном крестоносцами Константинополе. Видимо, изменение политического положения на Балканах не привело к кардинальной переориентации ведущих тенденций социально-экономического развития городов в низовьях Дуная вплоть до походов Бату. Что касается возможности существова-

ния Белгорода, то она весьма проблематична. Неясное указание ал-Идриси на какую-то пристань в устье Днестра, имя которой он не называет, пока не находит подтверждений в синхронных письменных источниках и археологических находках.

II этап — с начала 40-х гг. до последней четверти XIII в. Это время сильнейшего деструктивного воздействия ордынского фактора на естественный ход развития местных социальных порядков и традиций, период дезурбанизации края в результате нашествия полчищ татаро-монголов в Европу до Адриатики и обратно. Один пассаж из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина касается возвращения из похода полководца Кадана, который «дорогою после многих битв взял город Улакут, Киркин и Кыле» (Тизенгаузен 1941: 38). Хотя отождествление последнего с дунайской Килией не бесспорно (Desei 1973)⁶, этот факт отчасти проясняет последствия вторжения Бату и его соратников в земли на юго-востоке европейского континента. Данные археологии и нумизматики достаточно красноречиво указывают на гибель Силистры как раз в это время в огне сильного пожара (Пенчев 1987: 27-28). Монетная циркуляция в Подунавье середины XIII в. замирает (Oberländer-Târnoveanu, Mănușu-Adameșteanu 1984: 260; Oberländer-Târnoveanu 1989: 143-144). По-видимому, многие города были обращены в пепелища, жизнь на них едва теплилась (Павлов, Атанасов 1994: 5-20). Показательно, что письменные памятники практически умалчивают о городах этого времени, а по сообщению Гильома де Рубрука, в даннической зависимости от ордынцев на правом берегу Дуная оказались Влахия, принадлежавшая Асеню, и Малая Болгария — *Blakia, que est terra Assani et minor Bulgaria* (Путешествия 1957: 89; Рубрук 1981: 195).

Определенное оживление денежного обращения в дунайских центрах регистрируется по археологическим материалам уже с конца 50-х гг. XIII в. Регенерирующие способности городской жизни проявились в условиях иноземной зависимости только спустя полтора десятилетия после татаро-монгольских погромов 1241-1242 гг. Находки монет на Пэкуял луй Соаре и в Исакче показывают восстановление болгарской и греческой составных денеж-

⁶ «Кыле» лишь один из вариантов топонима, сопоставляемого с названием «Килия». В других списках сочинения Рашид ад-Дина этот населенный пункт известен в форме «Кабил» (Тизенгаузен 1941: 38).

ной циркуляции (Iliescu 1977: 155, 161; Oberländer-Târnoveanu 1983: 129-130, 285-296). По-видимому, незадолго до 1261 г. патриарх Никеи основывает митрополию в дунайской Вичине (БСГК 1981: 225). Конец этого этапа может быть связан с итогами византийско-болгаро-ордынской войны 1265-1273 гг. (Oberländer-Târnoveanu 1989: 147), когда начавшееся было воскрешение городов вновь приостановилось. О городском развитии в районе Поднепровья на II этапе данные все еще отсутствуют.

III этап охватывает последнюю четверть XIII в. Время ознаменовано проявлением влияния нового важного фактора городской истории края — итальянского — и качественно новым воздействием на региональную урбанизацию ордынского фактора. Связывается это с политическими переменами. Установление на Дунае непосредственной власти золотоордынского темника Ногай и превращение его в фактического повелителя Восточной и Юго-Восточной Европы не могло не сказаться на жизни городов. Впрочем, традиционная для кочевников политика по отношению к городским центрам была, очевидно, сильна и здесь. Как видно, только после подавления крестьянской войны под предводительством Ивайло в Болгарии Ногай начинает способствовать развитию городов. При этом известные события приводят к резкому ослаблению болгарского фактора и усилению греческого. По-видимому, византийские феодалы и купечество, имевшие давние интересы и корни в Нижнем Подунавье, не преминули воспользоваться политическим сближением императора с Ногаем, скрепленным в 1273 г. браком могущественного монгольского военачальника с внебрачной дочерью Михаила VIII Палеолога Ефросинией (Веселовский 1922: 40-41). Последовавший рост был настолько стремительным, что в результате близ устьй Дуная оформилось небольшое государство с центром в городе Исакча. Об этом политическом образовании стало известно только благодаря находкам серебряных и бронзовых монет нескольких гибридных локальных типов с греческими легендами и тамгой Ногай. Румынский нумизмат Э.Оберлендер-Тырновяну, изучивший эти материалы, считает, что они выпущены в 1285-1296 гг. деспотом Исакча с традициями византийской государственности, православным населением и официальным греческим языком. Наличие тамги на аверсах монет всех эмиссий указывает на вассальную зависи-

мость деспотата от Ногая, а помещенное на реверсе одного из типов геральдическое изображение двуглавого орла, возможно, свидетельствует о тесных отношениях правителя Исаки с домом Палеологов (Oberländer-Târnoveanu 1987: 245-252; 1997; 1997a). Совершенно ясно, что развитие в городах края структур византийских традиций, а тем более создание государственного образования были невозможны вопреки воле ордынского темника-сепаратиста Ногая, выступающего на III этапе в качестве верховного сюзерена.

Генуэзцы, получившие право беспошлинной торговли на Черном море по Нимфейскому договору 1261 г. за помощь Михаилу VIII в освобождении Константинополя от крестоносцев и восстановлении империи, проникают на Дунай только во времена Ногая. Впервые в их документах Вичина как будто упоминается в 1274 г. (БСГК 1981: 222), а нотариальные акты Перы зафиксировали их значительную роль тут лишь в 1281 г. (Brătianu 1935: 148-174). Достоверные данные о существовании генуэзской фактории в Вичине помечены 1298 г., когда консулом здесь был Монтано Эмбриако (Коновалова 1989: 306). К 1290 и 1294 гг. относятся самые ранние точно датированные упоминания о Мальвокастро и коммерческой деятельности подданных республики Св.Георгия в городе на Днестре (Brătianu 1935: 102). По всей вероятности, генуэзская колонизация Северо-Западного Причерноморья вряд ли осуществлялась без соглашения с ордынской администрацией Ногая. На это косвенно указывает факт направления в 1292 г. посольства Венеции к Ногаю с целью заключить договоренность об условиях торговли представителей республики Св.Марка в подвластных ему землях (Коновалова 1989: 308).

Нельзя не сказать, что на III этапе имеет место неуклонное повышение роли самих ордынцев в городах и на Дунае, и на Днестре. Арабские письменные источники сообщают, что Сакджа-Исакча становится центром пребывания Ногая (Тизенгаузен 1884: 117, 159, 162). Поскольку речь идет не об одном человеке, а о дворе монгольского повелителя, можно уверенно говорить о превращении города в столицу западного крыла Золотой Орды. Нумизматические находки показывают, что с 696 г.х. (30 октября 1296 — 20 августа 1299 гг.) в Сакдже взамен гибридных выпусков начинают чеканиться многочисленные типы дирхемов и пулов как

в подражание крымским эмиссиям хана Токты (1290-1312), так и оригинальные, с именами Ногая и Чаки. Э.Оберлендер-Тыровяну на основании этих монет считает возможным говорить даже о независимом ханстве Ногайдов. По мнению исследователя, это положение изменилось только в 1300-1301 гг. (Oberländer-Târnoveanu 1987: 252-254; 1997; 1997a). О том, что ведущее положение в конце XIII в. в денежном обращении занимают монеты ордынского типа, свидетельствуют большие монетные клады (табл. 12-13), а также записи каффского нотариуса Ламберто ди Самбучето 1290 г., по которым видно, что итальянцы направлялись торговать в Вичину и Мальвокастро на джучидские дирхемы (Balard 1973: 203, 368).

На мой взгляд, возвысившиеся в начале этапа византийцы были потеснены в городах к концу правления Ногая итальянцами. Альянс ордынцев с итальянцами привел к ликвидации деспотата греческих традиций на Нижнем Дунае и установлению безраздельной политической власти монгольского временщика, очевидно, провозгласившего себя ханом. Главенствующее положение в морской торговле заняли генуэзцы, в отличие от греков, не претендовавшие на государственность в Подунавье и довольствовавшиеся самоуправлением в рамках своей фактории. Вместе с тем византийские традиции в регионе продолжали свою жизнь. Вичинская митрополия сохранила свое значение и даже была на какое-то время повышена в ранге (DIR.B 1953: 5, 12). Некоторые обычаи, вероятно, не случайно, попытались перенять Ногай с Чакой, — например, институт соправительства (Oberländer-Târnoveanu 1987: 254-255). Гибель Ногая, а затем и его сына привели к ряду существенных изменений в городской жизни.

IV этап — с начала до середины XIV в. — характеризуется постепенным упадком и дезинтеграцией единства городского развития в регионе. Будучи первоначально под властью Болгарии в качестве вассала Золотой Орды, города пережили борьбу болгар с генуэзцами. Последние в условиях ослабления реальной роли ордынцев даже ненадолго наладили чеканку разменной монеты для местных нужд в Исакче (Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I. 1981: 93-95). Соперничество Болгарии и Генуи ослабило эти составные исторического процесса, приблизив их роль к потесненному еще в конце XIII в. греческому фактору. Вместе с тем в середине XIV в. постепенно восстанавливается полновлас-

тный контроль ордынцев в этих землях. Причем археологические материалы не дают оснований считать, что их влияние на города было на этом этапе столь же позитивно, как при Ногае (Laurent 1946: 225-232). Наблюдается стагнация в денежном обращении, хотя вовсе оно не прерывалось, и Исакча чеканила монету ордынских традиций (Oberländer-Târnoveanu 1985: 586). Тем не менее очевиден общий отрыв от общеордынского рынка: монеты с Волги на запад поступают спорадически, потребности днестровско-дунайской периферии удовлетворяются за счет выпусков конца XIII в., денежной эмиссией Исакчи и Болгарии. К середине XIV в. пути городов, похоже, расходятся. На Пэкуюл луй Соаре имеет место полное преобладание болгарских монет, в Исакче — локальных выпусков джучидского образца, в Белгороде товарно-денежные отношения переживают серьезнейший упадок — монетные находки единичны. Похоже, в городе на Днестре происходят изменения, аналогичные зафиксированным в Вичине, где, по сообщению греческих источников, варварское языческое население возобладало над христианским, в итоге статус митрополии был опять понижен (DIR.B 1953: 13-14). Упадок в какой-то мере довершила Черная смерть, пришедшая в Византию «от устий Дуная» (Гезер 1867: 32). Чума стала гранью, за которой начинался новый этап городской жизни.

V этап — с середины XIV в. до конца 60-х гг. Период смены доминант в градостроительстве. В результате всех перемен предыдущего этапа приходят в совершеннейший упадок дунайские города на Пэкуюл луй Соаре и Вичина-Исакча. Как бы на их место приходят возрожденная Силистра и Килия с Ликостомо, если только последние топонимы не обозначают один город. В одном случае верх берут болгарские традиции, а в другом — господствующего положения добиваются итальянцы. Это объясняется, по-видимому, разделением факторов городской истории и выходом их из-под определяющего давления ордынской составной. Теперь они существуют как бы автономно и формируют городскую жизнь в соответствии со своими традициями в каждом пункте отдельно. Поскольку на Пэкуюл луй Соаре и в Вичине мало что изменилось в сравнении с IV этапом, городские структуры продолжали там хиреть. В Поднестровье в результате прилива значительного количества населения из городов Поволжья (ср. Полевой 1964; Полевой, Бырня 1974) наблюдается бурный рост ордынских го-

родов Кодр — опять-таки на новом месте. Однако здесь благодаря этому импульсу был преодолен, в отличие от Подунавья, упадок Белгорода, в котором жизнь приобрела черты, во многом сближающие его со Старым Орхеем и Костештами. Правда, тесная связь городов Поднестровья в 50-е гг. с Нижним Поволжьем прервалась в 60-е гг. В Орде начался окончательный развал, получивший в русских летописях название «великой замятни» (Федоров-Давыдов 1973: 109 и др.). Естественно, что общая дезинтеграция государства привела и к обособлению Поднестровского района. Эволюция города в это время приобретает заметную провинциальную окраску. Необходимость в деньгах покрывается продукцией местного монетного двора Шехр ал-Джедид.

Любопытно, что греческий фактор сохраняется, хотя и в тени, именно в старых городах, получивших на V этапе новые возможности для развития — Силистре, Килие, Маокастро. Его воздействие отсутствует в новых ордынских городах Кодр, где, впрочем, не было места и другим составным (кроме ордынской). В Вичине, сохранявшей до поры генуэзскую факторию и греческий компонент, условий для их нормального развития не было. На это указывает ликвидация в 1359 г. Вичинской митрополии (DIR.B 1953: 13-14). Здесь еще в 1361 г. консулом Генуи был Бартоломео ди Марко, однако после этого Вичина как город уже не упоминается (БСГК 1981: 225), хотя вплоть до середины XV в. в источниках встречаются имена людей, связанных своим происхождением с этим дунайским городом. Очевидно, что политические и социально-экономические причины привели к угасанию жизни в Вичине еще до конца XIV в.

VI этап — с 70-х гг. XIV в. до начала XV в. — отмечен повсеместным и резким падением реальной роли ордынского фактора городского развития. Вместе с тем на протяжении этого этапа ордынцы сохраняют свое значение в демографическом плане и какое-то время (во всяком случае, еще в 80-е гг. XIV в.) — в плане политическом. Это отчасти сказывалось на городах. В Ликостомо в 1383 г. отмечены аспры собственной чеканки (Balbi, Raiteri 1973: 217), вероятно, схожие с килийскими V этапа. Предполагается, что это были монеты гибридного типа, выпуск которых был налажен генуэзцами (Iliescu 1974: 451-456). Ныне с ними связывается не более дюжины бронзовых монет, происходящих главным образом из культурного слоя городища Енисала (Oberländer-

Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I. 1989: 122-123, 128; Piescu 1997: 161-178). Может быть, ордынским влиянием объясняется медная чеканка греко-болгарских традиций, осуществлявшаяся в Силистре 80-х гг. от имени Тертера, сына Добротицы (Йорданов 1982: 119-120). Как бы то ни было, они представляют только лишь слабый отблеск былой ведущей роли ордынцев в истории края и его городов.

VI этап — время появления новых ведущих факторов в исторической судьбе Подунавья, представленных Молдавским и Валашским государствами. Отдельные письменные свидетельства и особенно нумизматические источники показывают, насколько быстро влияние этих сил становилось реальным, а иногда и решающим в последней трети XIV в. В сложной международной обстановке, в борьбе с раздробленной Болгарией, права которой на земли в дельте предъявляло, главным образом, княжество Добротицы, ввязавшееся в долгую войну с Генуей, возобладала Валахия. В условиях, когда район пыталась непрестанно отнять у Мирчи Старого Турция, зона Нижнего Подунавья превратилась в место относительно мирного сосуществования разных традиций. Кроме греческих и болгарских, итальянских и валашских, усиливается роль молдавского и венгерского факторов. Наблюдаются попытки определенного христианского сплочения (православно-католического) перед лицом турецкого порабощения. Хотя победа в военно-политическом плане досталась османам, традиции городов, заложенные ранее, продолжали существовать тут еще и в XV в.

Иной была судьба у городов Поднестровья. Центры в Кодрах прекратили свое существование едва ли не тотчас после ухода из края к 70-м гг. XIV в. Золотой Орды. В связи с этим, значительный упадок пережил Белгород. Здесь, очевидно, происходили сложные и пока не совсем ясные перипетии, имеющие отношение к вытеснению ордынцев и продвижению к черноморскому побережью пределов Литовского княжества (Параска 1981: 103-110, 96). Однако после этого недолгого переходного периода в городе на Днестре установилась власть молдавского господаря. Когда под властью Сучавы оказалась и Килия, споры из-за которой продолжались до середины XV в. (Iorga 1899), прибрежная полоса от Днестра до Дуная стала границей Молдавии и линией активного соприкосновения с международной морской торговлей.

Заключение.

**ГОРОДА РЕГИОНА В НАЧАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ МОЛДАВИИ И ВАЛАХИИ**

В настоящем исследовании на основе анализа материалов памятников средневековой письменности и нумизматических коллекций предпринята попытка представить варианты синтеза исторических знаний о различных сторонах городского развития региона в конце XIII — XIV вв. Как выяснилось в результате проведенной работы, городские центры на крайнем западе ордынских владений находились под достаточно сильным воздействием сразу нескольких направляющих социальной эволюции. По этой причине судьба городской культуры складывалась здесь очень непросто. Между тем познания о истории городов в низовьях Дуная и Днестра являются заведомо неполными без взгляда на их роль в развитии сопредельных территорий Молдавии и Валахии, находившихся на этапе формирования государств.

Разумеется, в этом контексте наибольший интерес вызывает вопрос о параллелях в городских реалиях двух стран, начало процесса урбанизации в которых охватывает рассматриваемую эпоху. В поисках сопоставимых материалов я обратился к данным о Куртя де Арджеш и Байе, древнейших центрах восточнороманского ареала. Оба они возникли в карпатских предгорьях на коренных территориях молодых государств и стали затем первыми столицами господарей Валахии и Молдавии. По наблюдениям румынских археологов и сообщениям письменных источников установлено, что в расположенном на северо-западе Мунтении Куртя де Арджеш уже в первой половине XIII в. находилась феодальная резиденция. Что же касается Байи, то здесь наиболее ранний культурный горизонт ученые относят к первой половине XIV в. (Федоров, Полевой 1973: 350, 369; Neamțu E., Neamțu V.,

Cheptea 1980; 1984; Neamțu V. 1997: 90-92 etc.).

Из находок, сделанных на городищах, информацию, адекватную выдвинутым задачам, могут принести лишь монеты. Письменные источники, к сожалению, чрезвычайно скудны, а многие категории археологического материала сегодняшние методические приемы и уровень изученности не позволяют использовать должным образом. Напротив, типологический и статистический анализы нумизматических коллекций способны выявить время начала активного денежного обращения, а тем самым и городской жизни, моменты интенсивного экономического развития, направленность торговых связей, хозяйственную и политическую ориентацию городского центра и, в какой-то мере, страны (коль скоро речь идет о столицах).

Несмотря на относительную немногочисленность находок из Куртя де Арджеш (Constantinescu 1984: 117-122) и Байи (Neamțu, Cheptea 1986: 29-30), они организованы мною в соответствии с принятой для городов дунайско-днестровских низовий исследовательской процедурой — табл. 13, 14. Полученные цифровые и графические (рис. 11) характеристики показывают несхожесть состава денежного обращения двух столиц и процесса формирования денежного обращения, хотя периоды наибольшей интенсивности циркуляции синхронны.

По материалам Куртя де Арджеш можно судить о длительной эволюции этого населенного пункта на пути к развитому торговому центру. Начало более или менее регулярной циркуляции монет здесь можно датировать не ранее чем второй четвертью XIV в., что совпадает со временем возникновения Валашского государства. Время наиболее интенсивных товарно-денежных отношений в городе приходится на последнюю треть XIV в., когда на рынке господствует исключительно валашское серебро — более 2/3 коллекции. В основном это эмиссии Мирчи Старого 1386-1400 гг. Напротив, вплоть до середины 60-х гг. XIV в. в Куртя де Арджеш попадали только иностранные выпуски. Здесь зафиксировано на удивление мало находок венгерских монет — всего 3 серебряных экземпляра 1270-1338 гг., составляющих около 8% комплекса. Зато примерно четвертая часть выборки монет (при этом 5 экз. из 9 — медные) проникла в северо-западную Мунтению с Балкан. Эти находки и роднят состав денежного обращения Куртя де Арджеш с нижнедунайскими центрами, где отмече-

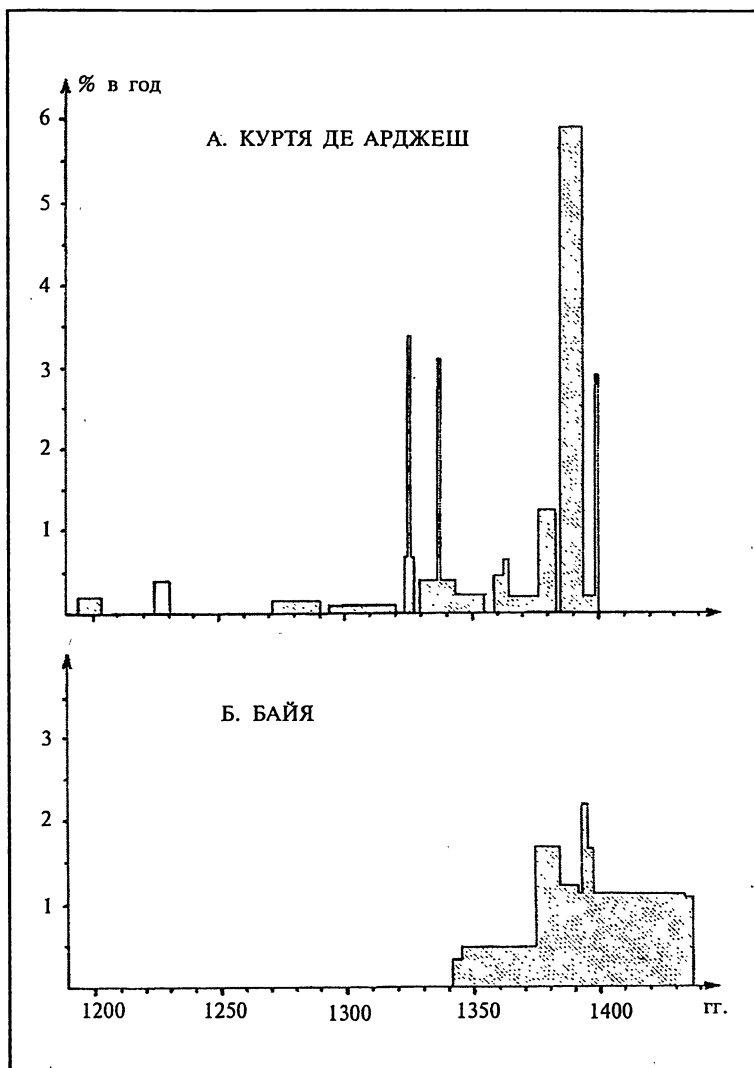

Рис. 11. Распределение наиболее ранних монетных находок из первых столичных городов Валахии и Молдавии.

ны монеты практически всех эмитентов, известных по нумизматической коллекции валашской столицы.

Во многих чертах противоположную картину можно наблюдать в Байе, где, судя по открытым материалам, монеты стали появляться только со времени образования Молдавского государства. Интенсивное денежное обращение в городе наблюдается только лишь в последней четверти XIV в., в которую хронологически вписываются все (!) известные находки. Вместе с тем деньги Молдавии не составляют здесь и трети коллекции, а на медь и биллон приходится чуть более 6%. Ведущее место, как можно видеть, принадлежит выпускам Венгерского королевства 1342-1437 гг. (около 60%), среди которых почти половина — 18 экз. из 37 — медь. Это означает, что венгерские деньги не просто ходили на рынке Байи наравне с молдавскими, но и преобладали даже при заключении мелких сделок. Не исключено, что такого рода экономическое и политическое (?) засилье Венгрии заставило господарей отказаться от Байи, как затем и от Сирета, в роли столицы в пользу Сучавы. Иные иностранные монеты, помимо венгерских, представлены тут слабо; они едва составляют 8% от общей численности находок этого времени. Среди этих денег — серебро из Чехии 1346-1378 гг. (3 экз. из 5), а также по одной монете Валахии (1394-1396 гг., серебро) и Польши (1386-1434 гг., медь). Следовательно, Байя полностью находилась под влиянием северных и северо-западных традиций денежного обращения. Связь между двумя первыми столицами Молдавского и Валашского государств во второй половине XIV в. была слабой. Монета Валахии, найденная в Байе, отчеканена тогда, когда ни один, ни другой город уже не был постоянным местом нахождения господарского двора. Монеты не фиксируют никакого влияния со стороны городов в нижних течениях Дуная и Днестра. Правда, удастся проследить некоторую обратную связь.

На городищах Костешты и Старый Орхей, как и в Байе, найдены в небольшом количестве пражские гроши, несомненно, указывающие на одно общее для всех трех средневековых городов направление монетных поступлений. Однако имеются большие основания считать выявленный феномен выходящим за хронологические пределы существования ордынских городов Кодр, как, вероятно, и факт проникновения денег Польши и Червонной Руси. В пользу отнесения этих находок к постордынскому периоду го-

ворит хронология выпусков чешских монет из коллекции Старого Орхея, где четыре из пяти экземпляров отчеканены в 1378-1419 гг. Кроме того, пражские гроши на территории Днестровско-Карпатских земель известны исключительно в кладах последней четверти XIV — XV вв., то есть в молдавское время (Нудельман 1975: 98-100, 108-109).

Сопоставление ситуаций погодичного распределения монетных находок Куртя де Арджеш и Байи с коллекциями городищ в низовьях Дуная и Днестра указывает на существующую взаимозависимость социального и экономического характера между разными областями на территории от Дуная до Карпат и до Днестра. Несомненно, подунайские и поднестровские центры, в той или иной мере подвластные Улусу Джучи, экономически замыкали на себе примерно в течение столетия — III-V периоды — черноморско-средиземноморскую и евразийскую караванную торговлю, с одной стороны, и ресурсы оседлого и кочевого миров, эксплуатируемых ордынцами, с другой. Поскольку собственно ордынские города типа Старого Орхея и Костешт не выросли естественным образом из постепенного развития оседлой или кочевой среды в местных условиях, их бурный расцвет был не только кратковременным, но и тупиковым. Как можно предположить, недолгий подъем городской жизни на Реуте и Ботне серьезно тормозил общественную эволюцию в соседних молдавских землях на V этапе. Представляется, что роль Белгорода и особенно городов Подунавья, где были сильны неордынские составные, должна быть несравненно более сложной и лишь в чем-то аналогичной той, которую играли города Кодр. В таком случае, отличия в развитии будущей Валахии и Молдавии закономерны, а их проявление в денежном обращении Куртя де Арджеш и Байи — лишь частность в явлении более общего порядка.

Действительно, по наблюдениям исследователей, находки монет XIII в. в Карпато-Днестровских землях — большая редкость. Приток византийских монет в Прутско-Днестровское междуречье прекратился где-то на рубеже XII — XIII вв., а в Карпато-Прутском районе и того раньше — к 80-м гг. XI в. Возобновление денежного обращения происходит только на исходе XIII в. с началом поступления в край джучидского серебра (Нудельман 1985: 94-96). Практически безраздельное господство денег Золотой Орды имело место на юго-востоке региона и не затрагивало пря-

мо Подкарпатья. В землях, на которых в середине XIV в. возникло государство Молдавия, находки ордынских монет — большая редкость (см. Nicolaе 1996: 187). Связанный с Молдавией подъем товарно-денежных отношений начался на основе совершенно другой монетной системы уже после резкого пресечения циркуляции ордынских дирхемов и пулов. Преемственность в составе монетных комплексов, находившихся в обращении хронологически друг за другом, отсутствует. Ареалы распространения находок практически не совпадают. Налицо временной разрыв не менее чем в десять-пятнадцать лет. Так, ни один из шести кладов последней трети XIV в., синхронных VI этапу, не содержит джучидских монет; все они локализуются западнее или севернее нынешней Республики Молдова, а наиболее ранний из них — Сиретский клад — несомненно сокрыт уже после 1382 г. (Нудельман 1975: 98, 117).

Иная ситуация прослеживается на территории будущего Валахского государства. В течение XII-XIV вв. количество найденных тут монетных находок неуклонно возрастает. Монеты XII в. обнаружены примерно в 15 пунктах, XIII в. — более чем в двух десятках мест, а XIV в. — их число удваивается (Полевой 1976: 7). Уже в XII в. в землях к северу от Дуная обращается разменная бронзовая монета византийской чеканки. В XIII в. продолжается развитие мелкого обмена, о чем свидетельствуют клады с разрезанными на части монетами. Данные по кладу из Балш (жудец Олт) свидетельствуют, что на половинки, четвертинки и даже осьмушки разрезались монеты эмиссий 1195-1254 гг. (Iliescu 1970: 12-13). Интенсивность обращения в этих местах была настолько велика, что венгерский правитель Бела IV в грамоте 1247 г., выданной тевтонским рыцарям, счел нужным оговорить свое право на «половину доходов от денег, которые находятся в обращении согласно воле короля» (DRH.B 1966: 4).

К концу XIII в. наряду с мелкой монетой на рынках региона начинают циркулировать золотые византийские перперы, в значительном количестве серебряные деньги Болгарии, Сербии, Золотой Орды, западноевропейских стран. Видная роль денег многих из этих государств сохранилась вплоть до появления при господаре Влайку-Владиславе (1364-1377) собственно валахской монеты. Небезынтересно, что она стала выпускаться в трех номиналах, из которых самый крупный соответствовал болгарским и

сербским грошам, чеканившимся по венецианской денежной системе, а два других были эквивалентны венгерскому динару и его половине — оболу (Полевой 1976: 44; Iliescu 1970: 14-15). Любопытно, что и после появления валашских денег монеты других государств, особенно болгарских, по-прежнему циркулировали в землях к северу от Дуная. Это касается не только городских центров, но и сельских поселений. Показательны в этом отношении находки из Коконь, где из шести монет, выпущенных до 1396 г., три серебряные — господарей Валахии Дана I и Мирчи Старого, и еще три — болгарских правителей Ивана Срацимира, Ивана Шишмана и Тертера из Силистры. Причем монеты двух последних эмитентов — медные (Constantinescu 1972: 101-104). Такое смешение в обращении болгарских и валашских монет имеет место и в коллекции из Пэкуял луй Соаре, где также очень много болгарской разменной монеты последней трети XIV в. (Iliescu 1977: 157, 161-162).

Таким образом, для Валахии ряды данных, как в целом по стране, так и в направлении с северо-запада на юго-восток (Куртя де Арджеш — Коконь — Пэкуял луй Соаре), дают сходные картины монетной циркуляции. Сущность их близости состоит в постепенном развитии денежного обращения в течение XIII-XIV вв. под очевидным влиянием из-за Дуная; оно ощущалось на периферии даже после начала чеканки денег господарями Валахии. Кстати, об обращении перпера в это время свидетельствует грамота Влайку 1374 г., в которой он жалует монастырю Водица 1000 перперов ежегодно и 300 перперов для бедняков (DRH.B 1966: 18). Естественно, что сказанное говорит о возможности благотворного влияния городов Нижнего Подунавья на развитие земель будущего Валашского государства. Исключение может составлять, пожалуй, Вичина-Исакча. На закате своей истории этот центр, по-видимому, был полностью «перелицован» на ордынский манер и вскоре пришел в упадок.

Отсутствие монетного обращения в Восточном Прикарпатье вплоть до возникновения в XIV в. Молдавского государства М.Д.Матей объясняет господством у местного населения натурального хозяйства замкнутого характера и минимальными потребностями в обмене (Matei 1970: 36 etc.). Назвав это мнение обоснованным, Л.Л.Полевой добавляет, что на юго-востоке Карпатоднестровского ареала до 70-х гг. XIV в. развивалось золотоордын-

ское денежное обращение, прекращение которого «открыло дорогу обращению молдавской монеты» (Полевой 1979: 142). На взгляд А.А.Нудельмана, кроме внутренних причин «безмонетности» Подкарпатья, нужно учитывать и внешние — «разорительные набеги кочевников, губительно отражавшиеся на экономике региона, вконец подорванной после монгольского нашествия в начале 40-х гг. XIII в.» (Нудельман 1985: 95-96).

Как представляется, важнейшей причиной консервации натурального хозяйства являлась эксплуатация населения ордынцами, в которой города играли свою незаменимую роль. Именно через города Поднестровья татаро-монголы реализовывали богатства, стекающиеся из окрестных земель. Одним из главных продуктов, вывозившихся в XIV в. из края, был хлеб. По данным флорентийца Ф.Б.Пеголотти, среди важнейших портов, откуда в страны Средиземноморья поступало зерно, видное место принадлежало Белгороду. На мой взгляд, отсутствие монет в Восточном Прикарпатье свидетельствует об изъятии прибавочного продукта у производителей в результате внеэкономического принуждения. В этом случае большие партии хлеба и других товаров реализовывались уже ордынцами в портах, чаще всего итальянцам, которые везли сюда, согласно записям Ламберто ди Самбучето 1289-1290 гг. довольно большие суммы в дирхемах. Оседая у феодальной верхушки Улуса Джучи, эти деньги превращались в сокровища — серебряные клады III этапа. Некоторые из этих тезавраций — Оцелень, Прэжешть — могли появиться именно так, тем более что они найдены ближе всего к району Подкарпатья. О том же в какой-то мере свидетельствуют и вещевые клады серебряных украшений Войнешть, Яссы и Котнарь, аналогии которым имеются в четко датированном кладе Оцелень (Полевой 1979: 141; 1985: 79-81).

Кстати, в районе Сучавы (Пэртешть де Жос) известно погребение знатного ордынца с пайцзой — знаком иммунитета, датируемое дирхемом Ногай (Oberländer-Târnoveanu 1985: 588). Тем самым названные находки подтверждают не только факт контроля ордынцев над этими территориями, но и общность судьбы всего Карпато-Дунайского ареала в конце XIII в. Немаловажно, что татаро-монголы установили свою систему господства здесь еще в середине XIII в., а появление городов лишь усложнило механизм эксплуатации, сделав его более совершенным (ср. Matei 1997: 71-72, 171 etc.). На V этапе, кроме городов на Реуте и Ботне, в

центральной части Карпато-Днестровских земель существует массив сельских поселений красно-желтой ленточной керамики, вовлеченных в денежную циркуляцию, а также три местечка: Лозова, Продана и Хлинча (Полевой 1964; 1979: 77). Два последних расположены сравнительно недалеко от Подкарпатья — на правом берегу Прута в районе Ясс и Бырлада. К этому же времени относится захоронение кочевника у Костешт на левом берегу Прута, датированное двумя дирхемами 479 г.х. — 1348-1349 гг. (Нудельман 1976: 135).

Наконец, на господствующую роль ордынцев в этих землях и даже применявшиеся ими формы эксплуатации указывают некоторые средневековые топонимы — Татары и Тамырташовцы около Сучавы, Татараны северо-западнее Бырлада, Татарешть севернее Васлуя, а также Баскаковцы и Баскачены на Пруте (Полевой 1979: 106; ИМ 1987: 315). Все сказанное позволяет утверждать, что владычество татаро-монголов и существование собственно ордынских городов сильно тормозили процесс урбанизации и шире — феодализации в Восточном Прикарпатье. Тем самым на время было задержано завершение финального этапа оформления молдавской средневековой государственности.

Как уже сказано, в землях Валашского государства традиция мелкотоварного обмена существовала еще в XII в. и не угасла даже в условиях ордынской зависимости. Представляется, что здесь отчуждение прибавочного продукта проводилось не только внеэкономическими средствами, хотя они и преобладали. Нумизматические находки XIII-XIV вв., в том числе и разменных монет, совершенно ясно показывают, что часть продукции реализовывалась на местных рынках и, вероятно, составляла какую-то долю той значительной товарной массы, которая скапливалась и затем вывозилась из городов Нижнего Дуная. Конечно же, в этом случае мелкие товаропроизводители могли «соединяться» со своими потребителями исключительно через посредников-скупщиков, которыми являлись не ордынцы. Эти люди известны в Килие 1360-1361 гг. по поставке в город небольших партий меда и воска «из Загоры» — скорее всего, из Добруджи (Коновалова 1989: 13). Не исключено, что аналогичные ситуации имели место и в связях с территориями к северу от Дуная, хотя письменных свидетельств на этот счет нет. Вместе с тем близкий состав денежного обращения делает данное допущение весьма вероятным. Правда, следу-

ет учитывать несоизмеримость объемов поставок — роль Добруджи, особенно в производстве товарного хлеба, была во много раз существенней. Однако с упадком товарного производства в Добрудже второй половины XIV в. (Авдев 1988: 32-40) роль Валахии, надо думать, заметно возрастала.

Судя по всему, в поддержании живых экономических отношений в землях Валашского государства XIII — XIV вв. определенную роль сыграли города в нижнем течении Дуная. Вообще, импульсы, исходившие от наименее гомогенных городов (Вичины, Килии и Белгорода), оказались значительно более разнообразными и плодотворными по сравнению с воздействием из ордынских центров Кодр. За счет неордынских составных портовые города в низовьях Дуная и Днестра и в конце XIV-XV вв. могли транслировать в Валахию и Молдавию многие элементы своего исторического опыта предшествующего периода. К сожалению, далеко не все эти связи отразили письменные источники. Для освещения вопроса требуется специальное исследование, поэтому здесь ограничусь лишь отдельными наметками этого направления работы.

Болгарский, греческий и итальянский факторы прослеживаются в городах на Нижнем Дунае и Нижнем Днестре и в условиях господства государственности Молдавии и Валахии. При этом каждый из них, оказавшись в угнетенном состоянии, угасал по своему.

Болгарию на VI этапе городской истории края олицетворял деспотат Добротицы и его дочернее образование с центром в Силистре и во главе с Тертером, сыном Добротицы. Силистра, несмотря на вероятные заигрывания ее владельца с ордынцами, вошла в состав земель Мирчи Старого, который отразил свои приобретения в титуле (DRH.B 1966: 63). Добротица же вел жестокую войну с генуэзцами, конец которой был положен лишь в 1387 г. при сыне деспота, Иванко (ИБ 1982: 355, 359). Путевые записки баварца Иоганна Шильтбергера, описавшего политическое положение региона как раз накануне турецкого завоевания, свидетельствуют, что территориально это государство — одна из трех Болгарий — «примыкает к устьям Дуная» (Шильтбергер 1984: 37).

На мой взгляд, отголоском значительности болгарского фактора не только в Подунавье, но и на Нижнем Днестре в первой половине XIV в. может являться способ подачи перечня «болгар-

ских и волошских» населенных пунктов в «Списке русских городов дальних и ближних». Примечательно, что и в «Похвале Витовту» конца 20-х гг. XV в. сохранилось упоминание о каких-то совместных молдавско-болгарско-литовских политических действиях или проектах, относящихся к истории Северо-Западного Причерноморья конца XIV в. Должно быть, делались попытки консолидироваться на одной религиозно-политической платформе пред лицом смертельной турецкой опасности (Наумов 1986: 115-117). К сожалению, этого не случилось, и княжество Добродитицы было завоевано османами, наряду с другими землями дунайского правобережья. Ясно, что с падением страны под власть турок перестал действовать и болгарский фактор городского развития, огосударствленный в мере, сопоставимой с ордынским. Болгарское влияние на государственность восточных романцев, о котором много говорится (Ангелов, Шефънеску 1965: 55-111), действительно было велико (прежде всего в Валахии), однако его источником вряд ли были города Нижнего Подунавья.¹

Итальянское присутствие и экономическое доминирование на Дунае было сильно подорвано уже в ходе войны Добродитицы с Генуей. Нестабильная ситуация заставляла Республику Святого Георгия укреплять Ликостомо и сворачивать торговые операции. Уже к концу XIV в. ясно прослеживается отток итальянского населения из поддунайских городов в Перу и Каффу (Hiescu 1978: 157-158). Вместе с тем возрастает значение Белгорода, в котором генуэзцы попытались закрепиться более основательно, как только его покинули ордынцы². Недаром побывавший здесь в 1421 г. рыцарь из Фландрии Гилльберт де Ланнуа поставил на первое место среди обитателей «Манкастро или Беллеграда» генуэзцев, а затем «валахов» (то есть молдаван) и армян (Ланнуа 1853: 438-439). Правда, нельзя сказать, что итальянцы чувствовали себя здесь вольготнее, чем в XIV в. на Дунае. Власти Молдавии и местная администрация, как видно, контролировали генуэзцев довольно

¹ Исследователи это объясняют прежде всего единой судьбой двух народов во времена Асений и взаимосвязями церквей (в религиозно-культурном отношении).

² Именно в конце XIV — начале XV вв. город стал одним из основных пунктов, связывавших Восточную и Центральную Европу с Константинополем, Малой Азией и Средиземноморьем.

жестко. Известен случай конфискации в 1449 г. товаров Пьетро де Гарванчо за то, что другой геновский купец не уплатил долг (Iorga 1925: 122). В 1443 г. к таким мерам прибегал господарь Стефан II (Карпов 1998: 39). Со сложными взаимоотношениями белгородцев и итальянцев связан разгром в 1455 г. в устье Днестра замка Леричи, принадлежавшего братьям Сенарега (Iorga 1925: 116-117). Проникали итальянцы и в глубь Молдавии, но их роль в городах была несравненно меньше, чем немцев или венгров. Можно говорить, что итальянское влияние в основном не выходило далеко за пределы приморских центров. Главной статьей вывоза оставался хлеб, а ввозили итальянцы так называемые «татарские» товары: пряности, шелк, хлопок, рис. Взятие турками Каффы в 1475 г. фактически ознаменовало прекращение обширной деятельности итальянских купцов и мореходов на Черном море.

Пожалуй, в городах региона наиболее счастливо складывалась судьба греческих традиций. Можно говорить, что они оказали прямое воздействие на Валахию и Молдавию в религиозной сфере. Показательным примером является переезд в 1359 г. последнего митрополита Вичины, перенесшего по просьбе господаря Александра и по велению патриарха свою резиденцию в Валахию (DIR.B 1953: 13-14). Этот знаменательный акт не только демонстрировал преемственность религиозной власти молодого государства из района Подунавья, но и означал действительную трансплантацию традиций. Если учесть ситуацию в регионе и то, как складывалась судьба Вичины к середине XIV в., не остается сомнений, что переезд митрополита сопровождала, а может быть, также и предвляла активная миграция паствы в Валахское государство.

Аналогичная история имела место в Молдавии в связи с епископом Белгорода-Аспрокастро. Правда, создание митрополии Молдавии во главе с Иосифом из города на Днестре сопровождалось длительной дипломатической борьбой, завершившейся только в начале XV в. (ИМ 1987: 372 и др.). При этом из Белгорода в Сучаву были перенесены и мощи Иоанна Нового, ставшего официальным заступником государства и господаря, национальным святым. Это доказывает, что акт сам по себе означал нечто большее, чем простую перемену местонахождения кафедры церковным иерархом. Создание агиографии Иоанна Нового на основе

устной традиции показывает непрерывное проживание греков в городе от времени господства ордынцев до установления власти Молдавии. Более того, греческая традиция в Белгороде XV в. оформилась и политически. Индикатором существования на Днестре оригинального политического образования с определенным суверенитетом (вероятно, в пределах города и округи) являются медные и серебряные монеты местной чеканки. На медных выпусках изображался герб средневековой Молдавии, наносились крест и греческая надпись «Аспрокастро»; серебро же представляло собой надчеканенные джучидские дирхемы (Iliescu, Dinu 1957; Коциевский 1990: 156-165; Полевой 1990: 165-179; Беляков 1990: 180-185). Отмечу, что греческая традиция до поры сохранялась и на Дунае. На известные права византийского императора в Килии указывает упомянутый уже Иоганн Шильтбергер, который посетил «замок, именуемый Килия (Gily), близ устья Дуная» в 20-х гг. XV в. (Шильтбергер 1984: 69).

Можно заключить, что описанные факторы городской жизни были прочны, если держались не только на государственной политике, но и на частной инициативе горожан. Для итальянцев и греков, имевших древние корни городской культуры, это было естественно и характерно. Победа православия и в Валахии, и в Молдавии (Răcurariu 1980) создала благоприятные условия для усвоения одной традиции и отторжения другой. Именно поэтому греко-византийский компонент городов XIII—XIV вв. имел более завидную долю, нежели итальянский³. Надо думать, что именно он и стал проводником многих городских традиций из Подунавья и Поднестровья в реальность валашских и молдавских средневековых городов. При этом по той же линии могли передаваться и черты угасших факторов — ордынского, болгарского, итальянского, если только они были в той или иной форме освоены греками.

Включение низовий Дуная и Днестра в состав Валахии и Молдавии явилось закономерным итогом борьбы за международное признание и выход к морскому побережью. С приобретением приморской полосы завершился важный этап территориального ста-

³ Д.К.Джюреску отмечает большое количество языковых заимствований из греческого языка в румынский, которые относятся к сфере торговли (Giurescu 1973: 141).

новления этих государств. Их границы продвинулись на юго-востоке до своих естественных пределов, придав определенную целостность молодым державам. Связи с внешним миром упрочились и, в какой-то мере, укрепилась безопасность обеих стран.

Значение свершившегося хорошо понимали люди средневековья. Не случайно господарь Роман в 1392 г. горделиво величался обладателем Земли Молдавской «от планины до моря» (DRH.A 1975: 3). Примерно тогда же в еще более пышном титуле воеводы Земли Угровлахийской Мирчи Старого появляется указание на то, что его владения наряду с другими включали «оба поля по всему Подунавью, даже и до Великого моря» (DRH.B 1966: 68 etc.).

Приобретение Килии и Белгорода — торговых городов и портов евразийского значения — привело к кардинальным переменам как в жизни самих населенных пунктов, так и в истории Молдавского государства. Именно под властью Молдавии, развитие которой, несмотря ни на что, шло в XIV—XV вв. в гору, пришедшие было к концу XIV в. в упадок города получили позитивную перспективу и новые мощные стимулы жизнедеятельности. Вместе с тем, как у Молдавии, так и у Валахии, благодаря портовым городам, появились широкие возможности для активного участия в большой международной торговле на море, укрепления своего суверенитета и утверждения в статусе весомых политических сил на юго-востоке Европы.

Стабилизация положения в Северо-Западном Причерноморье способствовала раскрытию потенциала молдавского торгового пути, на котором порт в устье Днестра играл ключевую роль (Мохов 1974: 298-307). Налаживание полнокровной жизни находилось в связи с развитием оживленного товарообмена и с военным укреплением причерноморской полосы от Днестра до устьев Дуная. О крепостном строительстве и его завершении в 1399 г. свидетельствует надпись на башне из Белгород-Днестровского. По всей видимости, именно после вхождения в состав Молдавии был возведен второй фортификационный пояс ныне известного историко-архитектурного памятника (Войцеховский 1954: 44; 1972: 371-374; ИМ 1987: 374-375). На Дунае известен целый комплекс крепостей, имевших большое значение для обороны края. Среди них Килия, Исакача, Енисала (Cantacuzino 1981: 36-40 etc.; Popa, Daragiu 1987: 87-95 etc.).

Выход Валахии и Молдавии к устьям Дуная и Днестра и все мероприятия по интеграции дунайско-днестровских низовий привели к завершению процесса феодализации в обеих странах. укреплению госуларственного строя, создали экономические и социально-политические предпосылки для их дальнейшего поступательного развития. Однако неблагоприятная международная обстановка, усилившиеся валашско-молдавские противоречия негативно отразились на судьбе края и этих феодальных государств в целом. В условиях эскалации экспансии османов Молдавия вынужденно стала военным щитом Восточной и Центральной Европы — «воротами христианского мира». При Стефане Великом стратегические крепости Килия и Белгород остались последними оплотами европейской цивилизации на пути превращения Черного моря в «турецкое озеро».

Следует иметь в виду, что развитие городской культуры и феодальных отношений в низовьях Дуная и Днестра XIII-XIV вв. не раз переориентировалось и даже прерывалось. Феодализм как окончательно сложившийся социальный феномен реализовался в регионе лишь с появлением Валашского и Молдавского государств и выходом их государственных границ к дунайско-днестровским устьям. Вместе с тем, если валашские земли развивались в XIII-XIV вв. в определенной, хорошо прослеживающейся связи с процессами, происходившими на Нижнем Дунае, то молдавские — независимо и во многом даже вопреки ходу истории в южной части Дунайско-Днестровского междуречья. Несмотря на это, история распорядилась так, что в итоге Молдавия смогла закрепиться на побережье более основательно, чем Валахия, сравнительно быстро оттесненная от Черного моря османами. Однако и в новых политических условиях регион продолжал оставаться перекрестком миров.

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1

Нумизматические коллекции
средневековых городищ XIII-XIV вв.
с джучидскими и гибридными монетами

№ №	Наимено- вание городища	Количество и разновидности известных							Всего
		джучидские		гибриды	другие				
		северно	юг	юг	золото	северно	юг	юг	
1	Старый Орхей	63	855	0	1	5	0	2	926
2	Исакча	1	1	136	0	1	486	6	631
3	Пэкуял луй Соаре	16	8	14	6	28	7	169	248
4	Костешты	7	89	0	0	1	0	1	98
5	Белгород - Днестров-ский	2	84	0	0	3	0	3	92
6	Нуфору	1	7	1	0	2	7	0	18
Всего:		90	1044	151	7	40	500	181	2013

Таблица 2

**Коэффициенты погодичного распределения
джучидских монет городищ Поднестровья**

Хронологические рамки	Старый Орхей	Костешты	Белгород
1290-1312	0,02	-	0,15
1313-1341	0,05	0,22	0,12
1342-1357	4,17	5,03	3,42
1358-1359	0,35	-	-
1360	0,50	0,55	-
1361	2,70	1,65	1,17
1362	0,25	-	0,15
1363-1368	6,15	3,20	7,84
1369	0,25	-	0,15
1370-1375	-	-	0,20

Таблица 3

**Суммарное погодичное распределение монет XIII-XIV вв.
из Старого Орхя**

Годы чеканки	Количество лет	Количество монет	%	% в год
679-710	32	2	0,227	0,01
710	1	1	0,114	
714	1	3	0,341	
715	1	1	0,114	
717, 722, 734, 746	1	по 2	по 0,227	
747	1	4	0,455	
748	1	1	0,114	
749	1	2	0,227	
743-752	10	6	0,682	0,07
751	1	94	10,682	
752	1	240,5	27,33	
753	1	163	18,523	
759	1	1	0,114	
760, 761	1	по 21,7	по 2,466	
762	1	27	3,068	
763	1	1	0,114	
764, 765	1	по 7	по 0,795	
767	1	5	0,568	
764-767	4	2	0,227	0,06
768, 769	1	по 1	по 0,114	
765-769	5	252	28,636	5,73
1310-1346	37	1	0,114	0
1349-1370	22	2	0,227	0,01
1378-1419	42	4	0,455	0,01
Всего:		880		

Таблица 4

Джучидские монеты 1313-1368 гг. из городских коллекций

№ п/п	Наименование городищ и их местонахождение	Всего экз.	Ладок		Джанибек		Рейлибек — Абдулгих	
			экз.	%	экз.	%	экз.	%
1	Царевское (Волгоградская обл.)	943	35	3,7	295	31,3	613	65,0
2	Старый Орхей (Молдова)	723	11	1,5	380	52,6	332	45,9
3	Селитренное (Астраханская обл.)	680	143	21,0	428	62,9	109	16,0
4	Болгары (Татарстан)	527	133	25,2	237	45,0	157	29,8
5	Азов (Ростовская обл.)	378	181	47,9	13	3,4	184	48,7
6	Наровчат (Пензенская обл.)	195	36	18,5	73	37,4	86	44,1
7	Увек (Саратовская обл.)	183	35	19,1	72	39,3	76	41,5
8	Костешты (Молдова)	94	6	6,4	71	75,5	17	18,1
9	Белгород (Одесская обл.)	82	3	3,7	44	53,7	35	42,7
10	Маджар (Ставропольский край)	39	16	41,0	17	43,6	6	15,4

Таблица 5

**Датированные монеты
времени правления хана Джанибека
на территории Золотой Орды**

Монетные дворы	Клады		Единичные находки	
	экз.	%	экз.	%
Сарай (ал-Махруса)	94	1,43	70	8,73
Сарай ал-Джедид	5044	76,56	484	60,35
Гюлистан	1388	21,07	50	6,23
Другие	62	0,94	198	24,69
Итого	6588		802	

Таблица 6

**Погодичное распределение
монетных эмиссий Сарай ал-Джедид
времени правления хана Джанибека
(по материалам кладов)**

Годы хиджры	Золотая Орда		Нижнее Поволжье		Поднесть- ровье	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%
740 г.х.	5	0,1	0	0,0	0	0,0
741 г.х.	65	1,7	5	0,4	0	0,0
742 г.х.	80	2,0	19	1,7	0	0,0
743 г.х.	428	10,9	262	23,3	0	0,0
744 г.х.	75	1,9	49	4,4	0	0,0
745 г.х.	377	9,6	87	7,7	1	2,4
746 г.х.	401	10,2	161	14,3	0	0,0
747 г.х.	1137	29,0	234	20,8	0	0,0
748 г.х.	498	12,7	104	9,3	0	0,0
749 г.х.	145	3,7	58	5,2	1	2,4
750 г.х.	128	3,3	33	2,9	0	0,0
751 г.х.	158	4,0	15	1,3	0	0,0
752 г.х.	286	7,3	52	4,6	12	28,6
753 г.х.	100	2,5	24	2,1	28	66,7
754 г.х.	17	0,4	12	1,1	0	0,0
755 г.х.	2	0,1	0	0,0	0	0,0
756 г.х.	1	0,0	7	0,6	0	0,0
757 г.х.	9	0,2	0	0,0	0	0,0
758 г.х.	8	0,2	1	0,1	0	0,0
759 г.х.	1	0,0	0	0,0	0	0,0
760 г.х.	0	0,0	0	0,0	0	0,0
761 г.х.	1	0,0	0	0,0	0	0,0
Итого	3922		1123		42	

Таблица 7

**Погодичное распределение
монетных эмиссий Сарай ал-Джедид
времени правления хана Джанибека
(по материалам единичных находок)**

Годы хиджры	Золотая Орда		Нижнее Поволжье		Царев		Старый Орхей	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
740 г.х.	5	4,7	0	0,0	0	0,0	0	0,0
741 г.х.	2	1,9	1	0,5	0	0,0	0	0,0
742 г.х.	6	5,7	2	0,9	3	1,8	0	0,0
743 г.х.	3	2,8	5	2,3	5	3,0	0	0,0
744 г.х.	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
745 г.х.	6	5,7	9	4,2	2	1,2	0	0,0
746 г.х.	7	6,6	12	5,6	3	1,8	2	0,6
747 г.х.	11	10,4	17	7,9	15	9,0	2	0,6
748 г.х.	3	2,8	8	3,7	4	2,4	1	0,3
749 г.х.	3	2,8	2	0,9	2	1,2	2	0,6
750 г.х.	2	1,9	2	0,9	1	0,6	0	0,0
751 г.х.	3	2,8	7	3,3	10	6,0	58	18,8
752 г.х.	44	41,5	129	60,0	85	50,9	144	46,8
753 г.х.	6	5,7	12	5,6	34	20,4	99	32,1
754 г.х.	0	0,0	1	0,5	0	0,0	0	0,0
755 г.х.	0	0,0	3	1,4	0	0,0	0	0,0
756 г.х.	3	2,8	1	0,5	1	0,6	0	0,0
757 г.х.	1	0,9	4	1,9	2	1,2	0	0,0
758 г.х.	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
759 г.х.	1	0,9	0	0,0	0	0,0	0	0,0
760 г.х.	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
761 г.х.	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Итого	106		215		167		308	

Таблица 8

**Погодичное распределение монет
эмиссии Гюлистана времени правления хана Джанибека
на территории Золотой Орды
(по материалам кладов)**

Годы хиджры	Золотая Орда		Нижнее Поволжье		Пруто- Днестровье	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%
745 г.х.	1	0,1	-	-	-	-
746 г.х.	-	-	-	-	-	-
747 г.х.	9	0,8	-	-	-	-
748 г.х.	-	-	-	-	-	-
749 г.х.	-	-	-	-	-	-
750 г.х.	-	-	-	-	-	-
751 г.х.	-	-	-	-	-	-
752 г.х.	332	30,2	99	34,5	-	-
753 г.х.	515	46,8	139	48,4	2	100,0
754 г.х.	90	8,2	27	9,4	-	-
755 г.х.	-	-	-	-	-	-
756 г.х.	142	12,9	22	7,7	-	-
757 г.х.	6	0,5	-	-	-	-
758 г.х.	-	-	-	-	-	-
759 г.х.	6	0,5	-	-	-	-
Итого	1101		287		2	

Таблица 9

**Погодичное распределение монет
эмиссии Гюлистана времени правления хана Джанибека
на территории Золотой Орды
(по материалам единичных находок)**

Годы хиджры	Золотая Орда	Нижнее Поволжье	Царев	Старый Орхей
	экз.	экз.	экз.	экз.
745 г.х.	-	-	-	-
746 г.х.	-	-	-	-
747 г.х.	-	-	-	-
748 г.х.	-	-	-	-
749 г.х.	-	-	-	-
750 г.х.	-	-	-	-
751 г.х.	-	-	-	-
752 г.х.	4	3	16	2
753 г.х.	2	2	4	-
754 г.х.	1	4	1	-
755 г.х.	-	-	1	-
756 г.х.	2	7	1	-
757 г.х.	-	-	1	-
758 г.х.	-	-	-	-
759 г.х.	-	-	-	-
Итого	9	16	24	2

Таблица 10

**Погодичное распределение продукции
ведущих монетных дворов Золотой Орды
времени правления хана Джанибека**

Годы хиджры	Сарай ал-Джедид		Гюлистан	
	экз.	%	экз.	%
740 г.х.	6	0,08	0	0,00
741 г.х.	73	0,99	0	0,00
742 г.х.	110	1,49	0	0,00
743 г.х.	703	9,51	0	0,00
744 г.х.	124	1,68	0	0,00
745 г.х.	481	6,51	1	0,01
746 г.х.	584	7,90	1	0,01
747 г.х.	1414	19,13	9	0,12
748 г.х.	616	8,34	0	0,00
749 г.х.	210	2,84	0	0,00
750 г.х.	166	2,25	0	0,00
751 г.х.	193	2,61	0	0,00
752 г.х.	596	8,06	454	6,14
753 г.х.	176	2,38	662	8,96
754 г.х.	30	0,41	123	1,66
755 г.х.	5	0,07	1	0,01
756 г.х.	13	0,18	174	2,35
757 г.х.	16	0,22	7	0,09
758 г.х.	9	0,12	0	0,00
759 г.х.	2	0,03	6	0,08
760 г.х.	0	0,00	0	0,00
761 г.х.	1	0,01	0	0,00
Итого	5528	74,81	1438	19,43

**Погодичное распределение
джучидских, гибридных и болгарских монет
из коллекции Пэкуял луй Соаре**

Годы чеканки	Количество шт.	Серебряные монеты			Медные монеты			Суммарный (% в лот)
		Количество	%	% в лот	Количество	%	% в лот	
а) джучидские								
1287-1290	3	1	0,541	0,18	0	0	0	0,18
690	1	1	0,541	0,541	0	0	0	0,54
691	1	1	0,541	0,541	0	0	0	0,54
1296-1300	5	0	0	0	2	1,081	0,2	0,22
1310-1350	41	13	7,027	0,17	6	3,243	0,0	0,25
Всего:		16			8			
б) гибридные								
707,710,711	3	0	0	0	4	2,162	0,72	0,72
1385-1387	3	0	0	0	10	5,405	1,8	1,8
Всего:		0			14			
с) болгарские								
1257-1277	21	0	0	0	9	4,865	0,2	0,23
1301-1322	22	1	0,541	0,02	0	0	0	0,02
1323-1330	8	0	0	0	2	1,081	0,1	0,14
1331-1355	25	9	4,865	0,19	24	12,973	0,5	0,71
1331-1371	41	1	0,541	0,01	0	0	0	0,01
1360-1365, 1369-1396	34	2	1,081	0,03	4	2,162	0,06	0,09
1371-1385	15	0	0	0	57	30,811	2,0	2,05
1376-1384	9	0	0	0	23	12,432	1,3	1,38
1371-1393	23	0	0	0	15	8,108	0,3	0,35
Всего:		13			134			
Общее		29	15,676		156	84,324		

Таблица 12

Клады с джучидскими монетами XIII-XIV вв.

№	Наименование клада	Количество известных монет				
		джучидских		других		всего
		серебро	медь	золото	серебро	
1	Узунбаир	23440	0	195	0	23635
2	Аккерман I	3263	0	0	0	3263
3	Сесены	74	0	0	198	272
4	Старый Орхей	178	0	0	0	178
5	Вэкэрень	1	0	0	137	138
6	Оцелень	90	0	2	0	92
7	Обад	3	0	0	71	74
8	Прэжешть	52	0	4	0	56
9	Калопэру	35	0	0	0	35
10	Лозово	30	0	0	0	30
11	Рашково II	23	0	0	0	23
12	Незавертай- ловка	17	0	0	0	17
13	Белгород	3	14	0	0	17
14	Маралою	3	1	0	10	14
15	Бессарабия	8	0	0	0	8
16	Аккерман II(?)	6	0	0	0	6
17	Березань	6	0	0	0	6
18	Рашково I	0	5	0	0	5
19	Пэкуял луй Соаре	4	0	0	0	4
20	Нуфэру	2	1	0	0	3
Всего:		27238	21	201	416	27876

**Суммарное погодичное распределение
джучидских монет из кладов**

Периоды	Датировка	Количество лет	Количество монет	%	% в год
1	2	3	4	5	6
I	683	1	2	0,007	
	686	1	18	0,07	
	687	1	213	0,859	
	690	1	1	0,004	
	691	1	11	0,041	
	695	1	8	0,03	
	697	1	8	0,03	
	698	1	154	0,572	
	699	1	2	0,007	
	1284-1300	16,5	23438	87,117	5,28
	1287-1300	14,5	2928	10,883	0,75
	1287-1290	3	7	0,026	0,01
	1290-1312	23	3	0,011	0
	1290-1301	12	3	0,011	0
	1290-1300	11	68	0,253	0,02
	1290-1299	10	34	0,126	0,01
	1291-1296	6	2	0,007	0
	1295-1301	7	4	0,015	0
Всего:			26904	100	
II-III	713	1	1	0,943	
	715	1	2	1,887	
	722	1	3	2,83	
	745	1	1	0,943	
	749	1	1	9,943	
	752	1	12	11,321	
	753	1	28	26,415	
	1310-1350	41	2	1,887	0,05
	1313-1361	48,25	45	42,453	0,88
	1313-1342	30	8	7,547	0,25
	1342-1357	15	1	0,943	0,06
	1342-1348	8	1	0,943	0,12
	1349-1357	9	1	0,943	0,1
Всего:			106	100	

Продолжение таблицы 13

1	2	3	4	5	6
IV	762	1	1	0,402	
	763	1	1	0,402	
	764	1	8	3,213	
	765	1	11	4,418	
	766	1	6	2,41	
	767	1	17	6,827	
	768	1	4	1,606	
	769	1	19	7,631	
	770	1	9	3,614	
	1362-1369	8	173	69,48	8,68
Всего:			249	100	

Таблица 14

Общие черты денежного обращения городов I группы

Категории монет	Старый Орхей		Костешты		Белгород-Днестровский	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%
1) джучидские	918	99,14	96	97,96	86	93,48
2) гибридные	-	-	-	-	-	-
3) биллоновые	-	-	-	-	-	-
4) медные	855	92,33	90	91,84	87	94,57
5) старше 1342 г.	14	1,51	5	5,43	10	10,87
6) 1342-1357 гг.,	544	58,75	69	70,41	44	47,83
в т.ч. 751-753 гг.х.	304	32,83	65	66,33	33	35,87
7) 1362-1369 гг.,	276	29,81	15	15,31	34	36,96
в т.ч. 765-769 гг.х.	268	28,94	15	15,31	33	35,87

Таблица 15

Общие черты денежного обращения городов II группы

Категории монет	Пэкуюл луй Соаре		Нуфэру		Исакча
	экз.	%	экз.	%	экз.
1) джучидские	24	9,68	8	44,44	2+?
в т.ч. дирхемы	16	6,45	1	5,56	1+?
2) гибридные	14	5,65	1	5,56	136
3) биллоновые,	7	2,82	7	38,89	486+?
в т.ч. старше 1261 г.	5	2,02	7	38,89	472+?
4) джучидские и гибридные конца XIII — начала XIV вв.	9	3,63	6	33,33	137+?
в т.ч. джучидские	5	2,02	5	27,78	1+?
5) джучидские 1313-1350 гг.	19	7,66	3	16,67	?
6) джучидские младше 1350 г.	-	-	-	-	1+?
7) болгарские Ивана Александра	34	13,71	1	5,56	1+?
в т.ч. 1331-1355 гг.	33	13,31	1	5,56	?

Таблица 16

Соотношение монетных находок из Курты де Арджеш и Байя

Государство	Хронологические периоды	Металл	Курты де Арджеш		Байя	
			экз.	%	экз.	%
1	2	3	4	5	6	7
Валахия	1364-1377	серебро	1	2,70	-	-
	1377-1383	серебро	3	8,11	-	-
	1386-1394	серебро	19	51,35	-	-
	1386-1400	серебро	1	2,70	-	-
	1394-1396	серебро	-	-	1	1,61
	ок. 1400	серебро	1	2,70	-	-
Молдавия	1375-1391	серебро	-	-	16	25,81
	«	медь	-	-	2	3,23
	1394-1399	бронза	-	-	1	1,61
	«	медь	-	-	1	1,61
Византия	1195-1203	медь	2	5,41	-	-
	1295-1320	медь	1	2,70	-	-
	1325-1328	медь	1	2,70	-	-
Фессалоники	1224-1230	медь	1	2,70	-	-
Венгрия	1272-1290	серебро	1	2,70	-	-
	1327	серебро	1	2,70	-	-
	1338	серебро	1	2,70	-	-
	1342-1382	серебро	-	-	8	12,90
	1382-1385	серебро	-	-	1	1,61
	1387-1437	серебро	-	-	10	16,13
	«	медь	-	-	18	29,03
Сербия	1331-1346	серебро	1	2,70	-	-
Болгария	1331-1355	серебро	2	5,41	-	-
Чехия	1346-1378	серебро	-	-	3	4,84
Видинская Болгария	1360-1365	серебро	1	2,70	-	-
Польша	1386-1434	медь	-	-	1	1,61
Всего:			37		62	

**Коэффициенты погодичного распределения
монет XIII-XIV вв. из Куртяде Арджеш и Байя**

Хронологические периоды	Куртяде Арджеш	Байя
1195-1203	0,18	-
1224-1230	0,39	-
1272-1290	0,14	-
1295-1320	0,10	-
1325-1328	0,68	-
1327	2,70	-
1338	2,70	-
1331-1355	0,22	-
1331-1346	0,17	-
1342-1382	-	0,32
1346-1378	-	0,15
1360-1365	0,45	-
1364-1377	0,20	-
1377-1383	1,25	-
1375-1391	-	1,71
1382-1385	-	0,45
1385-1394	5,71	-
1386-1400	0,18	-
1386-1434	-	0,03
1387-1437	-	1,08
1394-1399	-	0,54
1394-1395	-	0,54
ок. 1400	2,70	-

**НАХОДКИ
ДЖУЧИДСКИХ И ГИБРИДНЫХ МОНЕТ
НА ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ**
(Краткое описание контекстов)

А. Городища

СТАРЫЙ ОРХЕЙ

(с. Требужень, Орхейский уезд, Молдова).

Городище находится на мысу «Пештере» в излучине правого притока Днестра, р. Реут, между селами Требужень и Бутучень.

1947-1981 гг.

Раскопки и сборы на городище.

Золотая Орда

Анонимная эмиссия – медь, пулы – 2 экз.,

чеканка 1280-1310 гг.

Токта (1290-1312) – серебро, дирхем, Сарай ал-Махруса, 710 г.х. – 1 экз.

Узбек (1312-1342) – серебро, дирхемы – 11 экз.,

в том числе:

чеканка Сарая, 714 г.х. – 3 экз.,

715 г.х. – 1 экз.,

717 г.х. – 2 экз.,

734 г.х. – 2 экз.;

чеканка Сарая ал-Махруса – 722 г.х. – 2 экз.

Джанибек (1342-1357) – серебро, дирхемы – 19 экз.,

в том числе:

чеканка Сарая ал-Джедид – 746 г.х. – 2 экз.,

747 г.х. – 4 экз.,

748 г.х. – 1 экз.,

749 г.х. – 2 экз.,

751 г.х. – 3 экз.,

752 г.х. – 2 экз.,

753 г.х. – 3 экз.

чеканка Гюлистана – 752 г.х. – 2 экз.

– медь, пулы – 174 экз.,

в том числе:

чеканка Сарая ал-Джедид – 751 г.х. – 27 экз.,

752 г.х. – 36 экз.,

753 г.х. – 43 экз.;

чеканка Барджина – 753 г.х. – 1 экз.;

место чеканки и год стерты – 67 экз.

Анонимная эмиссия – медь, пулы – 351 экз. (тип с цветком),

в том числе:

чеканка Сарая ал-Джедид 751 г.х. – 28 экз.,

752 г.х. – 106 экз.,

753 г.х. – 53 экз.,

760 г.х. – 4 экз.,

761 г.х. – 19 экз.,

год стерт – 39 экз.,

место чеканки и год стерты – 102 экз.

Бердибек (1357-1359) – серебро, дирхемы – 6 экз.,

в том числе:

чеканка Сарая ал-Джедид – 759 г.х. – 1 экз.,

760 г.х. – 3 экз.;

чеканка Гюлистана – 762 г.х. – 2 экз.

Хызр (1359-1361) – медь, пулы – 9 экз.,

в том числе:

чеканка Сарая ал-Джедид – 762 г.х. – 6 экз.;

чеканка Гюлистана – 762 г.х. – 3 экз.

Кильдибек (1361-1362) – серебро, дирхемы – 2 экз.,

в том числе:

чеканка Сарая ал-Джедид – 762 г.х. – 1 экз.,

чеканка Азака – 762 г.х. – 1 экз.

– медь, пулы – 17 экз.,

в том числе:

чеканка Сарая ал-Джедид – 762 г.х. – 14 экз.;

чеканка Азака – 762 г.х. – 2 экз.,

763 г.х. – 1 экз.

Абдуллах (1362-1369) – серебро, дирхемы – 16 экз.,

в том числе:

чеканка Сарая ал-Джедид – 764 г.х. – 2 экз.;

чеканка Азака – 764 г.х. – 5 экз.,

765 г.х. – 3 экз.,

767 г.х. – 3 экз.;

чеканка Шехр ал-Махруса – 765 г.х. – 3 экз.;

– медь, пулы, Азак, годы стерты – 2 экз.,

Азиз (1364-1367) – серебро, дирхем, Сарай ал-Джедид, 768 г.х.
– 1 экз.

Анонимная эмиссия (?) – серебро, дирхемы – 4 экз.,

в том числе:

чеканка Янги-Шехр – 765 г.х. – 1 экз.;

чеканка Шехр ал-Джедид – 767 г.х. – 2 экз.,

769 г.х. – 1 экз.;

– медь, пулы, Шехр ал-Джедид – 252 экз.

Неопределенные монеты – серебро, дирхемы – 3 экз.

– медь, пулы – 48 экз.

Индия

Махмуд II – золото, танка, Дели, 752 г.х. – 1 экз.

Чехия

Иоанн I Люксембург (1310-1346) – серебро, грош – 1 экз.

Вацлав IV (1378-1418) – серебро, грош – 4 экз.

Галицкая (Червонная) Русь

Казимир III (1333-1370) – медь, денарии – 2 экз.

Литература

ДСО 1981: 81-86.

ИСАКЧА

(жудец Тулча, Румыния).

Городище находится на правом берегу Дуная в урочище «Эски кале», у древней переправы через реку.

По состоянию на 1980-е гг.

Раскопки и сборы на городище.

* Поскольку публикация всех монет XIII-XIV вв. еще предстоит, здесь приведены полные данные о двух сопоставимых категориях нумизматических находок на памятнике: византийских и гибридных выпусках.

Никейская империя

Феодор I Ласкарис (1204-1222) – биллон – 13 экз.

Иоанн Ватац (1222-1254) – биллон – 12 экз.

Феодор II Ласкарис (1254-1258) – биллон – 1 экз.

Михаил VIII Палеолог (1259-1261) – биллон – 1 экз.

Фессалоники

Феодор Комнин (1224-1230) – биллон – 18 экз.

Мануил Комнин (1230-1237) – биллон – 8 экз.

Иоанн Комнин (1237-1244) – биллон – 4 экз.

Димитрий Комнин (1244-1246) – биллон – 1 экз.

Неопределенный эмитент – 1224-1246 гг. – биллон – 1 экз.

Анна Савойская (1354-1365) – медь – 1 экз.

Эпирский деспотат

Михаил II Комнин (ок.1231-1268) – биллон – 1 экз.

Византийская империя

Михаил VIII Палеолог (1261-1282) – биллон – 9 экз.

Андроник II (1282-1328) – биллон – 2 экз.,

– медь – 1 экз.

Андроник II и Михаил IX – 1295-1320 гг. – медь – 1 экз.

Андроник III (1328-1341) – биллон – 2 экз.

Иоанн V (1354-1391) – медь – 2 экз.

Неопределенный эмитент – 1325-1365 гг. – медь – 1 экз.

Деспотат Исакча

Анонимная эмиссия – ок.1285-1295 – медь, фоллери – 85 экз.,
чеканка под сюзеренитетом Ногая.

Ок.1301-1307 – медь – 8 экз.

Сеньория Исакчи

Анонимная эмиссия – медь, фоллери – 43 экз.,

«генуэзско-татарская» гибридная чеканка,

в том числе:

707 г.х. – 1 экз.

710 г.х. – 19 экз.

711 г.х. – 4 экз.

710 ? г.х. – 1 экз.

711 ? г.х. – 1 экз.

70... г.х. – 1 экз.

71... г.х. – 4 экз.

1307-1311/1312 гг. – 12 экз.

* По имеющимся данным, среди монет рассматриваемого периода, найденных на памятнике, встречаются эмиссии Золотой Орды, Болгарии и других стран.

Литература

Oberländer-Târnoveanu 1983: 271-313; Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I. 1981: 89-109; 1989, 121-129.

ПЭКУЮЛ ЛУЙ СОАРЕ

(жудец Констанца, Румыния).

Городище находится на дунайском острове между городами Кэлэрашь и Силистра.

1956-1974 гг.

Раскопки и сборы на городище.

Византийская империя

Алексей III – 1195-1203 гг. – биллон – 1 экз.

Андроник II (1282-1328) и **Михаил IX** (1294-1320) – золото, перпер – 1 экз.,

чеканка Константинополя 1295-1300 гг.;

– медь – 1 экз.,

чеканка 1295-1320 гг.

Эпирский деспотат

Михаил II (1231-1271) – до 1244 г. – биллон – 1 экз.;

– 1258-1271 гг. – медь – 1 экз.

Никейская империя

Иоанн Ватац (1222-1254) – золото, перперы – 5 экз.,

чеканка Магнезии.

Ахейское княжество

Гильом II Виллардуэн (1245-1278) – биллон – 2 экз.

Латинская империя или Болгария

Имитации – биллон – 4 экз.,

в том числе:

чеканка Константинополя 1204-1261 гг. или **Ивана Асеня II** (1218-1241) ранее 1230 г. – 1 экз.,

болгарская чеканка по типу Алексея III, первая половина XIII в.,

чеканка Константинополя 1204-1261 гг. – 2 экз.

Сербия

Стефан Урош II (1282-1321) – серебро, грош – 1 экз.

Стефан Душан (1331-1355) – серебро – 1 экз.,

чеканка 1336-1346 гг.

Стефан Урош IV (1355-1371) – серебро – 1 экз.,

чеканка 1355-1367 гг.;

– медь – 1 экз.

Валахия

Влайку I (1364-1377) – серебро, динары – 4 экз.,

в том числе:

чеканка 1370-1377 гг. – 2 экз.

Раду I (1377-1383) – серебро, динары – 2 экз.

Дан I (1383-1386) – серебро, дукат – 1 экз.

Мирча Старый (1386-1418) – серебро, дукаты – 4 экз.,

в том числе:

чеканка 1386-1394 гг. – 1 экз.

Сербия или Венеция

Фальсификат гроша – серебро – 1 экз.,

чеканка XIV в.

Болгария

Константин Асень (1257-1277) – медь – 9 экз.

Феодор Святослав (1300-1322) – серебро, грош – 1 экз.

Михаил Шишман (1323-1330) – медь – 2 экз.

Иван Александр (1331-1371) – серебро, грош – 1 экз.

Иван Александр и Михаил Асень – 1331-1355 гг. – серебро – 9 экз.,

в том числе гроши – 8 экз.;

– медь – 21 экз.

Иван Александр и Феодора – 1331-1355 гг. – медь – 3 экз.

Болгария или Валахия (?)

Фальсификаты – ок.1355-1396 гг. – медь – 32 экз.

Тырновская Болгария

Иван Шишман (1371-1393) – медь – 15 экз.

Видинская Болгария

Иван Срацимир (1360-65, 1369-96) – серебро – 2 экз.;

– медь – 3 экз.

Иван Срацимир и Константин – до 1396 г. – медь – 1 экз.

Деспотат Каварна

Добротица и сыновья (?) – медь – 57 экз.,

чеканка начала 70-х – середины 80-х гг. XIV в.

Деспотат Силистра

Тертер – медь – 33 экз.,

в том числе:

чеканка второй половины 70-х – середины 80-х гг. XIV в. – 23 экз.;

чеканка 1385-1387 гг. под сюзеренитетом Орды – 10 экз.

(две монеты с контрмарками, остальные – гибридные).

Деспотат Исакча

Анонимная эмиссия – медь, фоллери – 4 экз.,
«генуэзско-татарская» гибридная чеканка 707,710,711 (?) гг.х.

Золотая Орда

Тула Буга (1287-1290) – серебро, дирхем – 1 экз.

Токта – (1290-1312) – серебро – 1 экз.,
чеканка Крыма 690 г.х.

Ногай – ок.1290-1300 – медь – 2 экз.,
чеканка Исакчи (?).

Анонимная эмиссия – серебро – 13 экз.;
– медь – 6 экз.,
чеканка Исакчи (?) ок.1310-1350 гг.

Литература

Піescu 1977: 154-163.

Изменения в определении и датировки внесены по работам П.Диакону, Э.Оберлендер-Тырновяну, И.Йорданова и в.Пенчева (см. список литературы).

КОСТЕШТЫ

(с. Костешть, Кишиневский уезд, Молдова).

Городище находится в долине правого притока Днестра, р. - Ботна, вблизи слившихся вместе сел Костешть и Гырля.

1946-1959 гг.

Раскопки и сборы на городище.

Золотая Орда

Узбек – серебро, дирхемы – 2 экз.;

– медь, пулы – 4 экз.,

в том числе:

737 г.х. – 1 экз.

Джанибек – серебро, дирхемы – 4 экз.,

в том числе:

74... г.х. – 1 экз.,

753 г.х. – 1 экз.

Анонимная эмиссия – медь, пулы – 53 экз. (тип с цветком),
в том числе:

чеканка Сарая ал-Джедид, 753 г.х. – 35 экз.,

60-е гг. (?) – 2 экз.

Хызр – медь, пул – 1 экз.

Кильдибек – медь, пул – 1 экз.

Анонимная эмиссия – медь, пулы – 13 экз.,

в том числе:

тип Костешты Гырля I – 10 экз.,

тип Костешты Гырля II – 3 экз.

Чехия

Иоанн I Люксембург (1310-1346) – серебро, грош – 1 экз.

Трапезундская империя

Алексей III Комнин (1349-1390) – медь – 1 экз.

Литература

Полевой 1969а: 146-161.

БЕЛГОРОД

(современный г. Белгород-Днестровский, Одесская область, Украина).

Город, находящийся на берегу Днестровского лимана, существует на этом месте непрерывно, по меньшей мере, с XIII в.

1912-1985 гг.

Раскопки и сборы на городище.

Золотая Орда

Анонимная эмиссия – серебро, дирхем – 1 экз.

чеканка 1280-1310 гг.;

– медь, пулы – 2 экз.,

чеканка 1280-1310 гг.

Узбек – серебро, дирхем – 1 экз.

– медь, пулы – 2 экз.

Джанибек – медь, пулы – 11 экз.

Анонимная эмиссия – медь, пулы, – 33 экз.,

в том числе:

тип с цветком, 753 г.х. – 2 экз.,

год стерт – 31 экз.

Кильдибек – медь, пул – 1 экз.

Абдуллах – медь, пул, 764 г.х. – 1 экз.

Анонимная эмиссия – медь, пулы – 33 экз.,

в том числе:

по типу Шехр ал-Джедид – 21 экз.,

по типам Костешты Гырля I и II – 12 экз.

Мухаммед-Булак – медь, пул, 770 г.х. – 1 экз.

Киликийская Армения

Гетум I (1226-1270) – медь – 2 экз.

Гетум II (1290-1305) – медь – 1 экз.

Хулагуидский Иран

Абу Саид (1316-1335) – серебро ? – 1 экз.

Молдавия

Петр I Мушат (ок. 1375-1392) – серебро, грош – 1 экз.

Литература

Штерн 1913: 96, 99; Протокол 1913: 91; Полевой 1956; 1979;
Булатович 1986: 117-120.

НУФЭРУ

(ком. Нуфэру, жудец Тулча, Румыния).

Памятник находится на берегу рукава Св. Георгий в дельте Дуная и является остатками большого города, процветавшего в XII-XIV вв.

1978-1984 гг.

Находки из раскопок и сборов на городище.

Золотая Орда

Ногай – серебро, дирхем – 1 экз.

чеканка Сакджи, ок.1296-1300 гг.

Имитация дирхемам Токты – 2 экз.,

чеканка конца XIII в.

Анонимные эмиссии – медь, пулы – 5 экз.,

в том числе выпуски конца XIII – первых десятилетий XIV вв.:

Крым, тип с джучидской тамгой – 1 экз.;

Исакча, тип с джучидской тамгой – 2 экз.;

выпуск «эпохи Узбека или после» – 1 экз.

Деспотат Исакча

Анонимная эмиссия – медь, фоллери – 1 экз.:

тип IC – XC с тамгой Ногай, ок.1285-1295 гг.,

Болгария – Латинская империя

Имитации выпускам Византии – биллон – 7 экз.,

в том числе:

чеканка первых Асений, до 1220 г. – 2 экз.;

чеканка Константинополя до 1261 г. – 1 экз.;

чеканка 1208-1250/60 гг. («малый модуль») – 3 экз.

Болгария

Иван Александр и Михаил – серебро, грош – 1 экз.,
чеканка 1331-1355 гг.

Сербия

Стефан Душан и Елена – серебро, динар – 1 экз.,
чеканка 1345-1355 гг.

Литература

Oberlander-Tărnoveanu, Mănușu-Adameșteanu 1984: 257-266.

Б. Клады.

1. УЗУНБАИР

(ком. Михаил Когэлничану, жудец Тулча, Румыния).
1962-1963 гг.

Зафиксировано 23634 монеты.

Случайная находка, состоявшая из семи частей. Помимо монет в сокровище содержало ювелирные изделия, 103 платежных слитка серебра, а также сосуды – три медных и три керамических.

Никейская империя

Иоанн III Дука Ватац – золото, перперы – 175 экз.

Феодор II Ласкарис – золото, перперы – 4 экз.

Византийская империя

Андроник II – золото, перперы – 4 экз.

Андроник II и Михаил IX – золото, перперы – 12 экз.

Золотая Орда

Туда Менгу – серебро, дирхемы.

Тула Буга – серебро, дирхемы.

Токта – серебро, дирхемы.

Ногай и Чака – серебро, дирхемы.

Имитации и фальсификаты дирхемов – серебро.

Очевидно, главным образом выпуски Крыма и Исакчи 690-698 гг.х.

(Всего 23439 экз.)

* Новое детальное исследование клада показало, что более 50% монет составляют имитации дирхемам Токты, отчеканенные в низовьях Дуная (скорее всего в Исакче) примерно в 1298-1300/

1301 гг.

Литература

Iliescu, Simion 1964: 217-218; Oberländer-Târnoveanu 1985: 588;
Iliescu, Țarălungă 1992: 252-253.

2. АККЕРМАН-I

(современный г. Белгород-Днестровский).

1904 г.

Зафиксированы 3263 монеты.

Находка сделана, по всей видимости, случайно при невыясненных в полной мере обстоятельствах. Монеты общим весом 5,32 кг были сокрыты в мешочке.

Золотая Орда

Тула Буга – серебро, дирхемы – 12 экз.,
чеканка Крыма, 686 г.х.

Токта – серебро, дирхемы – 3234 экз.,
в том числе:

чеканка Крыма, 690 г.х. – 179 экз.,

690 (?) г.х. – 20 экз.,

697 г.х. – 8 экз.,

698 г.х. – 135 экз.,

699 г.х. – 1 экз.;

год чеканки не определен – 2881 экз.

место и год чеканки не определены – 10 экз.

Имитации дирхемам крымской чеканки – 17 экз.

Не исключено, что последняя группа монет выпущена около 1298-1300/1301 гг. в Северной Добрудже (Исакче?).

Литература

Полевой 1956: 101, № 29; Нудельман 1975: 96, № 2.

3. СЕСЕНЫ

(с. Сэсень, Унгенский уезд, Молдова)

1973 г.

Зарегистрированы 272 монеты.

Случайная находка.

Золотая Орда

Узбек – серебро, дирхемы – 3 экз.,

в том числе:

чеканка Сарая ал-Махруса, 722 г.х. — 1 экз.,
(Все контрмарками *Абдуллаха*).

Джанибек — серебро, дирхемы — 5 экз.,
в том числе:

чеканка 75... г.х. — 1 экз.

756 г.х. — 1 экз.

(Последняя монета и две других — с контрмарками *Абдуллаха*).

Абдуллах — серебро, дирхемы — 58 экз.,

в том числе:

чеканка Шехр ал-Джедид ал-Махруса, 767 г.х. — 4 экз.,

768 г.х. — 1 экз.,

769 г.х. — 4 экз.,

76... г.х. — 1 экз.;

чеканка Шехр ал-Джедид, 769 г.х. — 1 экз.;

чеканка Азака, 770 г.х. — 1 экз.;

неопределенное место чеканки, 764 г.х. — 4 экз.,

766 г.х. — 4 экз.,

767 г.х. — 14 экз.,

768 г.х. — 1 экз.,

769 г.х. — 10 экз.

76... г.х. — 4 экз.

Подражания дирхемам Абдуллаха — серебро — 1 экз.

Венгрия

Матвей Корвин — серебро, динары — 10 экз.,

выпуски 70-80-х гг.

Владислав — серебро, динары — 5 экз.

в том числе:

1507 г. — 1 экз.,

1509 г. — 1 экз.

Литва

Александр I Ягеллончик — серебро, полугроши — 9 экз.

Сигизмунд I Старый — серебро, полугроши — 6 экз.,

в том числе:

1509 г. — 2 экз.

1510 г. — 4 экз.

Молдавия

Богдан III — биллон, гроши — 27 экз.

Османская империя

Мехмед II — серебро, акче — 1 экз.,

чеканка Юскюпа, 880 или 886 г.х.

Баязид II – серебро, акче – 126 экз.

Чеканка различных монетных дворов (Новара, Каратова, Юскюпа, Сереза, Константинополя, Эдирне и др.). Дата на монетах – 886 г.х. – фиксирует время прихода султана к власти.

Имитации акче Баязида II – 3 экз.

Селим I – серебро, акче – 2 экз.

Одна из монет чеканена в Новаре. Обозначен год прихода к власти султана – 918 г.х.

* А.А.Нудельман в своих публикациях связывал с Баязидом II все известные ему османские монеты из клада – 141 экз. Из них 62 экз. были датированы 1483/1484 гг. – 3-ий год правления, а 11 экз. – 1484/1485 гг. – 5-ый год правления султана.

Литература

Нудельман 1975: 103-104. № 31; 1976: 96-97. № 8; Niculiță, Boldureanu, Nicolae 1997: 201-209.

4. СТАРЫЙ ОРХЕЙ

1980 г.

178 монет.

Находка сделана при археологических исследованиях городища в яме № 137, вблизи гончарной печи.

Золотая Орда

Узбек – серебро, дирхемы – ? экз.

Джанибек – серебро, дирхемы – ? экз.

Абдуллах – серебро, дирхемы – ? экз.

Другие эмитенты (?) – серебро, дирхемы – ? экз.

* Сведения основаны на сообщении авторов раскопок. По их словам «найденно 178 серебряных монет, которые относятся ко времени от правления Узбека (1313-1339) до Абдуллаха (1362-1369)». Более подробная информация отсутствует.

Литература

Абызова, Бырня 1983: 63.

5. ВЭКЭРЕНЬ

(ком. Лункавица, жудец Тулча, Румыния).

Год находки не уточнен.

По некоторым данным 241 монета.

Случайная находка.

Золотая Орда

Анонимный эмитент или Гирай Тодилех(?), серебро, дирхем – 1 экз.

чеканка 762 г.х.

Османская империя

Баязид I – серебро, акче – 1 экз.

чеканка 792 г.х.

Видинская Болгария

Иван Срацимир – серебро, гроши – 9 экз.

(по другому сообщению – 11 экз.)

Валахия

Мирча Старый – серебро, дукаты – 86 экз.,

эмиссии 1386-1394/1396 гг.

(по другому сообщению – 190 экз.)

Влад I Узурпатор – серебро, дукаты – 39 экз.

Литература

Iliescu 1990: 655. Nr. 19; Ursu, Berciu-Drăghicescu 1989: 168-169. Nr. 158.

6. ОЦЕЛЕНЬ

(ком. Хочень, жудец Яшь, Румыния).

1921 г.

Известны 92 монеты, три браслета и три серьги из серебра.

Случайная находка. По некоторым данным в составе клада, помимо украшений, находилось 300-400 монет.

Никейская империя

Иоанн III Дука Ватац – золото, перперы – 2 экз.

Золотая Орда

Туда Менгу – серебро, дирхем – 1 экз.,

чеканка Крыма, 683 г.х.

Тула Буга – серебро, дирхемы – 8 экз.,

чеканка Крыма, 686 г.х.

Токта – серебро, дирхемы – 60 экз.,

в том числе:

чеканка Крыма, 690 г.х. – 33 экз.,

691 г.х. – 5 экз.,

695 г.х. – 4 экз.,

698 г.х. – 18 экз.

Ногай – серебро, дирхемы – 5 экз.,

чеканка Исакчи, 1296-1299 гг.

Имитации дирхемов Токты – серебро – 16 экз.

* Очень вероятно, что имитационные эмиссии крымской чеканке Токты, производившиеся в Северной Добрудже (Исакче?) в 1298-1300/1301 гг., составляют более 50 % монет данного клада.

Литература

Iliescu 1964: 363-407; Oberländer-Târnoveanu 1985: 587-588; Iliescu, Țarălungă 1992: 251-252.

7. ОБАД

(близ Чакова, жудец Тимиш, Румыния).

1920 г.

74 монеты.

Случайная находка.

Золотая Орда

Тула Буга (?) – серебро, дирхем – 1 экз.,

чеканка 690 г.х.

Токта – серебро, дирхемы – 2 экз.,

в том числе:

чеканка 691 или 710 г.х. – 1 экз.

* Весьма велика вероятность, что все три монеты являются имитациями, выпущенными в районе дунайской дельты (Исакче?) около 1298-1300/1301 гг.

Венгрия

Бела II – серебро.

Бела IV – серебро.

Ладислав IV Куман – серебро.

Андрей III – серебро.

Карл Роберт – серебро.

(Всего венгерских динаров и оболлов – 45 экз.).

Сербия

Стефан Драгутин – серебро, гроши.

Стефан Душан – серебро, гроши.

(Всего сербских монет – 12 экз.).

Венеция

Анонимные эмитенты – серебро, динары – 13 экз.,

анэпиграфные монеты второй половины XIII в..

Неустановленное государство.

Неопределенный эмитент – серебро, брактеат – 1 экз.

Литература

Iliescu 1960: 272-273; Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I., 1989: 123.

8. ПРЕЖЕШТЬ

(с. Прэжешть, жудец Бакэу, Румыния).

1964 г.

Сохранилось 56 монет и два платежных слитка серебра.

Случайная находка на холме «Коаста Вией» между селами Прэжешть и Богдэнешть.

Никейская империя

Иоанн III Дука Ватац – золото, перперы – 4 экз.

Золотая Орда

Берке(?) – серебро, дирхем – 1 экз.,

чеканка 660 (?) г.х.

Менгу Тимур(?) – серебро, дирхемы – 3 экз.,

в том числе:

чеканка 668 (?) г.х. – 1 экз.,

670 г.х. – 1 экз.,

676 (?) г.х. – 1 экз.

Туда Менгу – серебро, дирхем – 1 экз.,

чеканка 683 г.х.

Тула Буга – серебро, дирхемы – 12 экз.,

чеканка 686 г.х.

Токта – серебро, дирхемы – 24 экз.,

в том числе:

чеканка 690 г.х. – 2 экз.,

695 г.х. – 5 экз.,

696 г.х. – 17 экз.

Ногай – серебро, дирхемы – 5 экз.,

чеканка 695-696 гг.х.

Имитации дирхемов Токты – серебро – 8 экз.

* Имитационные эмиссии крымской чеканке Токты производились в Северной Добрудже (Исакче?) в 1298-1300/1301 гг.

Литература

Oberländer-Târnoveanu 1985: 588; Iliescu, Țarălungă 1992: 247-251.

9. КАЛОПЭРУ

(с. Калопэру, жудец Долж, Румыния).

Вероятно, 1908 г.

Известно 35 монет.

Случайная находка.

Золотая Орда

Токта – серебро, дирхемы – 35 экз.,

вероятно, все – чеканки Крыма,

в том числе:

690 г.х. – 1 экз.,

691 г.х. – 4 экз.,

695 г.х. – 8 экз.,

696 г.х. – 10 экз.,

698 г.х. – 12 экз.

* По крайней мере, часть из этих монет определена в последние годы как имитативная чеканка Исакчи в низовьях Дуная, осуществлявшаяся в 1298-1300/1301 гг.

Литература

Иliescu 1960: 271. Nr. 3; Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I. 1989: 123; Иliescu, Țarălungă 1992: 252.

10. ЛОЗОВО

(с. Лозова, Кишиневский уезд, Молдова.)

1959 г.

Известны 30 монет.

Комплекс обнаружен при раскопках на одноименном поселении «красно-желтой ленточной керамики» XIV в.

Золотая Орда

Джанибек – серебро, дирхемы – 3 экз.,

в том числе:

чеканка Сарая ал-Джедид, 747 г.х. – 2 экз.,

чеканка Гюлистана, 757 г.х. – 1 экз.

(Все монеты с контрмарками Абдуллаха).

Бердибек – серебро, дирхем – 1 экз.,

чеканка Гюлистана, 759 г.х.

(На монете контрамарка Абдуллаха).

Абдуллах – серебро, дирхемы – 25 экз.,

в том числе:

чеканка Шехр ал-Джедид ал-Махруса, 763 г.х. – 1 экз.

764 г.х. – 4 экз.

765 г.х. – 7 экз.

766 г.х. – 2 экз.

769 г.х. – 2 экз.

чеканка Янги-Шехр ал-Махруса, 765 г.х. – 3 экз.

769 г.х. – 1 экз.

чеканка Шехр ал-Джедид, 765 г.х. – 1 экз.

767 г.х. – 2 экз.

768 г.х. – 1 экз.

769 г.х. – 1 экз.

Неопределенный эмитент, серебро, дирхем – 1 экз.

Литература

Нудельман 1975: 97-98, № 8; 1976: 91. № 3.

11. РАШКОВО – II

(с. Рашков, Дубоссарский уезд, Молдова)

1958 г.

Известно 23 монеты.

Случайная находка.

Золотая Орда

Джанибек – серебро, дирхемы – 23 экз.,

в том числе:

чеканка Сарая ал-Джедид, 745 г.х. – 1 экз.,

749 г.х. – 1 экз.,

753 г.х. – 21 экз.

Литература

Нудельман 1975: 97. № 7; 1976: 91. № 2.

12. НЕЗАВЕРТАЙЛОВКА

(с. Незавертайловка, Дубоссарский уезд, Молдова)

1968 г.

Известно 17 монет.

Случайная находка.

Золотая Орда

Узбек – серебро, дирхемы – 3 экз.,

чеканка Сарая ал-Махруса, 722 г.х.

Джанибек – серебро, дирхемы – 14 экз.,
в том числе:
чеканка Сарая ал-Джедид, 752 г.х. – 7 экз.,
753 г.х. – 5 экз.;
чеканка Гюлистана, 753 г.х. – 2 экз.

Литература

Нудельман 1975: 97. № 5; 1976: 91. № 4.

13. БЕЛГОРОД

(современный г. Белгород-Днестровский).

1970 г.

17 монет.

Находка сделана в ходе археологических раскопках на средне-вековом городище.

Золотая Орда

Узбек – серебро, дирхемы – 3 экз.:

в том числе:

чеканка 713 г.х. – 1 экз.

Джанибек – медь, пул – 1 экз. (тип с цветком),

чеканка 74... г.х.

Имитации пулам середины XIV в. – медь – 12 экз.:

типы Костешты-Гырля I и II.

Неопределенная монета – медь – 1 экз.

Литература

Нудельман 1974: 188-229; 1975: 96, № 4.

14. МАРАЛОЮ

(ком. Градиштя, жудец Брэила, Румыния).

1965 г.

Известны 14 монет.

Обстоятельства находки не ясны.

Деспотат Исакча

Анонимная эмиссия – медь, фоллери – 1 экз.,

чеканка Исакчи, около 1285-1295 гг.

Золотая Орда

Имитации дирхемат Токты – серебро – 3 экз.,

чеканка Исакчи(?), 1298-1300/1301 гг.

Сербия

Стефан Душан – серебро, динар – 1 экз.

Видинская Болгария

Иван Срацимир – серебро, грош – 1 экз.

Валахия

Владислав I Влайку – серебро, динары – 5 экз.

Раду I – серебро, динар – 2 экз.

Мирча Старый – серебро, дукат – 1 экз.

* Высказано вполне аргументированное мнение, что представленные монеты составляют два смешанных комплекса: конца XIII в. и второй половины XIV в. Второй из них не содержал монет, связанных по происхождению с Золотой Ордой.

Литература

Cândea 1979: 165-170; Oberländer-Târnoveanu 1985: 586; Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I. 1989: 123.

15. БЕССАРАБИЯ

(точное место находки не установлено).

Время открытия неизвестно.

Сохранилось 8 монет.

Вероятно, случайная находка.

Золотая Орда

Узбек – серебро, дирхемы – 6 экз.,

в том числе:

чеканка Крыма, 715 г.х. – 2 экз.

Литература

Федоров-Давыдов 1960: 153, № 126; Нудельман 1975: 96, № 3; 1976: 92, № 5.

16. АККЕРМАН-II (?)

Первая половина XIX в.

Известно 6 монет.

Вероятно, случайная находка, место обнаружения которой точно не отмечено.

Золотая Орда

Токта – серебро, дирхемы – 6 экз.,

в том числе:

чеканка Крыма, 690 г.х. – 2 экз.,

год стерт – 4 экз.

* По замечанию автора, опубликовавшего эти монеты, они «выкопаны вместе из земли где-то в здешнем краю». Как указывается в литературе, в данной находке следует видеть клад, причем «ряд обстоятельств позволяет рассматривать его вместе с белгородскими находками».

Литература

Григорьев 1844: 301-302. Рис. VI, 1; Булатович 1986: 117-118.

17. БЕРЕЗАНЬ

(остров Березань, Николаевская область, Украина).

1946-1947 (?) гг.

6 монет.

Монеты обнаружены в «раздавленном» медном котелке при археологических раскопках.

Золотая Орда

Токта – серебро, дирхемы – 6 экз.,
чеканка Крыма, 691 г.х.

Литература

Болтенко 1960: 44.

18. РАШКОВО – I

1957 г.

Известно 5 монет.

Случайная находка.

Золотая Орда

Джанибек – медь, пулы – 5 экз.,
чеканка Сарая ал-Джедид, 752 г.х.

Литература

Нудельман 1975: 97. № 6; 1976: 90. № 1.

19. ПЭКУЮЛ ЛУЙ СОАРЕ

1963 г.

4 монеты.

Обстоятельства и место находки не уточнены.

Золотая Орда

Тула Буга – серебро, дирхем – 1 экз.
Токта – серебро, дирхем – 1 экз.,

чеканка Крыма, 691 г.х.

Анонимные эмиссии – серебро, дирхемы – 2 экз.,

чеканка Исакчи, около 1310-1350 гг.

Литература

Pliescu 1977: 159.

20. НУФЭРУ

(ком. Нуфэру, жудец Тулча, Румыния).

1981 г.

3 монеты.

Случайная находка в пункте «Ла Пятра».

Золотая Орда

Имитации дирхемам Токты – серебро – 2 экз.,

чеканка Исакчи(?), 1298-1300/1301 гг.

То же – посеребренная медь – 1 экз.

Литература

Oberländer-Târnoveanu, Mănucu-Adameşteanu 1984: 263.

**** Клады 21-24** включены в сводку уже после написания книги и по этой причине не учтены в статистических таблицах. Вместе с тем они только подтверждают правильность сделанных построений.

21. ТЫРНОВО

(г.Велико Тырново, Болгария).

Городище на берегу р.Янтра, центральная часть которого расположена на высоком холме Царевец. В 1185-1393 гг. – столица Второго Болгарского царства.

Год обнаружения не уточнен.

6 монет.

Находка сделана в одном из сооружений на северо-западном склоне Царевца.

Золотая Орда

Ногай – серебро, дирхемы – 3 экз.,

чеканка Исакчи, 1296-1300 гг.

Чака – серебро, дирхем – 1 экз.,

чеканка Исакчи, 1296-1300 гг.

Имитация дирхемов Токты – серебро – 2 экз.,

чеканка Исакчи

Литература

Дочев 1992: 167-168. Табл. 24, 1-2.

22. ИЗМАИЛ

(г. Измаил, Одесская область, Украина).

Время обнаружения не выяснено. Скорее всего, находка сделана случайно в межвоенный период.

Общее количество монет неизвестно. Часть из них хранится в Национальном музее истории (Бухарест).

Золотая Орда

Токта – серебро, дирхемы – ? экз.,
чеканка конца XIII в.

Литература

Oberländer-Târnoveanu 1997: 117. Автор намерен издать сохранившиеся монеты данного комплекса.

23. ТУЛЧА

(г. Тулча, Румыния).

Обстоятельства находки, сделанной в окрестностях города до 1977 г., также как и количество монет остаются неизвестными. Часть монет хранится в Музее дельты Дуная (Тулча).

Золотая Орда

Ногай и Чака – серебро, дирхемы – ? экз.,
чеканка Исакчи (?), конец XIII в.

Литература

Oberländer-Târnoveanu 1997: 118. Автор намерен издать сохранившиеся монеты данного комплекса.

24. ИСАКЧА

Обстоятельства находки, сделанной до 1986 г., не уточнены.

Общее количество монет неизвестно. Часть из них находится в коллекции Музея дельты Дуная в Тулче.

Золотая Орда

Токта (?), серебро, дирхемы – ? экз.

Ногаиды, серебро, дирхемы – ? экз.

Литература

Oberländer-Târnoveanu 1997: 117-118. Автор намерен издать сохранившиеся монеты данного комплекса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абызова Е.Н., Бырня П.П. 1983. Исследования в Старом Орхее в 1979-1980 гг. // Археологические исследования в Молдавии в 1979-1980 гг. Кишинев. С.53-76.
- Авдев С. 1988. За упадък на стоковото производство в Добруджа през втората половина на XIV в. (по нумизматични данни) // Нумизматика. № 2. С.32-40.
- Акты 1867. Древние акты Константинопольского Патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИД. Т.6. С. 446-447.
- Ангелов Д., Шефънеску Щ. 1965. Общи черти и различия в общественно-икономическото развитие на България и Влашко през вековете. София. Т. 1. С.55-111.
- Атанасов Г. 1993. Отново за локализацията на средновековния град Вичина / / Исторически преглед. Кн. 3. С. 3-19.
- Афанасьев Ю.Н. 1986. Фернан Бродель и его видение истории // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 1. С.5-28.
- АУ. 1986. Археология Украинской ССР. Киев. Т.3.
- Бадян В.В., Чиперис А.М. 1974. Торговля Каффы в XIII—XIV вв. // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев. С.174-189.
- Барбаро И. 1971. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. С. 113-161.
- Барг М.А. 1964. Структурный анализ в историческом исследовании // Вопросы философии. №10. С. 83-92.
- Беляков А.С. 1990. Медные монеты белгородской чеканки середины XV в. // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев. С. 180-185.
- Бибииков М.В. 1981. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII-XIII вв.) // ДГ-1980. М. С.5-151.
- Блок М. 1973. Апология истории или Ремесло историка. М.
- Боккаччо Д. 1970. Декамерон. М.
- Болтенко М.Ф. 1960. Исторические судьбы острова Березани // ЗОАО. Т. I. С. 38-46.

- Бондарь Р.Д., Булатович С.А. 1989. Нумизматические памятники Нижнего Подунавья // История и археология Нижнего Подунавья (Чтения памяти проф. А.И.Доватура): Тез. докл. науч.-практ. семинара. Рени. С. 53-54.
- Бродель Ф. 1986. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. Т. 1. М.
- Брун Ф.К. 1880. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852-1877). Часть 2 // Записки Новороссийского университета. Т.30. Одесса.
- БСГК 1981. Български средновековни градове и крепости. Варна. Т.1. Градове и крепости по Дунав и Черно море.
- Булатович С.А. 1986. Джучидские монеты из Белгород-Днестровского // Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII — XIV в.). Киев. С. 117-120.
- Быня П.П. 1984. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV — начало XVI в.). Кишинев.
- Быня П.П. 1985. Каменное сооружение I в Старом Орхее // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев. С. 24-35.
- Быня П.П. 1987. К вопросу об этапах градообразования в Днестровско-Прутском междуречье (до установления османского ига) // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. М. Т.1. Вып. 2а. С.43-49.
- Быня П.П., Русев Н.Д. 1988. О господстве золотоордынской государственности в Днестровско-Карпатских землях // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитой феодализм). Чтения, посвященные памяти академика Л.В.Черепнина. М. Вып.1. С.147-152.
- Великанова М.С. 1993. Антропология средневекового населения Молдавии (по материалам памятника Старый Орхей) // Антропологические исследования. Кн. 3. М.
- Веселовский Н.И. 1922. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время / Записки РАН. Т. XIII. №6.
- Войцеховский В.А. 1954. Памятники архитектуры Молдавии XIV-XVIII вв. / КСИИМК. Вып. 56. С.40-50.
- Войцеховский В.А. 1972. Строительные надписи на стенах крепости в Белгороде-Днестровском // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев. С. 371-374.
- Гарднер Д. 1986. Жизнь и время Чосера. М.
- Гезер 1967. История повальных болезней. Ч.1. СПб.
- Герасимов Т. 1965. Монеты на Георги Тертер с полумесец, звезда и бюст на човек // Известия на Археологическия институт. Т. 28. С. 25-30.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. 1950. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.

- Григора Н. 1862. Римская история Никифора Григоры (1204-1341). Т. 1. СПб.
- Григора Н. 1983. Никифор Григора. Византийска история // ГИБИ. Т. XI. София. С. 122-193.
- Григорьев В. 1844. Монеты Джучидов, генуэзцев и Гиреев, битые на Таврическом полуострове и принадлежащие обществу // ЗООИД. Т. I.
- Гросул В.Я., Губоглу М.Н. 1980. К истории молдавско-славянских связей // Советское славяноведение. №5. С.119-120.
- Гумилев Л.Н. 1989. Древняя Русь и Великая степь. М. Мысль.
- Гусева Т.В. 1985. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (Основные этапы развития). Горький.
- Гюзелев В. 1981. Средневековна България в светлината на нови извори. София.
- Гюзелев В. 1995. Очерци върху историята на Българския североизток и Черноморието (края на XII — началото на XV век). София.
- Дергачев В.А. 1989. Молдавия и соседние территории в эпоху энеолита — бронзы. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л.
- Дергачев В.А. 1991. О понятии «контактная зона» // Археологические культуры и культурная трансформация. Л. С. 76-82.
- Дергачев В.А. 1999. Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья. К проблеме взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы // Stratum plus. № 2. С. 169-221.
- Димитров Б. 1984. България в средновековна картография XIV-XVII век. София.
- Добролюбский А.О. 1982. Этнический состав кочевого населения Северо-Западного Причерноморья в золотоордынское время // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев. С.28-39.
- Добролюбский А.О. 1986. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев.
- Добролюбский А.О. 1989. Кочевники на Юго-Западе СССР в X — XVIII веках (историко-археологическое исследование). Автореф.дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Добролюбский А.О., Дзиговский А.Н. 1981. Памятники кочевников IX-XIV вв. на западе причерноморских степей (материалы к археологической карте) // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев. С. 134-144.
- Дочев К. 1992. Монети и парично обръщение в Търново XII-XIV в. Велико Търново.
- ДСО 1981 — Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. Древности Старого Орхя. Золотоордынский период. Кишинев.
- Егоров В.Л. 1985. Историческая география Золотой Орды. М.
- Еманов А.Г. 1986. Проблема аспра в итальянской торговле в Северном Причерноморье XIII — XIV вв. // Проблемы социальной истории и культуры

- средних веков. Л. С.158-159.
- Зимин А.А. 1969. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М.
- ИБ 1982. — История на България. Т. 3: Втора българска държава.София.
- Илюшечкин В.П. 1986. Сословная и классовая структура в добуржуазных обществах // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. М. С.53.
- ИМ 1987. — История Молдавской ССР. Т.1. Кишинев.
- ИМолд 1951. — История Молдавии: В 2 т. Кишинев.
- ИМССР. 1965. — История Молдавской ССР: Т.1. Кишинев.
- ИУ. 1982. — История Украинской ССР. В 10 т. Киев. Т.2.
- Йорданов И. 1982. Монетосечене на българските владетели в Добруджа (втора половина на XIV в.) // Средновековна България и Черноморието. Варна. С. 119-129.
- Йорданов И. 1984. Монети и монетно обръщение в средновековна България (1061-1261). София.
- Калинина Т.М. 1975. Волжская Болгария и Дунайская Болгария в трудах средневековых арабо-персидских географов // Проблемы социально-экономической и политической истории СССР. М. С.153-157.
- Кантакузин Й. 1980. История // ГИБИ. Т. X. София. С. 218-296.
- Кантемир Д. 1973. Описание Молдавии. Кишинев.
- Карпов С.П. 1981. Трапезундская империя и западно-европейские государства в XIII — XV вв. М.
- Карпов С.П. 1990. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XIV вв.: проблемы торговли. М.
- Карпов С.П. 1998. Регестры документов фонда Секретного Архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. Вып. 3. М., СПб. С. 9-81.
- Карышковский П.О. 1971. Находки поздне римских и византийских монет в Одесской области // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса. Вып.7. С.86.
- Ключевский В.О. 1988. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.
- Книга хожений. 1984. Записи русских путешественников XI — XV вв. М.
- Коледаров П.С. 1973. Първата българска държава в средновековната картография // Векове. №1.
- Коновалова И.Г. 1981. «Описание Восточной Европы» 1308 г. как источник по истории Карпато-Дунайских земель // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. Дооктябрьский период. М. С. 6-25.
- Коновалова И.Г. 1983. Итальянские навигационные пособия XIII-XIV вв. как источник по истории и исторической географии Северо-Западного Причерноморья // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М. С. 35-50.

- Коновалова И.Г. 1989. Итальянские купцы в Северо-западном Причерноморье в XIII в. // ДГ-1987. М. С.302-309.
- Коновалова И.Г. 1989а. Торговая фактория в Килие (по данным нотариальных актов 1360-1361 гг.) // Известия АН Молдавской ССР. Серия общественных наук. №1. С. 14-21.
- Коновалова И.Г. 1991. Арабские источники XII— XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // ДГ-1990. М. С. 5-115.
- Коновалова И.Г. 1994. Вывоз зерна из портов Северо-Западного Причерноморья в XIV в. и его значение для экономического развития региона // *Evul mediu timpuriu în Moldova (probleme de istoriografie și istorie urbană)*. Chișinău. P. 108-125.
- Конрад Н.И. 1972. Восток и Запад. Статьи. М.
- Коциевский А.С. 1990. Надчеканка татарских монет в средневековом Белгороде // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев. С. 156-165.
- Кравченко А.А. 1986. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII — XIV вв.). Киев.
- Крачковский И.Ю. 1957. Избранные сочинения. Т.4. Арабская географическая литература. М.-Л.
- Кузев Ал. 1990. Владял ли е Теодор Светослав Маврокастро? // Годишник на Софийския университет — Център «Ив.Дуйчев». Т. I (1987). С.101-106.
- Ланнуа Г. 1853. — Путешествия и посольства господина Гильберта де Ланнуа, кавалера Золотого руна, владельца Санта, Виллерваля. Троншиена, Бомона, Вагени в 1399-1450 годах // ЗООИД. Т. III. С. 433-445.
- Ле Гофф Ж. 1992. Цивилизация средневекового Запада. М.
- Лызлов А.А. 1990. Скифская история. М.
- Маркс 23. — Маркс К. Капитал. Т.1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. изд.2. Т. 23.
- Маркс К. 1989. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // ВИ. №1-4.
- Мартынов А.И., Шер Я.А. 1989. Методы археологического исследования. М.
- Мохов Н.А. 1964. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев.
- Мохов Н.А. 1974. Молдавский торговый путь в XIV-XV вв. // Польша и Русь. М. С. 298-307.
- Мухамадиев М.Г. 1983. Булгаро-татарская монетная система. М.
- Мушмов Н.А. 1924. Монетите и печатите на българските царе. София.
- Насонов А.Н. 1940. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.-Л.
- Наумов Е.П. 1974. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники 1973 г. М. С.150-163.
- Наумов Е.П. 1986. Положение болгарских земель в эпоху турецкого завоевания и русско-болгарские связи конца XIV в. // Руско-български връзки през вековете. София. С. 107-119.
- Недков Б. 1960. България и съседните земи през XII век според «Географи-

- ята» на Идриси. София.
- Ников П. 1929. Българи и татари в средните векове // Българска историческа библиотека. София. Т.3. С.136-141.
- НПЛ 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.
- Нудельман А.А. 1975. К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV — начале XVI вв. (По материалам кладов) // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев. С. 94-124.
- Нудельман А.А. 1976. Топография кладов и находок единичных монет // Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 8. Кишинев.
- Нудельман А.А. 1985. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе (с древнейших времен до образования феодального Молдавского государства). Кишинев.
- Павлов Пл. 1989. България, «Златната орда» и куманите (1242 — около 1274) // Векове. Кн. 2. С. 24-33.
- Павлов Пл. 1992. Бележки по въпроса за българското етническо присъствие в междуречието на Дунав и Днестър през XII-XIV в. // БСП. Т. I. С. 57-69.
- Павлов Пл. 1995. Татарите на Ногай, България и Византия (около 1270-1302 г.) // БСП. Т. IV. С. 121-130.
- Павлов Пл., Атанасов Г. 1994. Преминаването на татарската армия през България (1241-1242 г.) // Военноисторически сборник. Год. LXIII. Кн. 1. С. 5-20.
- Параска П.Ф. 1981. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев.
- Пахимер Г. 1862. — История о Михаиле и Андронике Палеологах. СПб.
- Пенчев В. 1984. Бележки към някои български средновековни монетосечения // Нумизматика. №1. С. 12-30.
- Пенчев В. 1987. Към историята на Дръстър през XIII в. (по нумизматични данни) // Нумизматика. №2. С. 26-30.
- Петрушевский И.П. 1952. Рашид-ад-дин и его исторический труд // Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1. М.; Л. С. 7-37.
- Плетнева С.А. 1982. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.
- Полевой Л.Л. 1956. К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII-XV вв. // Известия Молдавского филиала АН СССР. №4 (31).
- Полевой Л.Л. 1960. Монеты из раскопок Старого Орхоя (1947-1956) // Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев. С. 317-352.
- Полевой Л.Л. 1964. Об одной из групп керамики на поселениях XIV в. в Пруто-Днестровском междуречье // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев. С. 182-196.
- Полевой Л.Л. 1967. Поселение XIV в. у с.Костешты // ЗОАО. Т.2 (35). С.119-

130.

- Полевой Л.Л. 1969. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. По материалам раскопок гончарного квартала на поселении Костешты. Кишинев.
- Полевой Л.Л. 1969а. Монеты из раскопок и сборов на поселении Костешты-Гырля (1946-1959 гг.) // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев. С. 146-161.
- Полевой Л.Л. 1976. Возникновение Валашского государства (рукопись).
- Полевой Л.Л. 1979. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV веков. Кишинев.
- Полевой Л.Л. 1985. Раннефеодальная Молдавия. Кишинев.
- Полевой Л.Л. 1988. Международная черноморская торговля и социально-экономическое развитие Днестровско-Карпатских земель во второй половине XIII-XIV вв. (по материалам истории товарно-денежного обращения) // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев. С. 7-22.
- Полевой Л.Л. 1990. Редкая серия молдавских монет Белгорода на Днестре и некоторые вопросы его истории XV в. // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев. Штиинца. С. 165-179.
- Полевой Л.Л. 1991. Проблема возникновения городов феодальной Молдавии (история изучения, его результаты и перспективы) // Молдавский феодализм: общее и особенное (история и культура). Кишинев. С. 67-93.
- Полевой Л.Л., Бырня П.П. 1974. Средневековые памятники XIV-XVII вв. // Археологическая карта Молдавской ССР. Вып.7. Кишинев.
- Поляк А.Н. 1964. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М. Т.1.
- Протокол 1913. — 419 заседание Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. 14 ноября 1912 года // ЗООИД. Т. XXXI. С. 87-91.
- ПСРЛ 1965. — Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 10-11. М.
- Путешествия 1957. Путешествия в восточные страны: Плано Карпини и Рубрика. М.
- Райт Дж.К. 1988. Географические представления в эпоху крестовых походов. Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе. М.
- Рашид-ад-дин 1960. Сборник летописей. Т. II. М.; Л.
- Ремпель Л.И. 1978. Искусство Среднего Востока. М.
- Рубрук 1981. — Пътепис на брата Вилхелм де Рубрук от Ордена на минорите, в година на милост господня 1253, за източните страни // ЛИБИ. Т.4. С.192-262.
- Русев П., Давидов А. 1966. Григорий Цамблак в Румыния и в старата румынска литература. София.
- Русев Н.Д. 1982. О западных пределах Золотой Орды // Памятники римско-

- го и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев. С.40-55.
- Руссев Н.Д. 1990. Этнический и конфессиональный состав населения Белгорода (Четатя Албэ) золотоордынского периода // Молдавский исторический журнал. №4. С. 34-35.
- Руссев Н.Д. 1993. Нижний Дунай в истории Молдовы XIV в. // Молдавский исторический журнал. №1. С. 39-46.
- Руссев Н.Д. 1997. Българите и татарите от «Златната орда» на Долни Дунав (втората половина на XIV — първата четвърт на XV в.) // БСП. Т. VI. С. 153-167.
- Рябой Т.Ф. 1993. Шехр ал-Джедид — золотоордынский город Днестровско-Прутского междуречья. Автореферат ... канд. ист. наук. М.
- Самаркин В.В. 1976. «Черная смерть» по данным современной зарубежной литературы // Вестник МГУ. История. №3. С.69-80.
- Санцевич А.В. 1984. Методика исторического исследования. Киев.
- Сванидзе А.А. 1989. Средневековый город — центр культурного взаимодействия (аспекты похода) // ДГ-1987. М.
- Сидоренко В.А. 1999. Ханы Мамаевой орды и город Янгишехр // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь. С. 149-155.
- Скржинская Е.Ч. 1971. История Таны // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей XV в. Л.
- Сметанин Г.В. 1988. Кипрское общество XIV в. по данным счета Геро, епископа Пафосского // Античная древность и средние века. Вопросы социального и политического развития. Свердловск. С.100-112.
- Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. 1959. Задачи археологического изучения Золотой Орды // Советская археология. №4.С. 128-134.
- Соловьев С.М. 1960. История России с древнейших времен. М. Кн. II. Т.3-4.
- Соловьев С.М. 1966. История России с древнейших времен. М. Кн. XV. Т.29.
- Старокадомская М.К. 1974. Солхат и Каффа в XIII — XIV вв. // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев. С.162-173.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. 1884. Извлечения из сочинений арабских. СПб.
- Т. 2. 1941. Извлечения из персидских сочинений. М.; Л.
- Тизенгаузен В.Г. 1890. Заметка о сношениях Египта с Сербией и Болгарией в XIV веке // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т.4. С.103-105.
- Тихомиров М.Н. 1979. Русское летописание. М.
- Ткачук М.Е. 1997. Nerusskaja идея. Опыт патриотической герменевтики // Стратум: структуры и катастрофы. СПб. С. 240-266.
- Ткачук М.Е. 1997а. Контактная зона и этнокультурная идентичность // Культурные взаимодействия в условиях контактных зон. СПб. С. 7-10.
- Тодорова Е. 1982. Отношения на Добротица с генуезците // Средновековната

- България и Черноморието. Варна. С.111-118.
- Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. 1973. Археология Румынии. М.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1958. Основные закономерности развития денежно-весовых норм в Золотой Орде // Археографический ежегодник за 1957 г. М. С. 7-16.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1958а. Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в. (По данным Франческо Пеголотти) // СА. №3. С. 65-72.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1960. Клады джучидских монет. (Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орде) // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М. С. 94-192.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1963. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М. С. 165-221.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1965. Города и кочевые степи в Золотой Орде в XIII веке // Вестник МГУ. История. №6. С. 49-57.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1976. Общественный строй кочевников в средневековую эпоху // ВИ. №8. С. 39-48.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1989. Монеты Нижегородского княжества. М.
- Фомичев Н.М. 1981. Джучидские монеты из Азова // СА. №1. С. 219-241.
- Френ Х.М. 1832. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб.
- Чосер Дж. 1988. Кентерберийские рассказы. М.
- Шабульдо Ф.М. 1987. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества литовского. Киев.
- Шильтбергер И. 1984. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Баку.
- Штерн Э.Р. 1913. Раскопки в Аккермане летом 1912 г. // ЗООИД. Т. XXXI. С. 92-101.
- Энгельс 7. — Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2. Т.7. С.343-437.
- Янина С.А. 1977. «Новый город» (= Янги-Шехр = Шехр ал-Джедид) — монетный двор Золотой Орды и его местоположение // Труды Государственного исторического музея. Вып. 49. Нумизматический сборник. Часть V. Вып. 1. М. С. 193-213.
- Яцимирский А.И. 1904. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб.
- Яцимирский А.И. 1906. Из истории славянской проповеди в Молдавии. Незвестные произведения Григория Цамблака, подражание ему и переводы монаха Гавриила. СПб.
- Aboulfeda 1848. — Geographie d'Aboulfeda. T. II. Paris.
- Alexandrescu-Dersca Bulgaru M. 1978. Știri despre Babadag în evul mediu // RI. N 3. P.445-463.

- Angelov D. 1981. Wichtigste Momente in der politischen Geschichte des Schwarzmeergebietes vom 4. bis zur Mitte der 15. Jh. // *Byzantinobulgarica*. T.VII. S.25-42.
- Balard M. Gênes et l'Outre-Mer. Paris.
- T.1. 1973. Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289-1290.
- T. 2. 1980. Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzo. 1360.
- Balard M. 1980a. Un document génois sur la langue roumaine en 1360 // *RESEE*. N 2. P.233-238.
- Balbi G. Raiteri S. 1973. Notai genovesi in Oltremare. Atti a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). Genova.
- Balletto L. 1976. Genova mediterraneo Mar Nero (secc. XIII-XV). Genova.
- Baraschi S. 1987. Tatars and Turks in Genoese Deeds from Kilia (1360-1361) // *RESEE*. N 1. P.61-67.
- Barnea I., Mitrea B. 1959. Săpăturile de salvare de la Noviodunum (Isaccea) // *Materiale și cercetări de arheologie*. Vol. V. P. 461-473.
- Brătianu G. 1926. Les Bulgares a Cetatea Albă (Akkerman) au dbut du XIV siecles // *Byzantion*. T.II. Paris. P. 153-167.
- Brătianu G.I. 1935. Recherches sur Vicina et Cetatea Albă. Contributions a l'histoire de la domination byzantine et tatar et du commerce génois sur le littoral roumain de la Mer Noire. București.
- Brătianu G.I. 1988. Marea Neagră. De la origini pînă la cucerirea otomană. Vol. II. București.
- Cantacusino Gh.I. 1981. Cetăți medievale din Țara Românească. Secole XIII-XIV. București.
- Ciobanu R. Șt. 1971. Cetatea Enisala // *Buletinul monumentelor istorice*. N 3.
- Cihodaru C. 1968. Litoralul de apus al Mării Negre și cursul inferior în cartografia medievală (secolele XII — XIV) // *Studii. Revista de istorie*. Nr.2. P. 217-241.
- Ciocîltan V. 1987. «Către părțile tătărești» din titlul voievodal al lui Mircea cel Bătrîn. // *AIAX*. T. XXIV.
- Ciocîltan V. 1998. Mongolii și Marea Neagră în secolele XIII-XIV. Contribuția Cinghizhanizilor la transformarea bazinului Pontic în placă turnată a comerțului Euro-Asiatic. București.
- Cândea I. 1979. Tezaurul de monede feudale de la Maraloiu, județul Brăila // *Danubius*. T. VIII-IX. P. 165-172.
- Constantinescu N. 1972. Coconî. Un sat din Cîmpia Română în epoca lui Mircea cel Bătrîn. Studiu arheologic și istoric. București.
- Constantinescu N. 1984. Curtea de Argeș (1200-1400). Asupra începuturilor Țării Românești. București.
- CS 1968. — Călători străini despre Țările Române. Vol. I. București.
- Decei A. 1973. L'invasion de tatars de 1241/1242 dans nos régions selon la Djami' ot-Tevarikh de Fâzil ol-lah Râșid od-Din // *RRH*. T. XII. Nr. 1. P. 101-121.
- Decei A. 1978. Relații româno-orientale: Culegere de studii. București.

- Deletant D. 1984. Genoese, Tatars and Rumanians at the Mouth of the Danube in the fourteenth century // *The Slavonic and East European Review*. N 4. P.511-530.
- Diaconu Gh., Constantinescu N. 1960. Cetatea Șcheia. București.
- Diaconu P. 1964. Monede rare și inedite din epoca feudală de început descoperite la Păciul lui Soare și împrejurimi (Dobrogea) // *SCIV*. N 1. P.143-147.
- Diaconu P. 1975. Din nou despre moneda de argint a lui Gh.Terter I // *SCN*. Vol. VI.
- Diaconu P. 1976. Păciul lui Soare — Vicina // *Byzantina*. T.8. P. 409 — 447.
- Diaconu P. 1978. O formațiune statală la Dunărea de Jos la sfârșitul secolului al XIV-lea necunoscută până în prezent // *SCIVA*. T. 29. Nr. 2. P.185- 201.
- Diaconu P. 1987. Cîteva probleme privitoare la monedele de aramă din sudul Dobrogei în ultima treime a sec. XIV // *SCIVA*. Nr. 2. P. 142-158.
- Diaconu P., Baraschi S. 1977. Păciul lui Soare. București. Vol.2: Așezarea medievala (secolele XIII-XIV)
- DIR. 1953. Documente privind istoriei României. București,
- B. Țara Românească (1247-1500).
- DRH. — Documenta Romaniae Historica. București,
- A. Moldova. Vol. I (1384-1448). 1975; Vol. II. (1449-1486). 1976; Vol. III (1487-1504). 1980.
- B. Țara Românească. Vol I (1247-1500). 1966.
- D. Relații între țările române. Vol. I (1222-1456). 1977.
- Eskenasy V. 1981. Din istoria litoralului vest-pontic: Dobrotici și relațiile sale cu Genova // *RI*. T. 34. Nr. 11. P. 2047-2062.
- Eskenasy V. 1983. Les Génois en Mer Noire: à propos d'une nouvelle édition des documents de Kilia // *RRH*. N 1. P. 87-90.
- Ghiața A. 1986. Formations politiques au Bas Danube et a la Mer Noire (fin du XIIe — XVe s.) // *RESEE*. N 1. P.35-50.
- Gioffre D. 1971. Il mercato degli schiavi a Genova nel seccolo XV. Genova: Bozzi.
- Giurescu C.C. 1965. Le commerce sur le territoire de la Moldavie pendant la domination tartare (1241-1352) // *Nouvelles études d'histoire*. Bucarest. Vol.3. P.55-70.
- Giurescu C.C. 1967. Țîrguri sau orașe și cetăți moldovene din secolul al X-lea până la mijlocul secolului al XIV-lea. București.
- Giurescu C.C. 1971. Localizarea Vicinei și importanța orașului pentru spațiul carpato-dunărean // *Peuce*. Vol.2.
- Giurescu C.C., Giurescu D.C. 1974. Istoria românilor. București. Vol.1. P.262-266.
- Giurescu D.C. 1973. Țara Românească în secolele XIV-XV. București.
- Golubovich P.G. 1913. Biblioteca Bio-Bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francese. T.2: Addenda al sec. XIII, e fonti pel sec. XIV. Firenze.
- Gonța A.I. 1983. Românii și Hoarda de Aur (1241-1502). München.
- Gorovei Șt.S. 1973. Dragoș și Bogdan: Probleme ale formării statului feudal Moldova. București.
- Gorovei Șt.S. 1997. Întemeierea Moldovei. Probleme controversate. Iași.
- Grămadă N. 1924. Vicina. Izvoarele cartografice. Originea numelui. Identificarea

- oraşului // Codrul Cosminului. N 1. P. 435-459.
- Hurmuzaki 1890. Documente privitoare la istoria Românilor culese de Eudoxiu de Hurmuzaki. Vol.1. Bucureşti.
- Ibn Battuta 1962. The travels of Ibn Battuta A.D. 1325-1353. // Translated with revisions and notes from the Arabic text edited by C.Defremery and B.R.Sanduineti by H.A.R.Gibb. Vol.2. Cambridge.
- Iliescu O. 1960. Monede tatăreşti din secolele XIII — XV găsite pe teritoriul Republicii Populare Române (notă preliminară) // SCN. Vol. III. P. 263-277.
- Iliescu O. 1964. Monede din tezaurul descoperit la Oteleni (raionul Huşi, reg. Iaşi) // AM. Vol. II-III. P. 363-407.
- Iliescu O. 1965. Notes sur l'apport roumain au ravitaillement de Byzance d'après une source inedite du XIVe siècles // Nouvelles études d'histoire. Bucarest. P.105-116.
- Iliescu O. 1970. Moneda în Romania (491-1864). Bucureşti.
- Iliescu O. 1971. Emisiuni monetare ale oraşelor medievale de la Dunărea de Jos. // Peuce. Vol. II. P. 261-266.
- Iliescu O. 1972. Localizarea vechiului Licostomo // Studii. Reviste de istorie. N 3. P. 435-462.
- Iliescu O. 1974. Asperi de Licostomo la 1383 // RI. Nr. 3. P. 451-456.
- Iliescu O. 1975. Tezaurul de perperi bizantini de la Isaccea // SCN. Vol.VI. P.239-242.
- Iliescu O. 1977. La monnaie génoise dans les pays roumains aux XIII-XV siècles // Colocviul româno-italian «Genovezii la Marea Neagră în secolele XIII-XIV». Bucureşti. P. 155-171.
- Iliescu O. 1977a. Monede medievale si moderne descoperite la Păcuiul lui Soare în anii 1956-1974 // Diaconu P. Baraschi S. Păcuiul lui Soare Vol. 2: Aşezarea medievală. Bucureşti. P. 148-163.
- Iliescu O. 1978. Informations nouvelles concernant les villes portuaries des bouches du Danube au moyen âge // RESEE. Nr.1
- Iliescu O. 1990. Monedele Țării Româneşti şi ale Moldovei la Marea Neagră (secolele XIV-XV) // RI. T. I. Nr.6. P. 651-656.
- Iliescu O. 1997. Génois et Tatars en Dobroudja au XIVe siècle: l' apport de la numismatique // Études byzantines et post-byzantines. III. Bucureşti. P. 161-178.
- Iliescu O., Simion G. 1964. Le grand trésor de monnaies et lingots des XIII et XIV siècles trouvé en Dobroudja septentrionale. Note préliminaire // RESEE. T. II. Nr.1-2. P. 217-228.
- Iliescu O., Dinu M. 1957. Tezaur monetar din secolul XV de la Cîrpiţi (raionul Iaşi) // Studii şi cercetări ştiinţifice. Istorie. VIII, fasc. 2. P. .
- Iliescu O., Tarălungă P. 1992. Un tezaur monetar de la sfîrşitul secolului al XIII-lea descoperit la Prăjeşti (jud. Bacău) // Carpica. Vol. XXIII /2. P. 247-253.
- Iorga N. 1899. Studii istorice asupra Chilie şi Cetatea-Albă. Bucureşti.
- Iorga N. 1925. Istoria comerţului românesc. Epoca veche. T.I. Bucureşti.
- IR 1962. — Istoria României. Vol.II. Bucureşti.

- Kozubowski G. 1994. Monety księstwa kijowskiego w XIV w. // *Wiadomości Numizmatyczne*. R. XXXVIII. Z. 3-4 (149-150). S. 121-139.
- Laurent V. 1946. Le métropole de Vicina Macaire et la prise de la ville par les tartares // *RHSEE*. T.23. P.225-232.
- Lăzărescu G., Stoicescu N. 1972. Țările Române și Italia până la 1600. București.
- LC. 1877. — *El Libro del Conoscimiento de todos los reynos y tierras y señoríos que son por el mundo* / Ed.Marcos Jiménez de la Espada. Madrid.
- Matei M.D. 1970. Studii de istorie orășenească medievală (Moldova, sec. XIV-XVI). Suceava.
- Matei M.D. 1978. Nivelul premușatin de la Curtea Domnească din Suceava // *SCIVA*. Nr.4. P. 541-557.
- Matei M.D. 1989. Civilizație urbană medievală românească. Contribuții. (Suceava până la mijlocul secolului al XVI-lea). București.
- Matei M.D. 1997. Geneză și evoluție urbană în Moldova și Țara Românească. Până în secolul al XVII-lea. Iași.
- Metcalfe D.M. 1960. The currency of byzantine coins in Syrmia and Slavonia // *Hamburger Beitrager zur Numismatik*. N 4. P.429-444.
- MBR. 1977. — Luchian O., Buzdugan G., Oprescu C.C. Monede și bancnote românești. București.
- MHP 1838. *Imposicio Officii Gazarie* // *Monumenta Historia Patriae*. Turin. Vol.2.
- Neamțu E., Neamțu V., Cheptea S. Orașul medieval Baia în secolele XIV-XVI. Iași:
Vol. 1. 1980. Cercetările arheologice din anii 1967-1976.
Vol. 2. 1984. Cercetările arheologice din anii 1977-1980.
- Neamțu V. 1997. *Istoria orașului medieval Baia (Civitas Moldaviensis)*. Iași.
- Neamțu V., Cheptea S. 1986. Contacte între centrul și sud-estul Europei reflectate în circulația monetară de la Baia (secolele XIV-XV) // *Românii în istoria universală* (I). Iași. P. 18-30.
- Negoiu I. 1961. Denaturarea de către istoriografia burgheză a rolului tătarilor pe teritoriul patriei noastre // *Analele universității București. Seria științe sociale. Istorie*. T. 20. P. 37-52.
- Nicolae E. 1996. Descoperiri monetare de la Suceava (I) // *BSNR*. LXXXVI-LXXXVII (1992-1993). Nr. 140-141. P. 179-196.
- Nicolae E. 1997. Quelques considérations sur les monnaies tatars de «la Ville Neuve» (Yangi-şehr/Şehr al-cedid) // *SCN*. Vol. XI (1995). P. 197-200.
- Niculită A., Boldureanu A., Nicolae E. 1997. Les aspres ottomans du trésor de Săseni, dep. de Călărași (Rep. Moldavie) // *SCN*. Vol. XI (1995). P. 201-209.
- Oberländer-Târnoveanu E. 1983. Monede bizantine din secolele XIII-XV descoperite în Dobrogea // *BSNR*. 1981-1982. Nr. 129-130. P. 271-313.
- Oberländer-Târnoveanu E. 1985. Documente numismatice privind relațiile spațiului Est-Carpatic cu zona Gurilor Dunării în secolele XIII — XIV // *AIAX*. T. XXII/2. P. 585-590.
- Oberländer-Târnoveanu E. 1987. Numismatical contributions to the history of the South-Eastern Europa at the end of 13th century // *RRH*. Nr. 3. P. 245-248.

- Oberländer-Târnoveanu E. 1988. Quelques remarques sur les émissions monétaires médiévales de la Dobroudja meridionale aux XIVe — XVe siècles // RRH. N 1-2. P.107-122.
- Oberländer-Târnoveanu E. 1989. Moneda Asăneștilor în contextul circulației monetare din zona Gurilor Dunării // Răscoala și statul Asăneștilor: Culegere de studii. București. P.127-149.
- Oberländer-Târnoveanu E. 1997. Byzantino-tartarica — le monnayage dans la zone des Bouches du Danube à la fin du XIIIe et au commencement du XIVe siècle // Il mar Nero. Annali di archeologia e storia. II. 1995/96. Roma, Paris. P. 191-214.
- Oberländer-Târnoveanu E. 1997a. Începuturile prezenței tătarilor în zona Gurilor Dunării în lumina documentelor numismatice // Originea tătarilor. Locul lor în România și în lumea turcă. București. P. 93-128.
- Oberländer-Târnoveanu E., Mănușu-Adameșteanu G. 1984. Monede din secolele XII-XIV descoperite la Nufăru (jud. Tulcea) // Peuce. Vol. IX. P. 257-266.
- Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I. 1981. Contribuții la studiul emisiunilor monetare și al formațiunilor politice din zona Gurilor Dunării în secolele XIII-XIV // SCIVA. Nr. 1. P. 89-110.
- Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I. 1989. Noi descoperiri de monede emise în zona Gurilor Dunării în secolele XIII — XIV // SCN. Vol. IX. P. 121-128.
- Oțetea A. 1965. La formation des États féodaux roumains // Nouvelles études d'histoire. Vol. 3. P.87-104.
- Panaiteșcu P.P. 1969. Introducere la istoria culturii românești. București.
- Papacostea Ș. 1978. De Vicina a Kilia. Byzantins et génois aux bouches du Danube au XIVe siècle // RESEE. N 1. P.65-79.
- Papacostea Ș. 1993. Românii în secolul al XIII-lea: între cruciată și Imperiul mongol. București.
- Păcurariu M. 1980. Istoria Bisericii Ortodoxe Române. Vol.1. București.
- Pippidi A. 1986. «Romecha» // RESEE. N 3. P.287-288.
- Pistarino G. 1971. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzio (1360-1361). Bordighera.
- Popa C., Daragiu Gh. Monumente și locuri istorice din Dobrogea medievală. Secolele X-XV. București.
- Spinei V. 1982. Moldova în secolele XI-XIV. București.
- Stahl H.H. 1972. Studii de sociologie istorică. București.
- Ștefănescu Șt. 1959. «Întemeierea» Moldovei în istoriografia românească // Studii. Revistă de istorie. Nr. 6. P. 35-52.
- Todorova E. 1978. More about Vicina and the West Black Sea Coast // Etudes balkaniques. N 2. P.124-138.
- Todorova E. 1981. Medieval nautical cartography on the West Black Sea coast // Études balkaniques. N 2. P.118-131.
- Vertan A., Custurea G. 1988-1989. Cronica descoperirilor monetare în Dobrogea (VIII) // Pontica. Vol. XXI-XXII. P. 369-390.

Ursu A., Berciu-Drăghicescu A. 1989. Descoperiri monetare de pe teritoriul Țării Românești (secolele XIV-XVI) // Caietul seminarului special de științe auxiliare. Opuscula numismatica. București. P. 125-172.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БСП — Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Велико Търново.
- ВИ — Вопросы истории. М.
- ГИБИ — Гръцки извори за българската история. София.
- ДГ — Древнейшие государства на территории СССР. М.
- ЗООА — Записки Одесского археологического общества. Одесса.
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
- КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
- ЛИБИ — Латински извори за българската история. София.
- СА — Советская археология. М.
- СС — Советское славяноведение. М.
- АПАХ — Anuarul Institutului de istorie și arheologie «A.D.Xenopol». Iași.
- АМ — Arheologia Moldovei. Iași.
- BSNR — Buletinul societății numismatice române. București.
- RESEE — Revue des Études Sud-Est Européennes. București.
- RHSEE — Révue historique du sud-est européen. Bucarest.
- RI — Revista de istorie . București.
- RRH — Revue roumain d'histoire. București
- SCN — Studii și cercetări de numismatică. București.
- SCIVA — Studii și cercetări de istorie veche și arheologie. București.

RESUME

Russev N.D. At the Edge of Worlds and Epochs: the Towns Along the Low Danube and Dniester in the Late XIII-XIV Centuries.

XIII-XIV centuries saw a lot of events reflected brightly in the history of the towns of this region. Lands between the Carpathians, Danube and Dniester suffered deep crisis in Byzantine Empire, Mongol invasion and domain of the Golden Horde, trade expansion of Genoa and Venice, flourishing and fall of the Second Bulgarian Kingdom, aggression of Ottoman conquerors. This is the time when Valachia and Moldavia appear on the stage and quickly take their leading position.

The towns along the Low Danube and Dniester grew on the intersection of civilisations, known for their complicated tangle of cultural traditions of Byzantine Empire, Western Europe, Eastern Roman population of the Carpathians and the Balkans, Turk-Arabic Orient and Slavic world. Important trade routes intersecting here and quite an early involvement of the region in the big international trade led to the situation that the settled life in this region was formed primarily as the urban one. Such super-urbanisation combined with permanent threat of elimination of the local urban centres, which promoted early cultural influences and were a tempting booty for the nomads at the same time.

Archaeological data, numismatic in particular, together with laconic and contradictory written records of various origin (Eastern, Western European, Byzantine and Slavic) formed the empirical basis of the research.

Study of mass coin findings has a significant importance for elucidation of history of the towns, which were centres of trade and monetary relations and political life.

Chapter 1 is dedicated to study of one of the ways of urban development. Analysis of composition of currency of three towns along the Dniester river (archaeological sites of Old Orhei, Costești and Belgorod Dniestrovski) showed that regional urbanisation and desurbanisation is directly linked with the external impact. Depending upon situation in the Golden Horde, development of urban centres would cease and restart many times. Settlements in the central part of the lands between Prut and Dniester – Old Orhei and Costești, are a brilliant proof

of this peculiarity of social and economic development. These settlements are typical representatives of syncretic culture of Djuchi's Ulus. There was no pre-Mongol urban tradition here, while the urbanisation process of 50-60s of XIV century was unusually unexpected and fast.

The origin of such development is almost one-time transmigration of many urban dwellers from the Low Volga region to the Western border of the state in the time of khan Djanibek's rule (1342-1357). Study of general pace of events in the Southern part of Eastern Europe showed that a quick transmigration over a vast distance and subsequent intense urban construction could not be a result of well-thought policy by the central power. Golden Horde towns on the territory of the modern Moldavia emerged rather after a forced emigration caused by a complicated bunch of reasons, the pandemy of plague (known as "black death" in Europe) among them.

New towns turned to be foreign formations along the Dniester river, therefore they shared the fate of the Horde domain in the region. As soon as Tatars and Mongols left these lands in about 1370, they fell into decay completely, and so did the urban life in the central part of the lands between Prut and Dniester soon after that.

Chapter 2 shows that Belgorod used to be most heterogeneous town along the Dniester. Under the Horde rule a vast ethno-confessional diversity of its inhabitants conditioned complicated nature of social relations between the different layers of its dwellers. The purpose of the fight of the Orthodox dwellers of Belgorod with the Catholics was only to gain a relatively higher level in the social hierarchy, because its top invariably belonged to the Tatars and Mongols. In critical moments the conquerors would this way or another cause a clash between the different layers of the Belgorod dwellers, and thus temporarily settle keen social conflicts and weaken opposition of the dependent population.

Chapter 3 shows that in the early XIV century Bulgarian king Feodor Svetoslav got certain power as khan's vassal over the sea-coast towns of the region. Despite of his close relations with Mongol rulers, his role was only a secondary one. The last word on the fate of this region, which had ancient connections with Bulgarian lands, was the matter of the Horde people; they continued wandering in the neighbouring steppes and, apparently, controlling the situation within the towns and also the activities of their protégés.

Written records state repeated change of policy and functions of the conquerors in the towns during XIII-XIV centuries. Besides the places where any influence other than the Horde's one can be firmly regarded as insignificant (Old Orhei, Costești), the role of the Bulgarians, Greeks, Italians, Armenians, Jews etc. turned out to be significant and sometimes determinant in other places. Moreover, in some towns the Horde people were a secondary force. In Chilia, for instance, the key role was played by the Genoese in 1360-1361.

Chapter 4 examines the issues of spatial and chronological rhythms of the urban life. It is determined that currency underwent five periods of its history in

the region. These periods fix irregular economic development and shifts in the political status of the towns in the late XIII – 80s of XIV century. Three areas of urban civilisation within Horde influence are determined, which characterise the following:

- a) entire region in the late XIII century;
- b) Low Danube in XIV century;
- c) Low Dniester in 50-60s of XIV century.

Six stages in urban evolution are distinguished in the areas along the Low Danube and Dniester in XIII-XIV centuries. Existence of the Byzantine-Bulgarian tradition centres along the Danube (I stage) was interrupted by Mongol invasion in the early 40s of XIII century. The process of natural regeneration of urban life (II stage) had stopped by the last quarter of XIII century. Shift of Nogay's headquarters to the Danube and involvement of the delta region into the area of Genoese colonisation marked emergence of new dominants in the urban history (III stage). The early and middle XIV century saw a gradual decay and disintegration of the regional unity; each of the towns started evolving according to "its own choice" made on basis of the internal potential (IV stage). In 50-60s of XIV century the leading forces in various places started personifying just one tradition: Italian, Byzantine-Bulgarian or Horde (V stage). The urban life of 70-90s of XIV century can be characterised by overall devaluation of the Horde's and enforcement of Eastern Roman civilisation factors (VI stage).

The epilogue examines the issue of influence of the region's towns on the early history of Valakhia and Moldavia. The Valakhian lands with capital in Curtea de Argeş developed similarly to the ones in the Low Danube areas. Dependence on Horde did not turn to be here the factor that destroyed traditions of small barter distinguished since XII century at latest.

Quite a different situation existed in Moldavia. The social evolution of the population in the Eastern Carpathian region with centre in Baia suffered a strong influence of Hungary, while the Horde rule was an obstacle in development of urbanisation and feudalisation processes in the country.

Thus, the Valakhian statehood developed in XIII-XIV centuries in a determined and well seen connection with the processes in the Low Danube regions, while development of the Moldavian statehood was independent and even quite opposite to the pace of history in the Southern part of the lands between the Danube and Dniester rivers.

C O N T E N T S

The Cultural-Informational Project «The World as Mirror for Moldova» ..	5
Editorial	12
Preface	15
Chapter 1. ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION AND EMERGENCE OF TOWNS	
1.1 Urban Development and Currency	32
1.2 Some Factors of Urban Development of Middle XIV Century	46
Chapter 2. ASPECTS OF SOCIAL HISTORY OF BELGOROD	
2.1 Religious and Ethnic Composition of the Population	59
2.2 Social Relations	75
Chapter 3. ISSUES OF POLITICAL HISTORY	
3.1 On the Historical Situation in the First Three Decades of XIV Century	86
3.2 The Horde People and the Life of the Towns	102
Chapter 4. AN EXPERIENCE OF PERIODISATION	
4.1 Rythms of Goods-Money Exchange	124
4.2 Currency Areas and Periods	141
4.3 Stadial Nature of Urban Development	152
Epilogue. THE TOWNS OF THE REGION AND THE EARLY HISTORY OF MOLDAVIA AND VALAKHIA	
Appendix 1. TABLES	178
Appendix 2. FINDINGS OF DJUCH'S AND HYBRID COINS ON THE WESTERN MARGIN OF THE GOLDEN HORDE (BRIEF DESCRIPTION OF CONTEXTS)	196
Bibliography	219
Resume	235

Руссев Николай Дмитриевич

На грани миров и эпох. Города низовьев Дуная и
Днестра в конце XIII — XIV вв.

Кишинев. Высшая Антропологическая школа. 1999. — 240 стр.

Высшая Антропологическая школа.

MD 2024, Республика Молдова, г. Кишинев, ул. Зимбрулуй 10а.

Подписано к печати 7.12.1999. Формат 60×84 1/8. Бумага офсет №1.

Печать офсетная.

Гарнитура «таймс». Усл. печ. л. 11. Тираж 750 экз. Заказ 285.

Отпечатано АО «Бизнес-Элита». Кишинев, ул. Щусева 106, оф. 23.

об авторе

Николай Дмитриевич Руссев родился в 1958 г. в поселке Суворово близ Измаила. В 1980 г. окончил исторический факультет Одесского Государственного Университета. До 1987 г. работал школьным учителем истории в поселке Южный под Одессой. В 1987 г. переезжает в Кишинев и становится сотрудником Института Истории АН МССР. В 1992 г. защищает кандидатскую диссертацию. Будучи сотрудником Института Истории, с 1992 по 1997 гг. преподавал в Молдавском Государственном Университете и Педагогическом Университете в Кишиневе. С 1998 г. становится заведующим кафедрой Истории цивилизаций Высшей Антропологической Школы (ВАШ). Преподает курсы: "Цивилизация средневековой Европы", "Комплексное источниковедение", является одним из соредакторов археологического журнала "Stratum plus". Параллельно совместно с сотрудниками Института археологии АН Украины и датского археологического института, ведет раскопки "Траянова Вала" в Южной Бессарабии.

Область научных интересов нумизматика, археология, экономическая история Юго-Восточной Европы в XIII-XVII вв., реконструкции ментальных структур.

Николай Дмитриевич Руссев автор более сотни научных и научно-популярных статей. "На грани миров и эпох" четвертая изданная монография Н.Д.Руссева.

